АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ

АРТ ЛАД

12+

3
2019

Журнал «Арт»

АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ АРТ

Журнал «Арт» поздравляет
первого главного редактора издания

Галину Васильевну БУТЫРЕВУ с Днём рождения!

Дорогая Галина Васильевна!

Мы очень ценим ваш вклад в создание журнала и участие в его жизни, многолетнюю дружбу и преданность!

Ваша любовь к родному краю, его литературе и языку находят отражение во всех ваших делах и начинаниях: в литературном творчестве, работе и общественной деятельности.

Вы Поэт! Вы Журналист! Вы Политик! В любой из этих ипостасей вы добились блестящих успехов.

Ваша поэзия открыла для нас образ малой родины: Удоры, Вашки, села Ёртома. А благодаря таланту переводчика читатели смогли ознакомиться с поэтическим богатством авторов из других стран и регионов России.

Желаем вам крепкого здоровья, бодрости духа, новых открытий и неизведанных дорог, романтики и хороших новостей!

Пусть ваши путешествия будут долгими и интересными, рыбалка удачной, а встречи незабываемыми!

С любовью, коллектив редакции журнала «Арт».

АРТ ЛАД

12+

Содержание

Проза. Поэзия. Литературная критика

Г. Бутырева. Вячеслав Куприянов 4
В. Куприянов. Дикий Запад. *Стихи* 6
Н. Мирошниченко. «В гордом мире роковом».....11
А. Попов. В Краю Ю. *Стихи* 14
И. Зоткин. Мой «Бежин луг». *Рассказы* 27

Усинск

Н. Такаев: «Сила Усинска в его людях!..» *Интервью* 68
Е. Холопова, Н. Стикина. Усинск. Начало. С биографией людей рождается история города 74
Н. Стикина. И в прозе, и в поэзии – Усинск... *Стихи* 87
Н. Попов. Детство города. *Рассказы*.....98
Е. Аркушина. «Так приходило вдохновенье...» *Стихи* 109
Д. Филитова. «Живи – под солнцем или снегом...» *Стихи* 115
Е. Лясковская. А вы помните? 120

Штудии

И. Ильина: «Колдуньей я не стала...» *Интервью П. Лимерова*.....126
И. Ильина. Принципы здоровьесбережения в традиционной культуре коми 130
И. Ильина, О. Уляшев. Морошка в традиционной культуре коренных этносов Европейского Северо-Востока и Сибири 134

Монди СЛПК

С. Муравьева. Счастье, обретённое на СЛПК 145
От «Дружбы» к «Егорке» 153

Арт-факт

О. Орлова. «Отрезки жизни» 157

Ы

А. Сукгоева. Вильыш мойдкыв. *Кывбуръяс*.....178
Г. Немчинов. Лöп чукöр. *Мойд* 183
«Сьöлöмöй ыркмуніс...» Гожся университетса том филологъяслöн гижöдъяс 185

Сыктывкар, 2019

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республикаса литература, публицистика, история, культурология да художественнӧй журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке Администрации Главы Республики Коми.

Учредители (соучредители):
Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.
Главный редактор – Павел Лимеров.
Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.
Заведующий отделом по основным направлениям деятельности – Татьяна Логинова.
Художественный редактор – Юрий Лисовский.
Литературный редактор, корректор – Алёна Шомысова.
Технический редактор – Анастасия Габова.

Журнал «Арт»
Зарегистрировано Управлением Роскомнадзора по Республике Коми. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 3 (88) 2019 г.
Дата выхода в свет: 19.09.2019.
Руководитель редакции:
Новикова Н. М.
Главный редактор:
Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки и заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:
167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

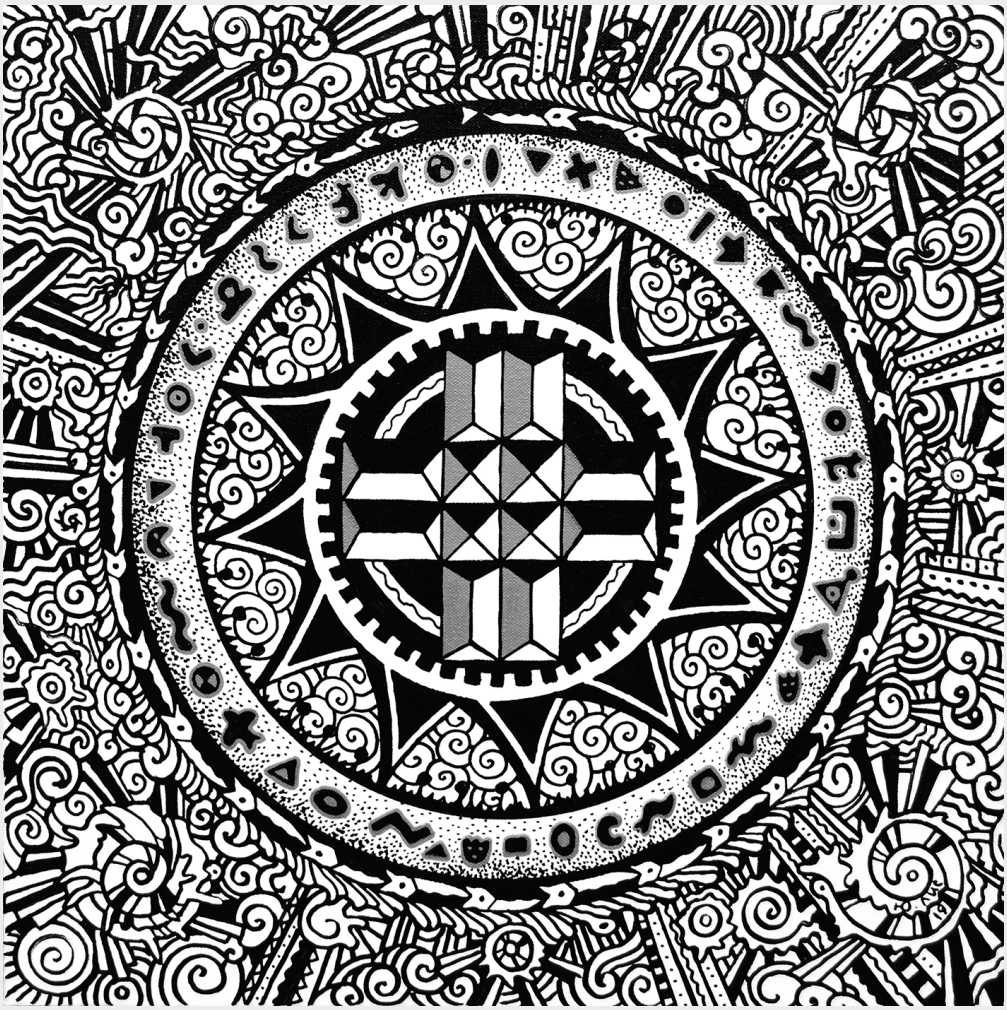
Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с электронных носителей заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Подписано к печати по графику – 09.09.19. Фактически – 09.09.19. Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48. Адрес типографии: 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Проза. Поэзия.
Литературная критика



ГАЛИНА БУТЫРЕВА

Галина Васильевна Бутырева. Поэт. Пишет стихи на коми и русском языках. Автор нескольких сборников стихов и путевых очерков. Член Союза писателей России, лауреат премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова (2005), заслуженный работник культуры Республики Коми (1994) и Российской Федерации (2011). Награждена медалью святого Даниила за содействие возрождения православной церкви (1996), медалью к Ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени (2005).

Вячеслав Куприянов

Мы познакомились с Вячеславом Куприяновым несколько лет назад в Переделкино.

С тех пор я перечитала большинство его книг, какие-то его стихи перевела на коми язык, и они опубликованы в моих различных поэтических сборниках.

Недавно мне позвонила Надежда Мирошниченко, передала привет от Куприянова и просьбу... перевести несколько его стихотворений.

Для меня это, конечно, большая честь, чтобы сам поэт с таким именем обратился с такой просьбой.

Кто-то, возможно, слышит имя Куприянова впервые, поэтому скажу о нём в нескольких словах, поскольку с подробностями биографии Вячеслава Глебовича и его поэзией каждый желающий может познакомиться в Интернете.

Достаточно набрать это имя: Вячеслав Куприянов.

Он родился в 1939 году в Новосибирске. Ещё в Московском институте иностранных языков, на переводческом факультете отделения перевода и математической лингвистики, стал заниматься переводами поэзии. Защитил диплом по переводам из Райнера Марии Рильке.

Позже переводил с английского, французского, испанского языков (без подстрочников).

Одним из первых стал разрабатывать русский свободный стих.

Уже первые его книги были тепло встречены критикой, их признали и за рубежом.

«Он жил и продолжает жить в литературе, независимо от того, какой флаг поднимают профессионалы-знаменосцы...

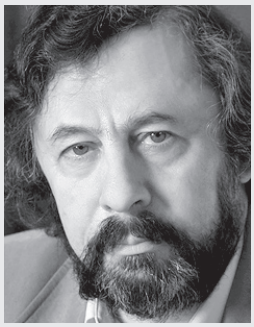
С ним можно не согласиться, спорить, но поэта Куприянова всегда интересно читать», – так пишет один из его читателей В. Малахов.

«Многие его стихи уже давно просятся в качестве образцов в различные хрестоматии, например, «Урок пения» (А. Майсюк).

Я люблю поэзию Вячеслава Куприянова, с удовольствием перечитывала его книги и благодарю судьбу за то, что однажды она подарила мне встречу ещё с одним настоящим Поэтом.

Чего желаю и Вам.

С уважением, Галина Бутырева.



ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

Вячеслав Глебович Куприянов – русский писатель, поэт и переводчик. Стихи В. Куприянова переведены более чем на 40 языков мира. Член Союза писателей России, Союза писателей Сербии, Европейской Академии наук и искусств (Зальцбург). Член русского ПЕН-центра. Лауреат различных международных премий в области литературы.

Дикий Запад

Урок пения

Человек
 изобрёл клетку
 прежде
 чем крылья.
В клетках
 поют крылатые
 о свободе
 полёта.
Перед клетками
 поют бескрылые
 о справедливости
 клеток.

* * *

Бордъясысь
 водзджык
 морт лӧсьӧдіс
 клетка.
Клеткаясын
 сьылӧны борда лэбачьяс
 вӧля
 йылысь.
Клеткаяс водзын
 сьылӧны бордтӧмаяс
 клеткаяслӧн
 справедливость йылысь.

Урок анатомии

Простите ученики
но из моего скелета
не выйдет
хорошего наглядного пособия.
Ещё при жизни
я так любил
жизнь и свободу
что взломал свою
грудную клетку
чтобы дать волю сердцу
а из каждого ребра
я пытался
сотворить женщину
голову ещё при жизни
я ломал
над вопросами жизни
какой уж тут
череп.

* * *

Эн дöзмö
велöдчысь войтыр
но менам лы чукöрсьыд
некутшöм скелет нин
оз артмы.
Ловъя дырйи на
ме сэтшöма радейтлі
олöмсö да ас вöлясö
мый весиг чашварті
ордлыясöс
мед мынтöдны сьöлöмöс
морöс куд пытшкысь
а быд торъя ордлыысь
босьтчылі ловзьöдны
выль аньöс

юрöс
олігам на
сэтшöма жуглі
быдсяматорсö гöгöрвоны
зілигöн
кутшöм нин череп öні
кысь нин вермас лоны
дзоньöн-бурöн.

Урок пения - 2

Птицы поют
 мы боимся людей
 мы поём
 от страха.
Рыбы поют
 мы боимся людей
 мы рычим
 от страха.
Люди поют
 мы не звери
 не бойтесь.
Все разбежались
 разлетелись
 уплыли
 от страха.

* * *

Лэбачьяс сьылöны
 ми полам йöзсьыс
 ми сьылам
 полöмсьыс.
Черияс сьылöны
 ми полам йöзсьыс

ми сьылам
полӧмсьыс.
Йӧз сьылӧны
эн полӧй
ми ӧд тіянӧс быдӧнӧс радейтам.
Ставӧн ризі-разалісны
кытчӧсюрӧ
лэбисны
уйисны
полӧмсьыс.
Йӧзыс сьылӧны...

Дикий Запад

Там далеко
это всё там
Европа
где сербы поют «тамо далеко»
где англичане всей Англией плывут в Америку
где французы хором ежедневно берут Бастилию
где испанцы танцуют и мстят за похищение Европы
где у швейцарцев на каждого своя дырка в сыре
где голландцы с надеждой ждут нашествия донкихотов
где шведы ходят в гости к датчанам
где итальянцы прыгают на своей одной ноге
где поляки ещё не сгинули
где турки тихо воссоздают свою Византию
где македонцы «добре дошли» до Индии
где русские никак не решат
где они
где восток, где запад
и всё-таки хотят быть
этой Европой.

Дик Рытыввыв

Ылын-ылын кӧнкӧ
кӧн ставыс
Европа
кӧн сербъяс сьылӧны «тамо далеко»
кӧн англичана ставнас Англиянас сынӧны Америкалань
кӧн французъяс бара и бара босьтӧны Бастилия
кӧн испанечьяс век на кӧсйӧны кодлыкӧ косӧдны Европа гуӧмысь
кӧн швейцаречьяслӧн быд морт вылӧ быд сыр тупӧсьын аслас розь
кӧн голландечьяс век на эскӧны донкихотъяслӧн выльысь волӧм вылӧ
кӧн шведъяс датчанакӧд помтӧг пырӧны-петӧны ӧта-мӧд дорас
кӧн итальянечьяс чеччалӧны асланыс кок йыланыс
кӧн полякъяс век на абу «згинитӧмаӧсь»
кӧн турокъяс чӧвчӧн лӧсьӧдчӧны ловзьӧдны ассыныс Византия
кӧн македонечьяс «добре дошли» Индияӧдз
кӧн сӧмын роч войтыр
некыдз оз вермы
стӧча шуны
кодкӧд сійӧ
асыв ли, рытыв муяскӧд...
И век жӧ кӧсйӧ лоны
тайӧ Европанас...

Комиӧдіс Галина Бутырева

«В гордом мире роковом»

Кому судьба, кому утрата.
Не сразу, впрочем, разберёшь...
Не знает имени Сократа
Скучающая молодёжь.
И нет идей его в народе.
И наших – нет. Их просто нет.
Так почему любой свободе
Сократ мешает?
И Поэт?

Андрей Попов

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

Надежда Александровна Мирошниченко. Поэт. Лауреат Государственной премии Республики Коми, премии «Северная звезда» Союза писателей России и Республики Саха (Якутия), премии журнала «Наш современник». Народный поэт Республики Коми.

ЭТОТ красивый юноша, с блоковской тайной на лице, встретился мне, когда ему было 23 года. Я пришла на встречу с читателями в Воркутинское ПТУ № 31. А потом я увидела его через 5 лет, на встрече с замечательным поэтом Валентином Устиновым, который приехал к нам специально посмотреть на ребят из моего литобъединения «Сыктывкарская мастерская». Андрей бывал у нас очень редко: из Воркуты не наездишься. Он рос как дичок – сам по себе в своём далёком Заполярье. Но и тогда он всё ещё смотрелся строгим юношей, решающим внутри себя вечное: что есть Истина? Выросший в счастливой семье технической интеллигенции (и папа, и мама были инженерами), предполагалось, что он продолжит дело своих родителей. Но, на всякий случай, для гармонии души ему купили пианино, в надежде, что он и его младший брат приобщатся к музыке. Среди интеллигенции в те советские годы было поветрие: детей надо отдавать в музыкальную школу. Еврейские дети, как правило, отдавались – «на скрипку», все остальные – «на фортепиано». В крайнем случае – «на народные инструменты».

У нас тоже было пианино фабрики «Красный октябрь». Оно стоило дорого. Потому родители интеллигентных чад достаточно долго копили финансы, чтоб обеспечить чадам гармонию души. Ни в моей семье, ни в семье Андрея Попова надежды не оправдались. Я честно ненавидела гаммы, а Андрей, т. к. он намного младше меня, в молочном возрасте романтической юности попал под раздачу вольных шестидесятых. И поступил в ЛГУ на факультет журналистики. Дело в том, что в старших классах воркутинской средней школы № 16 учительница литературы Эльвира Порфирьевна Сивцова задала им как-то писать сочинение на вольную тему. И почти все одноклассники получили в итоге пятёрки, а Андрей ненавистную тройку. Именно эта оценка приблизила его к глубокому изучению русской литературы. В первую очередь, поэзии.

И вот он в культурной столице России – тогда ещё в Ленинграде. Связавшись с интеллектуальной богемой города, где царствовала любовь к Иосифу Бродскому, свобода либеральной мысли и, конечно, лёгкое (получалось не всегда) распитие спиртных напитков, он через год вылетел из университета и вернулся восвояси. Учёба продолжилась в Сыктывкаре, в СГУ, конечно, на филфаке. Время было социально активное. Студенческая жизнь зашкаливала интересом к смыслу жизни, но, слава Богу, диплом был получен. Всё это время наш герой писал свои стихи и сопротивлялся «стандартам» среднего уровня идеалов, избрав для себя в пример Василия Розанова и Юрия Кузнецова.

Честно говоря, думая о ранней биографии нашего героя, я ещё раз убеждалась, сколько непредвиденных и опасных соблазнов таит самостоятельная жизнь для мальчиков из «хороших семей». Да, для любых мальчиков и девочек, но многие (не «из хороших») к этому возрасту набираются жизненного опыта уже дома. Но Андрей внутри себя был готов к взрослой жизни, то ли благодаря литературному опыту, то ли здоровым нравственным установкам семьи. То ли характеру, который никак не прочитывался в «блоковской» внешности, но стержнем пронзил юную душу сызмала: он всегда много трудился, ставил перед собой задачи и разрешал их. Бит бывал, но и победы случались тоже.

Женившись уже в университете на своей прекрасной Марине, тоже студентке того же СГУ, он прожил с ней всю жизнь до сегодняшнего дня, пережив вместе и трагическую гибель единственного сына, и годы непонимания коллег по литературе его избранного пути. Достаточно поздно узнав, что он прямой потомок коми классика Ивана Куратова и прадедов-священников, при русской маме (из Рязани) и коми папе (из Сыктывкара), любивших друг друга без всякого национального противостояния, он инстинктивно тянулся и к поэзии, и к религии, сначала пробудив в себе интерес к ней через русских философов. Но как много значит в нашей жизни Его Величество Случай. Вернувшись в Воркуту после окончания университета и переменив несколько мест работы, он остановился на знаменитом Воркутинском Дворце пионеров, где ему предложили должность методиста. И вот

именно здесь, учитывая малые зарплаты юных специалистов, руководство подкинуло ему на четверть ставки доплату. Он взялся вести литературный кружок, где впервые столкнулся с необходимостью читать духовную литературу. И всё срослось. И его попытки вслепую нащупывать путь русского православного народа. И драма Отечества, потерявшего Бога в XX веке. И путь к Истине, который всё не давался ему в своей советской зыбкости и спутанности идеалов. Он пришёл к себе.

Андрей Попов – мой любимый поэт Республики Коми. Работящий, блестяще образованный, самостоятельно думающий, человек с до сих пор нерастраченным творческим темпераментом, независтливый, несклочный, воспитавший десятки учеников. Честно говоря, которые даже не понимают зачастую, как им повезло с учителем. Поэт, пронзительно талантливый, понимающий, что такое: «Бог – это любовь»! Поэт, не прочитанный по-настоящему ни в республике, ни в России. И первый человек в Сыктывкаре, который показал мне, что такое быть по-настоящему православным верующим. От чистого сердца поздравляю своего друга, Андрея Гельевича Попова, с его очередным и достойным юбилеем! Поэта, с честью подхватившего эстафету классика коми народа Ивана Куратова, поэта, понимающего, что такое Русский путь и объединившего собой талант наших двух народов – русского и коми. Всех благ тебе, дорогой Поэт Андрей Попов! Тебе и твоей умнице Марине! Счастливого пути в продолжающееся будущее! И Бог в помощь!

P. S. Дорогие читатели, кто всерьёз любит поэзию, перечитайте «пограничную книгу» Андрея Попова «В гордом мире роковом» (изд-во «АНБУР», 2008), после которой можно говорить, что в России одним настоящим русским Поэтом стало больше.

АНДРЕЙ ПОПОВ

Андрей Гельевич Попов родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград». Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

В краю Ю

(Стихи)

* * *

Солнце споткнётся о времени край, как об порог.
Март остаётся зимою. Сон не найдёт покой.
Вижу во сне, как падает птица, вянет цветок.
Вижу ночное небо и звёзды над головой.

И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы путь кривой,
Чтобы понять, никого нет рядом – и я один.
Только ночное небо и звёзды над головой.

Время споткнётся о солнце – снова придёт весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звёзды над головой.

* * *

Пустили слух, что умер Бог. В восторге
Десятки независимых газет
Об этом пишут. И сказал Георгий
ИвАнов: «Хорошо, что Бога нет».

Забавно это модным менестрелям
И разным социальным докторам.
Нет больше Бога. В Бутове расстрелян.
И продан за границу, как уран.

Волнуются московские предместья,
Алтайский край, Владимирский централ.
Чего шумят?! Мы знаем, Бог воскреснет.
Он для того всегда и умирал.

Наводнение в Бангладеш

Что нам ближние люди?! Томимся в тоске,
О любви говорим непонятно и грустно.
Человек просит помощи, тонет в реке,
А у нас на устах: «Как сказал Заратустра...»

Помоги, если можешь, а то и утешь,
Полюби, если можешь, без всяких резонов.
И не мучай других: – Как дела в Бангладеш?
Сколько там утонуло от южных муссонов?

Каждый год то же самое – снова ко дну
Чьи-то судьбы идут вместе с рисом и просом.
Жизнь течёт, человек в ней от слов утонул,
Захлебнулся он в ней от дежурных вопросов.

Только что нам течение жизни и рек?!
О себе сочиняем красивые сказки,
И любовь умирает – и с ней человек.
А у нас на устах: «Как сказал Станиславский...»

Он сказал: – Я не верю!
Как можно ни с кем
Не делиться внезапной сердечною раной?
Человек просит помощи – тонет в тоске
От того, что в дождях тонут души и страны.

* * *

Смерть не верит слезам.
Как положено зверю.
А пути просчитала мои наперёд.
Но весной я не плачу.
И смерти не верю.

И в неё я не верю – весной.
Подождёт.

Всё вернётся...
Февраль хоть и хмур, да не долог.
Я в весеннее утро открою окно.
И услышу, что в сердце смеётся ребёнок.
Или в доме моём.
А иначе и быть не должно.

* * *

Прочтут стихи, что ничего не значат,
И некролог,
И кто-то нерешительно заплачет
В цветной платок.

И вытирая чувственные слезы
И сняв берет,
Начнёт рассказ высокопарной прозой,
Что жил поэт.

Я это «жил» услышу, напрягая
Посмертный слух.
И я воскликну, что душа живая,
Что жив мой дух.

Что вижу вас – всех, кто пришёл проститься –
Простить меня.
Но зря, друзья, унылы ваши лица,
Не умер я.

Не умер я, поверь мне, брат мой лирик,
Что я живой!
Поверь мне, завсегдатай поликлиник
И сын пивной.

Оставим несчастливые глаголы –
Слова, слова...
Я вижу вас! – воротники, подолы
И рукава.

Я вижу вас! – носы, усы, бородки,
Разрезы глаз
И складки губ. Как явственно и чётко
Я вижу вас!

И так милы мне чувственные слёзы,
И мил сюжет,
Изложенный высокопарной прозой,
Что жил поэт.

Касаюсь плеч и трогаю за руки,
И в этот час
Осознаю всю трогательность муки,
Что вижу вас.

Осознаю, никто мне не ответит,
Вздохнув: «Привет!» –
Когда я рядом с вами, словно ветер.
И словно свет.

Два Николая

Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны...
Николай Рубцов

Жил в Воркуте я, морем Карским
Дышал, читая между дел
Стихи Рубцова. Власти царской
Он не жалел.
А я жалел.

И морем Карским, и свободой
Дышало небо надо мной.
Жаль храм, разрушенный народом,
Народ, разрушенный войной
С собой...
Жаль веру:
Став обузой,
Ушла в стихи и лагеря.
Мне жаль Советского Союза.
И жаль убитого царя.

Мне жаль разрушенный, как атом,
Народ
И храма русский свет...
Что царь убит своим солдатом,
Своею женщиной – поэт.

В краю Ю

В краю, где я ревную и люблю,
Где коротаю свой железный век,
По-коми речку называет «Ю»
Таёжный житель, добрый человек.

И душу неспокойную мою,
Которая привычно видит снег,
Утешит вдруг лесное слово «Ю»,
Что произносит добрый человек.

Что в слове этом?! Только звук и знак –
На речку я невольно посмотрю,
Потом на город – сколько железяк!

Всё понимаю, а живу не так,
Как добрый человек тайги, рыбак,
Который говорит, как дышит – «Ю»...

* * *

Как напьются
До состояния скотского,
Так вновь начинают
Цитировать Бродского.
Письма Постуму в Рим:
О тоске Империи,
Гетерах, галерах, Лаврентии Берии.
Руками они со значением машут,
Ругаются крепко:
Мать русскую вашу.
Зачем напиваться?
Зашли бы на почту,
Узнали б, что умер давно уже Постум.
То ли Цезарь казнил,
То ли выпил яда.
Не доходят их письма.
Писать не надо.

* * *

Провинция, словно Медея,
Убьёт, если надо, детей...
Что счастье? Всего лишь идея,
Какую посуду ни бей.

Контора, как водится, пишет.
Как водится, рядом роддом.
Для полного счастья детишек
Осталось убить топором.

Чтоб в точности всё по закону
Античного жанра – судьбы,
Чтоб стало обидно Ясону
За если бы да за кабы,

Чтоб вздрогнула строгая лира,
Печалью до сердца пробрав,
Когда он умрёт под буксиром,
Речным толкачом «Аргонавт».

И станет России яснее,
К чему этот медленный суд...
Провинция – это идея,
Которую не предают.

* * *

На великой реке Печоре
Я смотрел, как падает снег,
Как впадают в серое море
Осень, небо и человек.

Как звезда октября находит
На речных излуках ночлег,
Как плывут по хмурой погоде
Утро, баржи и человек.

2018

* * *

Читать по небу – труд или забава? –
Когда плывут, как знаки, облака –
И так проходит вся земная слава,
И вся земная мудрость и тоска,

Проходят все углы и повороты,
Утраты, споры и календари...
И ни забава что-то. Ни работа.
Хоть не смотри.

Выбор смерти

(триптих)

С. Пустыреву

1.

Повеситься бы не хотел.
Неловко,
Как перевёрнутый на спину жук,
Ногами дрыгать – а тебе верёвка
Сжимает горло и последний звук.

Глазами говорить – теперь на небе
Ищу слова, дороги для тревог,
Слегка качаясь, как травинки стебель,
Как маятник, как скорби поплавок.

И участковый в форме тёмно-синей
Вздохнёт привычно: «Как же ты, мужик...»,
Напишет в протокол, что по гордыне,
От чтения неразрешённых книг.

Как это пошло!
Кто-то и заплачет.
А кто-то и ругнётся: «Идиот!»
И ничего отчаянье не значит.
Честь не докажет. Счастья не вернёт.

1985

2.

Я не хотел бы ожидать расстрела...
Осматривать холодный каземат,
Вновь повторять молитвы неумело,
Сбиваясь на нетерпеливый мат.

Как это странно! Умирать от пули,
Что пустят по решению суда.
Когда на море съездить бы в июле,
Когда такая тёплая вода.

В июле жарко – не приходят мысли
О близкой смерти, не скулит тоска,
И хорошо пить на балконе рислинг,
И можно каберне или мускат,

Смотреть на море, на пейзаж предгорный,
А не в глаза последнего судьи.
Не понимать, как страх берёт за горло
От резкого приказа: – Выходи!

Как, ознакомив сухо с приговором,
Исполнят споро свой служебный долг
И труп поволокут по коридорам
В тюремный морг.

3.

Я не хотел бы умирать в постели
И чувствовать, что врут тебе врачи,
Что двигаться ты можешь еле-еле,
Что поцелуи смерти горячи.

Что тяжелы часы, слова и веки;
Что дружбу и любовь ищи-свищи;
Что, как обычно, будут человеки
Копать могилы и варить борщи.

Что никогда никто мне не ответит,
Зачем я верил завтрашнему дню;
Что не поправить ничего на свете –
И даже под собою простыню.

* * *

Надежд больше нет. Конец октября.
Дожди безысходных строк.
Как будто я умер, а прожил зря –
Молитву не слышит Бог.

Но если не слышит, что-то не так,
В душе не прощанье – дрожь.
Надеюсь ещё на осенний мрак,
Надеюсь на мелкий дождь.

А надо – не пей ничего, не ешь,
Ни с кем не дели ночлег
И никаких не имей надежд
На друга, на сон, на снег.

Никто не помнит. Никто не помог.
И тень надежды мертва.
Тогда остаётся с тобою Бог
И слышит твои слова.

* * *

Поэт молчит,
Слова сжимают душу,
Сжимают жизнь.
И надо слушать... Слушать!
И слышать –
Слышать
Тонкий переход
От жизни к слову.
И наоборот.

Поэт молчит...
А празднословья ветер
Безудержно
Гуляет по планете,

Несёт пургу душевной шелухи –
Трескучий вздор,
Ничтожные стихи.

И даже пастырь
В комнате алтарной
Записывает свой стишок
Бездарный,
Чтобы поэта хлопнуть по плечу:
– Молчишь, поэт?
А я вот не молчу.

Мои стихи читают хором дети
И премию
«Всё сказано на свете»
Вручили мне
Торжественно вчера
За лёгкий слог и брызги от пера.

Поэт молчит,
А про себя рассудит:
– Хорошие мне – слава Богу! – люди
Встречаются.
Прощают мне грехи.
Но чёрт их дёрнул сочинять стихи,
Когда не слышат
Тонкий переход
От жизни к слову –
И наоборот.

* * *

Не помню, погода какая
Стояла, родился когда я.

И вряд ли я вспомню погоду,
Когда, обретая свободу,

Душа моя выйдет из тела.
Тепло было? Буря шумела?

Не вспомню.
На небе прохожий
Вдруг спросит: «Денёк был погожий?»

Денёк, да и век, был короткий.
Всю жизнь слушал метеосводки.

Зачем?! Я ответить не в силах –
Лил дождь или солнце светило,

Стояла погода какая,
Родился и умер когда я.

Возлюбившие

...кому мало прощается, тот мало любит.

Лк. 7,47

Иисус, в дом войдя к фарисею, возлёг.
И сосуд алавастровый с миром
Принесла Ему женщина, встала у ног –
Его ноги слезами омыла.

Фарисей про себя удивился весьма:
Неужели не видит порока?!
Моет ноги – на ней негде ставить клейма,
Он бы знал это, будь Он пророком...

Мы – весёлые люди, а в душах разброд,
Мы – тяжёлые люди, не боги,
И случайная женщина слёзы прольёт,
Омывая нам грешные ноги.

А у нас на душе непонятная тьма,
Фарисейский вопрос – не иначе.
Что за слёзы? На ней негде ставить клейма –
Никакими слезами не спрячешь.

Но сказал Иисус фарисею в ответ,
Да и нам говорит это строго:
– Много ей прощено – и греха на ней нет,
Раз смогла возлюбить она много.

* * *

...А жизнь оказалась талантом, что надо пустить в оборот –
Не своим серебром.
И как же мы с ней поступили, беспечный и робкий народ,
Позабыв про заём?

На что сохраняли её, завернув поплотнее в платок
Или в землю зарыв?
На что же потратили, зная, что заимодавец-то – строг,
Ибо был терпелив?

О чём изводились? Каким полагали удачный черёд?
Пожалели рубля?
И скажет взыскательно вдруг господин, что не сеет, не жнёт:
Где же прибыль моя?!

Что сердце стяжало, скупые рабы? И что разум постиг?
Приближается срок.
Зачем же любовь, что так щедро взаймы нам ссудил ростовщик,
Завернули в платок?

Мой «Бежин луг»

(Рассказы)

ИГОРЬ ЗОТКИН

Игорь Петрович Зоткин родился в 1960 году в г. Омске. В 1983 году окончил автомобильно-дорожный институт и по распределению был направлен в Республику Коми на строительство автодороги «Сыктывкар-Усть-Кулом». В дальнейшем строил дороги по всему региону, работал на крайнем севере в районах Усинска и Салехарда, обустраивая нефтяные месторождения. Строил технологические дороги для заготовителей «Монди». С вахтовым посёлком прошёл от Лузского месторождения (Печора) до Баренцева и Карского морей. В начале девяностых какое-то время служил в МВД. Живёт в с. Усть-Кулом.

Прыжок в пустоту

Вахтовый вагончик, несмотря на выставленные опоры, раскачивало так, что время от времени приходилось придерживать рукой настольную лампу, стоящую на краю тумбочки. Снежная буря, стерев границы реальности, продолжалась уже не одну неделю. Запасы солярки на электростанции должны были давно закончиться, но вопреки расчётам и здравому смыслу станция продолжала работать, выдавая необходимые для жизни киловатты.

Мистика, окружившая нас, уже давно ни у кого не вызывала удивления. Если говорить о странностях, то начинать надо с того, что никто не мог сказать, какое сегодня число. Часы, телефоны и ноутбуки вроде бы работали, но показывали даты с разбросом сначала в несколько дней, потом в неделю, а теперь разброс перевалил уже за полмесяца.

Настенный календарь, вывешенный в столовой, показывал одну и ту же дату – 13 января 2007 года. Теперь его вид, кроме горькой усмешки, вызывал у меня чувство безнадёжной тоски.

Повар на мои расспросы о запасах провизии недоумённо пожимал плечами, не улавливая сути вопроса, а иногда, когда я был особенно надоедливым, приоткрывал дверь кладовой, и все мы видели горы ящиков с мясными и овощными консервами, холодильник, обращённый к нам прозрачной стенкой, доверху забитый замороженными продуктами, и стеллажи, полные свежего хлеба. Баки с питьевой

водой и водой для сауны также были полны. Как такое могло быть, я не понимал. А главное, все остальные вахтовики воспринимали ситуацию спокойно, не ища объяснений, все, кроме меня.

Я старший прораб, начальник строительного участка. Не так давно наше предприятие получило крупный подряд на строительство площадки под нефтяные скважины. В дальнейшем на этом кусту должны пробурить пять скважин и установить мощные насосы с журавлями-качалками, устроить несколько амбаров (шламосборников) и разместить технологическое оборудование. Немного в стороне от куста проектировались жилая зона и вертолётная площадка.

Упустить такой объект наш шеф не мог и потому послал авангардом нашу группу, состоящую из четырнадцати человек. Многое мы, конечно, сделать не успеем, но «застолбить» объект, начав подготовительные работы, нам было по силам.

Переждав новогодние праздники и укомплектовав наш десант самым необходимым, мы направились вглубь тундры. Маленькая колонна состояла из шести большегрузных самосвалов, двух тралов, гружённых бульдозером и экскаватором, и вахтовой машины – полноприводного КамАЗа. Самосвалы использовались как тягачи для буксировки колёсных вагончиков (жилых балков, столовой и сауны). В их кузовах находились электростанция, оборудование и две трёхкубовые ёмкости с дизельным топливом.

Скажу сразу, что от перспективы выдвигаться на объект в это время года я был не в восторге. Метеопрогнозы обещали сплошные шторма, чередующиеся с аномально низкими температурами. Начало января в тундре не подходит для прогулок. Одно дело – вести объекты, работая с обустроенных баз, и совсем другое – начинать работы в поле с чистого листа. Хотя и не ново, но всегда проблематично.

Неприятности начались сразу после прохождения лукойловских постов. Дорога ещё только готовилась к эксплуатации, поэтому часть зимника была не размечена вешками со светоотражающей плёнкой. К тому же ледянка (дорога с покрытием изо льда) во многих местах оказалась заужена. Всё это не позволяло нам двигаться в темноте. Светлое же время, а правильнее сказать, сумеречное – не более пяти часов в сутки. Однажды мы попытались двигаться ночью и потом почти весь день подымали самосвал с электростанцией, опрокинувшийся при съезде с дороги. Днём свирепствовали метели, ночью – морозы.

Шёл четвёртый день нашего пути. Мы получили штормовое предупреждение: метель должна разыграться нешуточная. Увидев накатанную дорогу, отходящую в сторону от основного зимника, я принял решение увести колонну подальше от оживлённой трассы, найти подходящую площадку и встать там посёлком.

Ближайшее жильё мы проехали примерно час назад, это была буровая геологов. Возвращаться к ним не имело смысла: их площадка слишком мала и не может вместить всю нашу технику, а оставлять машины в метель на магистрали опасно.

Наша маленькая колонна уверенно двигалась по узкой, но вполне пригодной для движения дороге и, наконец, примерно через полчаса езды выехала на небольшую площадку между двумя холмами. Дальше дороги не было. Я вышел из машины и в сгущающихся сумерках оглядел окружающую местность. По-видимому, кто-то готовил площадку под временное складирование материалов, но либо завозить груз передумали, либо, на наше счастье, ещё не начали. Для временной стоянки место идеальное.

Мы оперативно развернули балки, перебросили с одного вагончика на другой кабеля и запустили электростанцию. В балках заработало отопление и загорелся свет. В середине площадки, на растяжках, установили жердь, специально для этого привезённую на трале, и закрепили на ней мощный галогенный прожектор. Наша стоянка начинала приобретать обжитой вид.

Часть работников отправилась помогать повару приводить в рабочее состояние столовую, а остальные занялись подключением сауны. Все наслаждались предвкушением отдыха.

Иногда непогода имеет свои плюсы. Есть возможность «подчистить хвосты» в документах, оформить путевые листы, до которых раньше не доходили руки, заняться списанием ГСМ, да и вообще, пользуясь свободными минутами, просто отдохнуть и перевести дух.

Так было и на этот раз, пока реальность не стала принимать какие-то искажённые, дикие формы.

Всё началось после моей неудачной поездки.

В самом начале шторма, когда метель ещё позволяла разглядеть хоть что-то в радиусе пятидесяти метров, я надумал прорваться на соседнюю геологоразведочную буровую. Спутниковый телефон «умер» буквально перед самым штормом, и мы остались отрезанными от мира. С продуктами у нас был порядок, но вот запасы топлива для дизельной электростанции оказались ограничены: при экономном расходовании их хватит лишь на четверо суток.

Ехать я решил на «Урале», отцепив тягач от одного из тралов. С приспущенными колёсами есть шанс добраться до буровиков за пару часов.

Водитель, молодой парнишка, заметно нервничал.

– Ты смотри, не переусердствуй: спустишь колёса больше чем нужно – порвём резину, – предупредил я его.

– Не порвём, я до половины атмосферы спустил, по снегу в самый раз.

Особой уверенности в голосе водителя я не услышал, но посчитал его решение правильным.

Оставаться в посёлке не имело смысла. Здесь обойдутся и без меня. А вот если не хватит топлива и во время бури станция заглохнет, плохо придётся всем. На буровой есть связь и, если что, я смогу организовать помощь. Отправляться в дорогу рискованно, но что делать?

«Урал», натужно взревев двигателем, нырнул в снежное море. Видимость позволяла следить за краем дороги и держать нужное направление. Ветер, как боксёр, наносил удары то в левую скулу машины, то в правую, а «Урал», подобно стойкому бойцу, держа удары, упорно рвался вперёд, хотя и рыская из стороны в сторону. Прошло уже минут пятнадцать, когда сильнейший порыв ветра ударил в правый бок машины, напрочь залепив снегом лобовое стекло. От удара машину повело влево. Водитель, стараясь удержать направление, крутанул руль вправо, но, не видя трассы, перестарался. Почти в ту же секунду машину стащило с дороги и бросило в сугроб. «Урал» взревел и что было сил рванулся вперёд, но, повиснув на брюхе, бессильно закрутил в воздухе колёсами.

– Я говорил, я предупреждал, что нельзя ехать в такую погоду! Что теперь будем делать? – чуть не плача, заголосил водитель.

– Успокойся, ничего страшного, бульдозер нас в момент вытащит, – попытался я приободрить парня.

– Да, вытащит, как же! А откуда он тут возьмётся, как наши узнают, что мы здесь?

– Я им скажу.

Водитель посмотрел на меня округлившимися от удивления глазами.

– Да не бойся ты. Колею хорошо видать, ехали мы медленно, до наших километра три, может, чуть больше. За часок доберусь. А ты сиди в кабине и не высовывайся, всё обойдётся, – успокоил я паренька.

– Может, вместе в кабине отсидимся? У меня соляры, если экономить, суток на двое хватит.

– Такой шторм за двое суток вряд ли закончится. А вот потом, когда дорогу заметёт, нам с тобой точно крышка. В общем, жди.

Хлопнув дверцей кабины, я вылез из машины и уверенным шагом, насколько позволяли снежные заносы, пошёл в сторону нашей стоянки. Снежная целина, перепаханная колёсами «Урала», чётко указывала, в какую сторону нужно двигаться. Видимость не превышала двадцати метров, но этого достаточно, чтобы держать правильное направление. Гораздо большие неприятности доставлял шквальный ветер, швыряющий в лицо снежные заряды. Поднять голову и открыть глаза, чтобы сориентироваться, удавалось с огромным трудом.

С каждым шагом идти становилось всё труднее. Ветер, бесцельно перекидывающий с места на место огромные снежные массы, постепенно выравнивал колею, оставленную нашей машиной. Я ловил момент между порывами ветра и вглядывался в серую муть. Скоро, очень скоро должен появиться свет нашего галогенного прожектора. Наверно, с такой же надеждой моряки всматриваются в кромешную тьму, чтобы увидеть спасительный проблеск маяка.

Снежные заряды становились всё плотнее, видимость продолжала ухудшаться. И уже на самом пределе, отделяющем надежду от отчаяния, вглядевшись в бесну-

ющуюся даль, я увидел мерцание. Охватившая меня радость придала новые силы, и я двинулся дальше на едва различимый, но такой желанный свет.

Пока я добирался до места нашей стоянки, меня охватила сильнейшая усталость. Онемевшими губами и едва ворочающимся языком я отдал команду механику организовать помощь попавшему в снежный плен «Уралу» и, будучи больше ни на что не способным, сбросив прямо на пол вагончика шапку, меховую куртку и валенки, завалился на кровать.

Мне снился странный сон, наполненный событиями, когда-то произошедшими в моей жизни. Сон, наполненный явью. Я как будто жил в этом сне заново.

Вот я стою на площадке троллейбусного депо. Это место хорошо знакомо мне с детства. Прямо в депо упиралась линия приземистых гаражей. Когда-то, в снежные зимы, мы очень любили забираться на их крыши и прыгать в сугробы, а затем убегать от разъярённого сторожа.

Вплотную к гаражам примыкала лесополоса, за которой прятался забор колонии. Вдоль забора, под охраной сторожевых вышек, служащие колонии устраивали огороды и сажали картошку. Иногда мы, городские пацаны, воровали эту картошку и запекали её в кострах, разведённых в лесополосе.

Улица, по которой в депо заезжали троллейбусы, делила нашу детвору на две группы: те, что жили в домах по левую сторону, становились учениками школы № 129, а те, что жили справа – школы № 112.

Я учился в сто двенадцатой школе, а вот Светлана в сто двадцать девятой. Даже во сне мысль о Светлане острой бритвой резанула по сердцу. Стараясь думать о другом, я отвернулся от крыши высотки, в которой когда-то жила моя Светка. Я знал, что сплю, но при этом не мог отделаться от ощущения реальности происходящего.

В моём сне стояла поздняя осень. Воздух отдавал запахами прелой сырости, листья на деревьях пожелтели и почти облетели. Когда-то, примерно в эту же пору, мы всем двором ходили в лесополосу собирать шампиньоны – их здесь росло множество. Под ногами хрустели сухие ветки, а шелест жухлой травы был настолько натуральным, что удивлял своим реализмом даже во сне.

Повинуясь внутреннему голосу, я пошёл в сторону своего двора. В самом конце лесополосы увидел дымящиеся остатки костра. От едва тлеющих углей пахло печёной картошкой. Рядом с костром валялся кусок тонкой арматуры: по-видимому, кто-то пользовался ею как кочергой. Чтобы не испачкаться, я достал из кармана старый носовой платок и взял обёрнутый им конец прута. Помешав остывающие угли, я обнаружил в костре несколько обгоревших картофелин. Всё было, как в моём детстве, ничего не изменилось. Мне даже показалось, что я узнал этот догорающий костёр, когда-то оставленный здесь мной и моими приятелями.

Пройдя лесополосу и обойдя гаражи, я вышел на безлюдную улицу. Не было видно и машин. Где-то в стороне рабочих общежитий раздавалась приглушённая

расстоянием музыка. В остальном же город моего детства словно вымер. Когда-то, отправляясь на рыбалку во время белых ночей, я уже видел такие улицы. Тогда тоже было светло, как днём, но вокруг – ни души.

Я продолжал идти вперёд, к своему дому. Сердце билось всё чаще – вот-вот вырвется из груди. Там, вон за тем углом, мой дом, и в нём я обязательно встречу маму и отца. Я почему-то точно знал, что они ждут меня, что они ещё живы.

...Налетевший шквал качнул вагончик так, что упавшая с тумбочки настольная лампа, жалобно зазвенев разбитым стеклом, покатилась по полу. Сбросив сонное оцепенение, я приподнялся на локте. Увиденный сон нагнал на меня липкую тоску. Встав с кровати и одевшись, я решил обойти вахтовый посёлок, но перед тем как выйти из вагончика, взял веник, совок и собрал с пола разлетевшиеся осколки стекла. Моё внимание привлёк какой-то комок, валяющийся под кроватью. Я взял его в руки и с изумлением узнал в нём носовой платок, перепачканный сажей от костра.

Ощущение дежавю теперь не покидало меня постоянно. По моим подсчётам, шла вторая неделя нашего тупого стояния. Время не просто тянулось, а, как заезженная пластинка, раз за разом возвращалось назад. Вот и сейчас, выйдя на улицу, я увидел вагончики, столб с галогенным прожектором и прорытые в снегу дорожки, похожие на ходы сообщения между стрелковыми ячейками, ведущие от жилых вагончиков к столовой и сауне. Ещё вчера наш посёлок выглядел не так: вагончики стояли плотнее, вместо столба был шест, установленный совсем в другой стороне. Зато именно так выглядел вахтовый посёлок изыскателей, в котором мне пришлось несколько дней пережидать метель в прошлом году. Светлым пятном в той истории было то, что ребята работали на французскую фирму «Тоталь» и их кухня изобиловала французскими деликатесами. Тогда я вдоволь напился вкуснейшего топлёного молока из удобных тетраупаковок. Полакомиться таким молоком мне не доводилось ни до, ни после того.

Покачнувшись под порывом ветра, в одно мгновение засыпавшим моё лицо снежным крошевом, я почти на ощупь двинулся в сторону ближайшего балка. Пройдя через «предбанник» и предварительно стряхнув с одежды снег, образовавший под навесом небольшой сугроб, я вошёл в вагончик.

В комнате стояла сонная духота. Несколько человек сладко посапывали во сне, с головой укрывшись одеялами: привычки Заполярья (так можно не обращать внимания на перепады температуры и не просыпаться от посторонних звуков).

Наш дизелист, Вован, до этого лежавший на спине и тупо разглядывавший потолок, при моём появлении сел на край кровати. Вован удивлял меня своим неиссякаемым оптимизмом. Даже в прошлом году, в апреле, когда заклинило дизель на электростанции, он закончил свой доклад фразой:

– А вообще, всё равно скоро лето, так что беспокоиться не о чем.

– Ну, как настроение? – спросил я, чтобы завязать разговор.

– Да ничего, слава богу, отсыпаемся помаленьку.

– На пожарников, что ли, тренируетесь? Вторую неделю спите.

Вован удивлённо захлопал глазами и непонимающе уставился на меня.

– Как вторую неделю? Третий день как посёлком встали, – он пристально посмотрел на меня и добавил. – Аааа, это вы дорогу имеете в виду? Да разве же в кабине нормально поспишь?

Я поперхнулся слюной и едва сдержался, чтобы не выматериться. Продолжать опротивевший спор о том, какое сегодня число, не было ни малейшего желания.

– Ну, ладно, – вроде как согласился я. – А скажи-ка мне всё же, друг мой, на сколько дней у нас топлива на станцию хватит?

Вован задумался:

– Ну, я вчера прикидывал, дней на пять было. Значит, ещё дня четыре, а то и больше протянем. А если ещё и с баков сольём... в общем, беспокоиться не о чем.

Я устало вздохнул и, обречённо махнув рукой спокойному, как удав, Вовану, вышел из балка.

Немного постояв на крыльце вагончика, привыкая к темноте и уже собираясь шагнуть в снежную муть, я заметил в сугробе какой-то предмет. Подняв его и приблизив к лицу, я не смог удержаться и выматерился. У меня в руках был пакет из-под французского топлёного молока.

Разговаривать с кем-либо ещё я не хотел, иначе мне придётся признать всех окружающих сумасшедшими или признать свихнувшимся самого себя – вот уж чего не хотелось особенно.

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей и скоротать обезумевшее время, я отправился в сауну. Сауна встретила меня гулкой пустотой, хорошо прогретой парилкой и упругими струями душа. Душевая кабинка постепенно наполнялась паром. Горячие струи, хлеставшие тело, после парной казались едва тёпленькими. Приятная истома накатывала обволакивающими волнами.

Шелест капель, падающих на плечи и упругими рикошетами отскакивающих на пластиковые панели стен, сливаясь затем в ручейки на тёмном кафеле пола, успокаивал нервы. Шум реанимировал в памяти картины из прошлого: летний вечер, дождь, тёплый, как парное молоко, и Светка.

...Я поднял лицо навстречу водяному потоку – теперь это был дождь. Светка, промокшая до нитки, но бесконечно счастливая, обеими руками держалась за мой локоть и прижималась к моему бедру. Мы быстрыми шагами спешили к её дому. Последний сеанс кинофильма закончился очень поздно, поэтому автобусы уже не ходили, а на такси у нас не было денег. Юность студенческая – безденежная, бесквартирная, но беззаботная и счастливая.

Фильм назывался «Прыжок в пустоту». Снят он то ли итальянцами, если судить по темпераменту диалогов, то ли французами, если судить по искромётному юмору, вызывающему вспышки веселья у зрителей, – последний ряд на последнем се-

ансе не для того, чтобы смотреть кино. В голове всё ещё звучала мелодия из этого фильма.

Светлана, моя любимая Светка, сколько радости и сколько обид так просто, мимоходом, принесла и причинила ты мне. Я так и не понял, кто ты: юная девушка, искренне полюбившая меня, подарившая мне свою любовь и сделавшая меня самым счастливым человеком на свете, или молоденькая распутница, торопившаяся наслаждаться жизнью и сделавшая меня самым несчастным?

В этот вечер у нас был праздник. Твои родители уехали на дачу и вернутся только завтра. А значит, сегодняшняя ночь наша.

Мы познакомились ещё в десятом классе, когда школьный военрук водил наш класс в сто двадцать девятую школу, в стрелковый тир. Броскую красоту смуглой черноволосой девушки заметили все наши пацаны, а вот подойти к ней и познакомиться решился я один. Не могу сказать, что толкнуло меня на это, но одно знаю точно: тогда я встретил свою первую любовь, которая, по определению, не бывает счастливой.

...Из душа хлынула ледяная вода, и я, вскрикнув от неожиданности, выскочил из кабинки:

– Кто здесь? Мать вашу! – я осмотрелся и понял, что нахожусь в сауне один. Открыв дверь кабинки, я увидел, что краники плотно закрыты, а стены и пол, по которым только что ручьями бежала вода, абсолютно сухие. – Да мать же вашу за ногу!

Тщательно вытеревшись полотенцем и одевшись, я отправился на кухню. Настроение – поганей некуда. Есть не хотелось, но сидеть одному в балке не хотелось тем более.

Наш повар, мужик преклонного возраста, встретил меня дружелюбной улыбкой и предложил попробовать его фирменные блинчики, фаршированные маринованными грибами. Я улыбнулся, вспомнив наш с ним разговор, произошедший несколько лет назад, когда мы почти одновременно устроились на работу в нашу фирму. Тогда он тоже угощал меня этим блюдом, и я поинтересовался:

– А проблем с этими блинчиками не будет? Всё-таки маринованные грибы, блины – не сочетается.

– Всё сочетается, в крайнем случае считайте это слабительным. А от слабительного ещё никто не умирал.

Сейчас, желая пошутить, я повторил сказанную в прошлый раз фразу и услышал в ответ:

– Всё сочетается, в крайнем случае считайте это слабительным. А от слабительного ещё никто не умирал.

Я весело рассмеялся, думая, что повар поддержал мою шутку, и взглянул на него. Смех застрял в горле. Повар был абсолютно серьёзен, даже, может быть, слишком серьёзен. Пустым, невидящим взглядом он упирался мне в грудь, словно

сквозь меня разглядывал спинку моего стула.

Ни он, ни я больше не проронили ни слова. Доедая блинчик, я прочувствовал смысл выражения: «Еда встала поперёк горла».

Вернувшись в свой вагончик и раздевшись, я упал на кровать. Абсурдность ситуации выводила из себя. Почему всё происходящее напоминает спектакль, идущий по сценарию, составленному из обрывков моих воспоминаний? Почему не кончаются ни продукты, ни вода, ни топливо? Кто расчищает от снега дорожки, уже давно превратившиеся в окопы полного профиля, если все рабочие ползают по балкам сонными мухами? И вообще, куда подевалось время в его обычном, самом прямом понимании?

Ответом мне был мощный удар ураганного ветра, способный перевернуть балок, не будь он больше чем наполовину занесён снегом.

Когда-то я прочитал, что великий Ференц Лист на страницах своих музыкальных произведений делал пометки: «Играть быстро, играть быстрее, играть быстро, насколько это возможно», а на другой странице можно было прочесть: «Играть ещё быстрее». Примерно по такому же принципу нарастала мощь урагана. Кровать раскачивалась вместе с балком, словно я ехал на поезде. Неожиданно лампочка под потолком замигала и погасла. «Может, на станции наконец-то кончилась солярка?» – подумалось мне. Зимой в тундре это трагедия, но сейчас ЧП меня только бы обрадовало, так как возвращало логику в происходящее. За рёвом ветра не было слышно звука работающей электростанции. Я напряжённо вслушивался в шум за окном.

Без всякого перехода память вновь швырнула меня в прошлое.

...Это не ветер, это шумит телевизор. Мы со Светланой, увлечённые любовью, потеряли счёт времени. Программа давно закончилась, и по экрану бежит бело-серая рябь. Светкины родители в отъезде, и ночь наша. Я почему-то знаю, что это наша последняя ночь. Светлана горячей ладонью устало гладит моё плечо и прижимается к нему щекой. Она хочет спать. Моя мужская гордость купается в тщеславии – Светка устала первой. Её глаза начинают слипаться, и, что-то мурлыча себе под нос, она засыпает. Откуда я знаю, что будет дальше?

А дальше была Ленка – лучшая подруга Светланы. Миленькое симпатичное личико с пухленькими щёчками, невысокий рост и ладони круглые и мягкие, как оладьи. Привычка постоянно куда-то спешить, придававшая манерам некую суетливость, делала её похожей на симпатичного хомячка.

– Ты никогда не будешь счастлив со Светкой, она никогда тебя не любила, – её дыхание было частым, она пыталась прижаться ко мне в надежде, что я обниму её. – Она с самого начала изменяла тебе с каждым встречным. Ты был всего лишь её любимой игрушкой...

Мы стояли в подъезде дома, в котором жила Светлана, и молчали. Интересно, сколько времени Ленка ожидала меня в засаде? Час назад я и сам ещё не знал,

что приду сюда. И вообще, зачем ей всё это нужно? Сердце билось всё медленнее и медленнее, наверно, покрываясь льдом.

– Ты понравился мне с первой встречи. Ну, неужели ты не видел, что я не могу без тебя жить? – Поняв, что я не собираюсь её обнимать, Ленка резко отстранилась от меня и уже совсем другим голосом, полным злобы и желчи, добавила: – Ну, конечно, как же ты заметишь? Ты же с неё глаз не сводил. Она была для тебя святой. А помнишь, когда вы поссорились и она написала тебе письмо, в котором просила приехать к ней и помириться? Так вот, ты ей на фиг был не нужен: она просто хотела замутить с твоим другом Сергеем. И замутила. – Ленка всхлипнула, вытирая с лица злые слёзы, и уже спокойнее, даже с сочувствием сказала: – Ну да, конечно, любовь слепа.

Она, не говоря больше ни слова, просто стояла рядом и преданно смотрела мне в глаза, как провинившаяся собачонка. Моё обледеневшее сердце билось ровно, но душа полыхала жгучим пламенем от нестерпимой обиды. Я подошёл к ней и обнял за плечи – от неожиданности в Ленкиных глазах мелькнул испуг.

– Не бойся, всё в порядке. Мой друг оставил мне ключи от своей квартиры, он уехал на пару дней. Пойдём?

До сих пор не знаю, кто кого предал в тот день.

А дальше всё происходило, как в дурном сне. Я сидел в зале небольшого ресторанчика в нашем аэропорту. Было далеко за полночь. Тёплая водка не приносила ожидаемой эйфории, никого не хотелось видеть. Мы с моим, теперь уже бывшим, другом Сергеем открыли для себя этот ресторан совсем недавно. Все рестораны города закрывались в двадцать три ноль ноль, а этот работал круглосуточно. Убежище одиноких душ – так я окрестил это место, побывав здесь впервые.

С Ленкой я больше не встречался, убедившись, что без любви физиология не делает человека счастливым. Думать ни о чём не хотелось, я просто сидел и тупо смотрел на дно опустевшей рюмки.

В каждом привокзальном ресторане есть своя, неповторимая атмосфера. Сейчас эта атмосфера подходила к моему настроению как нельзя лучше. Сегодня я получил на руки диплом и свою последнюю стипендию. Теперь я свободный человек.

В голове почему-то постоянно звучала мелодия из фильма «Прыжок в пустоту», словно кто-то невидимый то и дело подначивал меня.

И что же мне теперь делать? Как распорядиться своей судьбой?

Обстоятельства сплелись в толстый канат, не позволяющий мне сделать выбор. Неопределённость давила и угнетала.

Со Светланой я виделся на прошлой неделе. Она встретила меня на крыльце института. Ещё никогда я не видел её такой растерянной и жалкой. Она, наверно, уже давно ждала меня здесь. Лёгкая морось, с утра висевшая в воздухе, успела основательно пропитать её платье.

Я заходил в институт, чтобы попрощаться с руководителем диплома.

– Здравствуй, – почти шёпотом произнесла она. – Мы не виделись уже почти месяц. Что случилось?

Она старалась не смотреть мне в глаза. Её пальцы судорожно, словно чётки, перебирали колечки браслета, когда-то подаренного мной. Но её виноватый вид вместо жалости вызвал во мне раздражение и чувство озлобленности.

– Не притворяйся, ты всё прекрасно знаешь!

Щёки Светланы вспыхнули, но она сумела совладать с собой. Наверно, первый раз в жизни не пошла на поводу у своего строптивого характера.

– Ленка просто дура. Она уже давно влюблена в тебя, как кошка. Я иногда шутя поддразнивала её, вот и дошутилась. А когда она узнала, что я беременна, совсем сошла с ума.

Смысл Светкиных слов не сразу дошёл до меня, но когда дошёл, я на время лишился дара речи. А точнее, беззвучно шевелил губами, тупо уставившись на Светлану.

– Как ты мог? Ты предал меня. Тебя поманили пальчиком, и ты тут же прыгнул в постель с первой встречной, – Светка явно переходила в наступление. Но делала она это зря: горечь обиды слишком сильно отравила мою душу, и лёд, покрывавший моё сердце, был слишком крепок. Не замечая моего холодного взгляда, она продолжала кидать мне упрёки.

– Я не хотела мириться с тобой, и говорить тебе про ребёнка тоже не собиралась, но...

Она не успела закончить фразу – я оборвал её на полуслове:

– А зачем говорить об этом мне? Скажи об этом Серёге, или ещё кому.

Светлана, вновь потеряв уверенность, как сдувшийся шарик, притихла и только смотрела на меня своими чёрными бездонными глазами. Теперь её губы что-то беззвучно шептали мне. Я смог разобрать лишь:

– Но ведь это была просто шутка, я только хотела, чтобы ты ревновал меня...

– Вот-вот, – с сарказмом добавил я, – именно от таких шуток и рождаются дети.

Она всё стояла среди снующих туда-сюда студентов и смотрела мне вслед, когда я перешёл улицу и сел в троллейбус. Через заднее стекло я ещё какое-то время мог разглядеть её растерянное лицо и даже крупные, как горошины, слёзы, бегущие по щекам.

Светлану я больше никогда не видел.

...В ресторан ворвалась шумная компания вахтовиков. Игнорируя замечания администратора, они сдвинули несколько столиков и, громко гремя стульями, потребовали официанта. Через несколько минут между вахтовиками, молоденькой официанткой и подоспевшим ей на помощь администратором разгорелся жаркий спор.

– У нас в ресторане жёсткий порядок, – убеждал мужиков администратор. – На одного посетителя не более ста грамм водки.

Мысленно я усмехнулся: мне-то без всяких вопросов принесли сразу триста граммов, правда, перелив их в графин. Но оно и понятно: персонал ресторана – народ опытный, видит, с кого можно что-то взять, а с кем не стоит тратить время.

– Но уважаемый, – возразил мужчина в годах с аккуратно стриженой бородой. Наверно, у вахтовиков он за старшего. – Что нам сто грамм? Только понюхать. Давай договоримся.

Ребята явно были при деньгах, потому что договориться удалось быстро.

– И сделайте «Громкое радио» погромче. За нами вертушка должна прилететь, чтобы не прокараулить.

Количество тарелок с салатами и горячей едой, заказанных по требованию администратора, не помещалось на столах, и мужики ставили их одну на другую. Рюмки, принесённые официанткой, они отвергли и заменили гранёными стаканами. Веселье вахтовиков было шумным, но коротким. Минут через тридцать в хрипах, раздающихся из «Громкого радио», старший вахтовик сумел распознать известие о прибытии вертолёта, и мужики, допивая на ходу водку, так же дружно, как и пришли, покинули ресторан.

Повисшая в зале тишина нагнала на меня ещё большую тоску. Столы, заставленные брошенными тарелками с нетронутой едой, указывали на незначительность и мимолётность всего здесь происходящего. Непонятная горечь пролилась на сердце. У меня было чувство, будто меня просто позабыли в этом пустом, никому не нужном зале.

Мой дипломный куратор, перед тем как мы попрощались, дал мне рекомендацию и адрес своего знакомого, работающего за Полярным кругом. Мысль о том, чтобы уехать в Заполярье, витала в моей голове на уровне подсознания, но решиться на этот шаг я пока не мог. Улетевшая вахта поставила точку в моих колебаниях. Прочь от проблем, хватит травить собственную душу. Я еду на север, я ещё успею догнать оставивший меня вертолёт.

Покачнувшись, я вышел из-за стола и пошёл на стоянку такси. В голове по-прежнему звучала мелодия из старого фильма, и кто-то невидимый раз за разом озвучивал его название – «Прыжок в пустоту».

...Ураганный порыв ветра едва не перевернул меня на спину. Я снова купался в снежном крошеве и уже не чувствовал рук и ног. В голове билась лишь одна мысль: «Не лежать! Не лежать!» Нужно двигаться вперёд, туда, где мерцает свет нашего прожектора. Там моё спасение и спасение паренька, оставленного в кабине «Урала». Оказывается, я всё ещё шёл к нашему посёлку, карабкаясь через наметённые сугробы. По-видимому, я выбился из сил и впал в забытьё. «Не лежать, не лежать, двигаться на свет», – молотом стучало в голове. С трудом приподнявшись на руках, я всмотрелся в молочную круговерть. Никакого огня я не увидел.

Значит, всё, значит, конец. Страха почему-то не было – была лишь тоска и горечь разочарования. Я всё же догнал свой вертолёт. Но зачем? «Прыжок в пустоту» – иначе и не скажешь.

Вихрь, закрутивший свою спираль в нескольких метрах от меня, вдруг начал оседать. Из снежной взвеси проступили две фигуры: стройная девушка в лёгком платье и девочка лет семи в сарафанчике и панаме. Я снова заранее знал, кто это.

– Здравствуй, Светлана, – прошептал я потрескавшимися от мороза губами.

– Здравствуй, – ответила Светка, улыбаясь уголками губ.

Лёгкий летний ветерок слегка ворошил её распущенные волосы и играл подолом почти воздушного платья.

– Почему тебе не холодно, ведь сейчас зима?

– Где ты видишь зиму? Оглянись.

Я оглянулся и увидел, что мы стоим на солнечной поляне, покрытой самыми удивительными и прекрасными цветами, которые я только сумел себе представить.

– Это цветы, которые ты мог бы подарить мне, – её голос был полон печали.

Я пригляделся к девочке, которая беззаботно гуляла по поляне и собирала букет. Её лицо показалось мне знакомым.

– А кто это? – спросил я Светлану, указав на ребёнка.

– Это наша нерождённая дочь.

– Почему нерождённая? – машинально спросил я.

– Потому что я не смогла без тебя жить.

– Мы что, оба умерли? – я старался вглядеться в такие родные глаза, но слёзы туманили мой взгляд.

Между тем, собрав букет, девочка подошла и протянула его мне. Её ясные и чистые глаза смотрели на меня с искренней любовью и жалостью.

Я хотел задать сотни вопросов, которые крутились у меня в голове, но не мог. Наверно, так бывает всегда, когда хочешь спросить о чём-то самом главном в твоей жизни.

– Успокойся, у тебя есть время задать все вопросы и найти на них ответы. У тебя теперь много, очень много времени.

Голос Светланы звучал всё тише, отдаляясь от меня.

– Постой, не уходи! Я нашёл ответ на свой главный вопрос. Я понял, что тоже не могу жить без тебя. Мне пришлось много пройти, многое пережить, но я понял – я умру без тебя.

По зимнику, ведущему в сторону побережья Баренцева моря, шёл «Урал», гружённый буровым оборудованием. В кабине находились двое: водитель, совсем ещё молодой парень, и девушка. Парочка о чём-то весело щебетала, бросая друг на друга заинтересованные взгляды, и вдруг на лицо парня набежала тень.

– Что-то случилось? – спросила девушка, заметив перемену в настроении водителя.

– А ты знаешь, я ведь бывал в этих краях несколько лет назад. Где-то тут в сторону отходила ветка. Геологи хотели бурить скважину, но передумали. Вот наша колонна и заехала туда, чтобы переждать бурю.

– Наверно, здесь случилось что-то ужасное, – догадалась девушка.

– Случилось. Моя машина застряла в сугробе, когда мы попытались выехать на соседнюю буровую. И наш начальник участка пошёл пешком в вахтовый посёлок, чтобы вызвать помощь, да, видно, заблудился. Буря поднялась страшная.

– А ты как выбрался?

– Мне повезло: оказалось, мы не доехали до магистральной трассы всего метров пятьдесят. Проезжавший мимо тягач меня и вытащил. А вот с начальником судьба сыграла злую шутку.

– Что за шутку? – спросила девушка.

– Понимаешь, он ведь хотел выйти на свет нашего прожектора. А у нас, как назло, авария, генератор на электростанции накрылся. Пока отремонтировали, пока то-сё, часа два прошло, не меньше. А тут ещё в стороне от нас у нефтяников аварийный выброс нефти случился. Они её, как положено, в факельном амбаре несколько часов жгли. Мы уж потом поняли, что он, наверно, на этот свет и пошёл. В общем, пропал мужик. А жаль, хорошим был человеком, со странностями, но хорошим.

– А искать его не пытались?

– Конечно, пытались, да только где же его найдёшь? Зимой всё заметает, а летом тут сплошные болота да озёра.

Водитель замолчал, думая о своём, и вдруг, вспомнив о чём-то, заговорил снова.

– Да и ещё ходят любопытные слухи, что на том месте, где отходила эта проклятая ветка, на которой погиб наш начальник, каждый год, в день его гибели, появляется букет полевых цветов. Представляешь? Зимой полевые цветы!

– Случайно не эти? – спросила девушка, указывая куда-то вперёд.

Растерявшийся парень едва не выпустил из рук руль. На обочине, прямо на снегу, яркими красками горел небольшой букет полевых цветов. Проезжая мимо, водитель и девушка незаметно друг для друга перекрестились. Затем водитель просигналил длинным гудком, и машина, поднимая снежные вихри, понеслась дальше.

Август, 2018 г.

Мой «Бежин луг»

ВОЗДУХ над аэродромом то и дело рвали мощные двигатели взлетающих пассажирских самолётов. Наш батальон, отправляющийся в одну из горячих точек, чтобы не мозолить глаза посторонним людям, расположился на границе лётного поля, в стороне от здания аэропорта, между хозяйственными постройками.

Вообще-то, батальон создавался как учебная часть, но время внесло свои коррективы. Транспортный борт, который должен был перебросить нас в одну из южных республик, задерживался, и мы, теперь уже не слушатели высших курсов МВД СССР, а просто бойцы батальона МВД, хотя и все как один в офицерских погонах, кто как мог, расположились вдоль ангаров, прямо на нестриженой, но зато мягкой траве.

Недавно приезжавший замполит привёз целый «Урал» бронежилетов и «демократизаторов», правильное название которых – «изделие-РП», а попросту – резиновые дубинки. Судя по всему, работа с местным населением по прибытию на место ожидалась плотной.

Также бойцам выдали сухие пайки, состоящие из жирной «эстонской» колбасы и свежего хлеба, упакованные в обычные хозяйственные пакеты. Стандартных сухпаев, как и многого другого, в стране не хватало.

Едва дождавшись окончания наставлений замполита о запрете использования сухих пайков до прибытия на место несения службы и проводив взглядом его отъезжающую машину, бойцы приступили к трапезе.

Сейчас они, сытые и довольные, надвинув на глаза фуражки, посапывали, лёжа в тени строений.

Услышав лёгкое прикосновение к щеке, я легонько хлопнул по ней ладонью, но поймал только пушистый стебелёк ковыля, который раскачивался под тёплым ветерком. Я сорвал былинку и размял её в пальцах. Специфический запах степи защекотал нос. Степь, всё моё детство связано со степью.

РОДИЛСЯ и вырос я в крупном промышленном городе, но с раннего детства, насколько память позволяет погрузиться в прошлое, помню: каждое лето, едва с улиц сойдёт снег, а позже, с первых дней школьных каникул, меня отправляли в деревню к бабушке.

Милая, добрая женщина, ты и сейчас, как живая, стоишь в моей памяти, возле калитки своего дома, подняв ладонь к лицу, прикрывая глаза от солнца, и всматриваешься вдаль, не идёт ли по дороге твой давно уже выросший внук.

Теперь мне стыдно, что я даже не могу точно назвать её имя и отчество. Для меня и младшей сестрёнки она была просто любимая бабушка. Родители называ-

ли её мамой, а соседи и односельчане звали просто – Пана, наверно, это Прасковья. Каждое лето я гостил у неё в деревне.

Всего лишь лето, но теперь мне кажется, все самые счастливые дни моего детства уложились в это время.

...Компания деревенской детворы встретила меня дружелюбно: основными заводилами в этой компании были два моих двоюродных брата – Вовка Казаногин, уже взрослый, по нашим тогдашним меркам, парень лет четырнадцати, и Витька Грюканов, мой ровесник, лет одинадцати-двенадцати. В сибирских деревнях, да, наверно, и не только в сибирских, родственные связи, хотя и запутаны, всё же имеют немалый вес. Поэтому в моём случае «притирание» к коллективу прошло, в прямом смысле, безболезненно. Лишь однажды мой одногодок Лёха, уже и не помню по какому поводу, вызвал меня «стыкнуться по-честному». Но это была мелкая неприятность, которую, при моральной поддержке братьев, я прошёл с честью.

Наша деревенская вольница, исповедуя нравы своих далёких предков, казаков Ермака Тимофеевича, не считала обязательным проводить ночь дома, в своих постелях. Родителей в таких случаях пацаны ставили в известность, что пойдут погулять в каком-либо определённом направлении, например, на Люсовы выпаса ловить утят, или в другую сторону, на Тарбугу (так называлась небольшая зырянская речушка, протекавшая в километрах десяти от нашей станицы). И родителям (сейчас мне и самому это кажется странным) таких объяснений хватало.

Это было счастливое время: все люди ещё друг другу – братья, нет никаких Чикатил, а если и есть, мы пока о них не знаем.

Однажды родители приехали в деревню без предупреждения и почти сутки ждали моего возвращения с «прогулки».

– Мама, ну как так можно? – пыталась моя мать пристыдить бабушку. – Он ведь ещё ребенок.

– Ты, Тамарка, брось, чай, не девку ростим, – тоном, исключающим возражения, отвечала моя бабушка, показывая свою приверженность в вопросах воспитания старой казачьей школе.

Отец, родившийся в семье хохлов-переселенцев, к таким порядкам был непривычен. Он стоял в стороне и нервно курил одну беломорину за другой, считая, что не к месту встревать в спор. Город уже основательно пообтесал их с матерью.

– Ну, когда он хоть придёт-то? – спрашивала моя мама, делая вид, что идёт на компромисс.

– Придёт, не волнуйся. Вот проголодается и прибежит как миленький.

Отец, поперхнувшийся дымом папиросы, чтобы как следует прокашляться, уходил за угол дома, а мама, понуро опустив голову, принималась помогать бабушке в домашних хлопотах.

ЛЕТНИЕ ночи в Западной Сибири, особенно под утро, бывают довольно прохладны, а потому, перед тем как устроиться на ночлег, мы всей компанией собирали хворост, толстые сучья и тонкие стволы деревьев, переломанные ветровалом и успевшие высохнуть.

Особенно уютным ночлег получался в огромных ямах, возле корней больших деревьев, поваленных ветром. Стены ямы отражали тепло костра и укрывали от прохладного ночного ветра снаружи. Из тонких ивовых веток делались шампуры, на которые нанизывались найденные по дороге грибы, вперемёшку с кусочками прихваченного из дома хлеба. Сок из грибов, вытапливаемый жаром костра, пропитывал кусочки хлеба и насыщал их неповторимым лесным ароматом, а появившаяся после обжарки румяная корочка делала хлебушек хрустким. Из-за пазухи высыпались огурцы, украденные по пути на колхозном поле, и кто-то самый предусмотрительный доставал из кармана, аккуратно разворачивал и выкладывал в центр импровизированного дастархана бумажный, слегка подмокший от пота, кулёчек с солью. Ужин проходил в тишине, лишь слышалось чавканье голодных ртов.

Насытившись и подбросив в огонь сушняка, все укладывались вокруг костра на заготовленные заранее охапки мягких берёзовых ветвей. Мы, как тургеневские дети в повести «Бежин луг», проникались духом природы.

Вовка Казаногин, самый старший и опытный, доставал из кармана сложенный в несколько раз клочок газеты, пачку махорки и скручивал огромную «козью ножку». Огромную потому, что должно было хватить на всех.

Как индейцы, пускающие по кругу трубку мира, мы пускали по кругу самокрутку. Мне ужасно не хотелось курить. Подозреваю, что так же чувствовали себя и другие пацаны. Но не подрывать же свой авторитет в глазах друзей. Поэтому я брал из рук соседнего мальчишки зловонную самокрутку и, как заядлый курильщик, изображая на лице блаженство, делал вид, что затягиваюсь, на самом деле, старался вдохнуть носом и не пропустить едкий дым в горло.

Ещё один показатель квалификации курильщика состоял в том, что кончик самокрутки после тебя должен оставаться сухим, а если он всё же намок, ты со словами «хороший курец обрывает конец» обязан был аккуратно откусить этот кончик и небрежно выплюнуть в сторону.

После перекура наступало время отдыха с плавным переходом ко сну.

Ночь окружала нас чёрным бархатом. Тьма, если смотреть по сторонам из освещённого костром круга, казалась абсолютно непроницаемой.

Звёзды на небе, мешаясь с летящими от костра искрами, под треск багровых углей, раздуваемых лёгким ветерком, начинали кружиться в немыслимом хороводе.

Нарождающийся месяц, как галантный кавалер, скрываясь время от времени за редкими тучками, казалось, появлялся всегда в разных местах, наверно, чтобы случайно не обойти вниманием какую-либо из своих партнёрш по звёздному танцу.

Первым, глухо прокашлявшись, заводил разговор на вечные в таких случаях темы Вовка.

– А слышали, пацаны, вчера с утра по всей нижней улице у хозяек молоко прям в подойниках скисло?

– И что? – спросил его сонным голосом Лёха, мой прошлый оппонент по «стыковке».

– Ну ты даёшь! Неужели примету не знаешь? Если молоко поутру скисает безо всякой причины, значит, где-то рядом пошаливает ведьма.

– В прошлом году её уже почти поймали, но она всё же сумела выкрутиться, – уточнил Витька.

– А как это получилось? – спросил Мартын, парнишка лет двенадцати, всего год как в силу житейских обстоятельств приехавший вместе с матерью в нашу деревню.

– А вот как, – Вовка придал своему голосу таинственность. – Знаете дядю Мирона, отца Серёги, того, что утонул в том же году? Так вот, дядя Мирон не любит летом спать в духоте, говорит: «Лучше потерпеть комаров, чем всю ночь пот одеялом утирать». В общем, устроил он себе лежанку на чердаке. Спит, а ночь светлая, хоть книгу читай, чердачное окно аж серебрится от лунного света. И вдруг слышит дядя Мирон какой-то шорох. Приоткрыл глаза, а в оконном проёме спиной к нему сидит женщина. Волосы длинные, распущенные, в одной руке зеркальце, а в другой гребень. Расчёсывает она волосы, а сама смотрит вниз, на двор дяди Мирона, и что-то шепчет. Догадался тот, что это ведьма на его хозяйство порчу наводит, и хотел подкрасться к ней, да забыл, что рядом бутыль с недопитым самогоном и стакан стоят. Задел он их нечаянно, они и зазвенели. Оглянулась ведьма – лицо молодое, красивое. Но дядя Мирон успел разглядеть в зеркале, которое ведьма держала в руках, отражение старухи. И так она ему кого-то напомнила, эта старуха, что аж сердце кольнуло. А ведьма прыг с окна и растворилась в небе – только чёрные крылья успел разглядеть дядя Мирон. С тех пор старается он вспомнить, кого напомнила ему та старуха, но не может. Видать, и тут без колдовства не обошлось.

– А слышали, – это уже заговорил Витька, – в поле опять женщина плачет?

Я насторожился, потому что позавчера вечером, сразу после того, как по деревне прогнали стадо коров, сам услышал этот плач.

Выйдя через калитку в конце подворья, я оказался на околице. Плач, то затихая, то усиливаясь, раздавался неподалёку, на ещё не скошенном лугу, в каких-то ста метрах от меня.

Вечер только собирался напустить сумерки, солнце уверенно плыло над горизонтом, и мне было не страшно. Я смело пошёл на звук. Голос принадлежал молодой женщине или даже юной девушке. Интонации вызывали жалость и сочувствие. Я шёл быстрой, уверенной походкой и в какой-то момент вдруг обнаружил, что плач раздаётся уже позади меня.

А потом меня начало, что называется, кружить. Голос плачущей женщины то оказывался в нескольких метрах впереди меня, то замолкал и уже раздавался далеко позади. Мне казалось, что я вот-вот увижу источник. Но голос перемещался, а я с одержимым упорством продолжал преследование.

– Игорь! Ты что там делаешь? А ну быстро домой!

Мне показалось, что я никогда не видел мою бабушку такой рассерженной и даже немного испуганной. В руке она держала веник-голик, и желание вытянуть им меня по заднице отчётливо читалось на её лице.

– Ишь, чего удумал! С Навкой в прятки играть. Совсем с ума сошёл, что ли?!

В эту ночь я спал дома и сквозь сон слышал, как бабушка долго стояла у иконы и молилась. Часто до меня доносилось моё имя.

Теперь этой темы коснулся Витька.

– И что это за женщина? – тут же спросил я Витьку.

– Это Навка, – ответил за него Вовка. – Их ещё называют плакальщицами. Нечисть, конечно, но вполне безобидная.

– Ну да, безобидная, – с сарказмом возразил рассудительный Мартын. – Говорят, перед войной они на каждом поле плакали, беду предсказывали.

– Предсказать не значит накликать, – отпарировал Вовка. – Их только беспокоить нельзя, а то обидятся и начнут тебя преследовать, могут даже с ума свести.

В костре с громким треском лопнула сухая ветка, подняв в небо целое облако пылающих искр. Я лежал и размышлял о своей судьбе: «Надо же было так неудачно родиться: все войны и революции прошли без меня. А если моя Навка предсказала войну, то я опять на неё не успею – пока вырасту, она опять закончится». Как же мы, бестолковые мальчишки, мечтали о войне, о подвигах, как в песне Высоцкого: «Не досталось им даже по пуле...» Владимир Семёнович очень тонко прочувствовал душу пацанов нашего поколения.

Тогда, так близко столкнувшись с непонятным явлением, я ещё не понимал, что предсказание Навки было персональным.

Я, наверно, очень крепко уснул, потому что не сразу услышал команду на построение. Пробегавший мимо меня приятель потормошил меня за плечо. Вдалеке, в самом конце взлётно-посадочной полосы, натруженно ревел двигателями недавно приземлившийся военно-транспортный Ан-12.

Наша рота, хотя и называлась второй, первой погрузилась в пузатый транспортник. Здесь, в батальоне, мне открылся секрет кадровиков. Оказывается, формирование рот идёт в том числе и по внешнему виду бойцов. Высокие и светловолосые автоматически попадают в первую роту, а чернявые и те, что помельче да попузатее, как выразился один мой приятель, попадают во вторую. Такой же принцип действует и в армии. Будь среди нас косые, хромые и убогие, наверно, появилась бы и третья рота, но у нас таких не было, и рот оказалось только две. Я,

смуглявый с рождения, попал во вторую. Первая рота – для парадов, вторая – для войны.

К чести вторых рот нужно заметить, что в службе, учёбе и даже в спорте вторая рота всегда, как говорится, на целый корпус обходит первую.

Конструкторы Ан-12 меньше всего задумывались о комфорте пассажиров. Двигатели ревели так, что закладывало уши, жёсткие откидные, как в БТРе сиденья, не создавали уюта для седалищ.

Вдоль бортов, прислонившись спинами к шпангоутам, сидели и дремали мои друзья: Генка из Елабуги, Вовка из Кирово-Чепецка, Виталя из Владивостока. Да и много других ребят из Улан-Удэ, Донецка, Новосибирска, Якутска и Свердловска вёз пузатый транспортник на Кавказ, навстречу неизвестности.

Поудобнее устроившись на своём месте, я закрыл глаза и сквозь дрёму вновь погрузился в воспоминания.

ИНОГДА походы нашей ватаги продолжались по два, а то и по три дня. Многонациональная Сибирь манила нас разнообразием «разбойничьих» промыслов. Благодаря Иосифу Виссарионовичу, рядом с нашей станицей находилось поселение чеченцев, которые разводили прекрасные вишнёвые сады.

С другой стороны, вдоль Сибирского тракта, ровной линией выстроились аккуратные дома немцев с Поволжья, с их шикарными огородами и урожайными грядками огурцов.

Зыряне, добровольно переселившиеся в Сибирь в незапамятные времена, ставили на реке Тарбуга уловистые морды. Только деревня староверов с высоченными, глухими заборами, воротами в три человеческих роста и свирепыми лохматыми псами, свободно гуляющими по двору, не вызывала у нас интереса.

И дело не в том, что мы были голодны: дома у каждого из нас тех же огурцов немерено. Но разве сравнятся по вкусу огурец, сорванный посреди белого дня в собственном огороде, с огурцом, украденным во время ночной вылазки? Кстати, называли такую вылазку на нашем детском жаргоне «загнать козла в огород».

С немцами и зырянами, не говоря уж про староверов, точнее, с их пацанами у нас конфликтов не было. Зато с чеченскими ребятишками стычки происходили постоянно. Иной раз дело доходило до того, что пацаны, те или другие, собравшись в большую ватагу, устраивали рейды в деревню «неприятеля». Верх в таких случаях, как правило, одерживал тот, кто нападал первым. После чего победители ходили, высоко задрав носы, пока не нарывались на ответное нападение.

Взрослые, к моему теперешнему изумлению, и тут не думали вмешиваться, хотя иной раз драки происходили весьма серьёзные. Более того, мне иногда казалось, что в улыбках мужиков читалось скрытое одобрение.

Как-то раз, собравшись небольшой, особо сдружившейся компанией человек в пять, мы отправились «навестить» вишнёвые сады вблизи чеченской деревни.

Организатором и заводилой, как всегда, был Вовка Казаногин. Ранним утром умаявшийся за ночь объездчик, по нашим расчётам, должен уже отдыхать. На всякий случай, зайдя на территорию садов со стороны, противоположной нашей станице, мы неожиданно нос к носу столкнулись с группой чеченских пацанов. Их было раза в два больше, чем нас, и они оказались немного постарше. А нам помощи ждать неоткуда.

Оценив своё превосходство в силе и выйдя на пару шагов вперёд, чеченский забияка Султан, известный нашим пацанам по прошлым стычкам, улыбнувшись крысиной улыбкой, поманил к себе пальцем Вовку. Рубашка на животе у Султана, как и карманы, отвисала от ворованных ягод. Чеченские мальчишки и наши пацаны были конкурентами в садово-огородных делах, и это ссорило нас ещё больше.

– Ну что, Вован, пора нам с тобой разобраться по-взрослому, кто из нас здесь рулить будет.

– Давай попробуем, – Вовка смело вышел навстречу Султану.

Мы все приготовились к драке. Безнадёжность ситуации пробуждала злобу и придавала дополнительные силы. Я вспомнил наставления Вовки: «Думаешь, в драке побеждает тот, кто сильнее? Нет. В драке побеждает тот, кто духом крепче. Испугался, дал слабину, и ты пропал. Поэтому никогда не трусь, бей смело, бей в лицо, бей так, чтобы самому страшно стало. А увидишь в его глазах испуг – всё, считай, что ты уже победил».

В дальнейшем, вспоминая его слова, я удивлялся их жестокости и в то же время правильности. Откуда это знал четырнадцатилетний мальчик?

В тот раз нас выручил случай. За секунды до того мгновения, как замелькают кулаки и брызнет первая кровь, из-за кустов показался чеченский объездчик верхом на лошади. В воздухе засвистел и резко щёлкнул кнут, раздалась брань на чужом языке. Объездчику было наплевать на наши разборки: главное, он безошибочно узнал в обеих компаниях любителей дармовой вишни и, как пёс, бросился на нас, а мы изо всех сил рванули каждый в свою сторону.

В общем, ситуация разрешилась для нас благополучно, если не считать пары рубцов от кнута на некоторых спинах.

Иногда, для разнообразия, мы ходили с ночёвкой на элеватор. Голуби, расплодившиеся на его территории, стали настоящим бичом для колхозников. Их несметные стаи сплошным ковром накрывали зерно, хранящееся на току, не столько склёвывая, сколько загаживая его.

Именно эти разжиревшие на дармовой пшенице голуби и становились нашей добычей. Оказалось, что они, как и куры, укладываясь спать, перестают видеть и слышать, что происходит вокруг. Вот тут-то самые проворные из нас, а это, как всегда, были Витька и Вовка, залезали по стропилам под крыши окружающих элеватор строений и спокойно собирали в мешок устроившихся на ночлег голубей.

После того как мы все вместе ощипывали и разделывали жирные тушки, за

дело брался Мартын. Наверно, в будущем он стал хорошим профессиональным поваром, потому что уже в детстве выказывал немалые способности к этому делу.

На угли от догорающего костра он ставил старый, неизвестно где взятый глубокий противень, бросал в него целую пачку маргарина или кулинарного жира и, дождавшись, когда смазка начнёт закипать, плотно, крылышко к крылышку, укладывал голубиные тушки.

Не знаю, солил ли он их, применял ли какие-либо специи, но я больше никогда в жизни не пробовал такой сочной, ароматной и нежной дичи.

А далее – снова ночь у костра, страшные рассказы, «подтверждённые очевидцами», и купол бескрайнего звёздного неба, предсказывающего нам счастливую и такую же бесконечно долгую жизнь.

САМОЛЁТ резко качнуло, и он, навалившись на крыло, со снижением начал заходить на посадку. Бойцы, просыпаясь и потягиваясь, приводили в порядок экипировку. Замполит, летевший вместе с нами и весь полёт просидевший в кабине с лётчиками, теперь ходил вдоль рядов и разъяснял сложную обстановку в кавказской республике.

Самолёт тряхнуло при встрече с посадочной полосой, и он, взревев своими четырьмя моторами и задрожав всем корпусом, наверно, включив реверс, начал понемногу гасить скорость. Вскоре качка и тряска прекратились, самолёт остановился. Двигатели, взревев последний раз, начали замолкать, всё тише и тише свистя турбинами. Мы прилетели.

Город, в который мы прибыли, встретил нас мелким моросящим дождём и хмурым, почти осенним небом, по которому серой массой, почти касаясь земли, плыли дождевые облака.

На краю аэродромного поля стояло полтора десятка стареньких машин ГАЗ-52, выкрашенных в голубой цвет и крытых брезентовыми тентами. Машины принадлежали местной части внутренних войск и должны были перебросить имущество и личный состав нашей роты к месту постоянной дислокации.

Завершив погрузку и разместившись в кузовах на откидных скамьях, рота тронулась в путь. Оказалось, что дорога, если всё будет хорошо, займёт не менее четырёх часов.

Бойцы, устраиваясь поудобней, несмотря на запрет, закуривали.

Я, сидя крайним на скамье, идущей вдоль борта, приподняв брезентовый полог, вглядывался в дождливые сумерки наступающего вечера. Горы, огромными тёмными пятнами сереющие сквозь туманную пелену, не вызывали ожидаемого восторга. Нос улавливал лишь запах дождя с прохудившегося неба. Ярких красок в этом мире не было.

Потеряв интерес к окружающему, я опустил тент и, навалившись спиной на борт машины, закрыл глаза. Память снова погружала меня в далёкое прошлое.

ЭТИМ летом родители решили отправить меня в пионерский лагерь, подальше от моих закадычных деревенских друзей, а заодно под строгий надзор «правильных» педагогов. Путёвку достали на вторую смену – с 1 по 31 июля. Эта смена считалась лучшим временем. Можно было купаться в Иртыше, собирать ягоды, ходить по грибы... Так думали родители. Оказалось, они не знали всех реалий вот уж действительно «лагерного» отдыха. Неприятности начались ещё до того, как мы покинули город.

Мама, боясь опоздать на автобус, который должен отвезти нас в пионерский лагерь, подняла меня с постели чуть свет. Раннего подъёма я никогда не боялся (слава богу, жаворонок), но ждать больше часа отправления автобуса, сидя в душном салоне, для меня было слишком суровым испытанием. Поэтому, узнав, в каком автобусе едет моя группа и заняв удобное место у окна, я поставил на сиденье свою сумку и отправился гулять по парку.

Мама, суетясь и беспокоясь, что я отстану, покрикивала на меня, не позволяя отходить далеко. Наконец дали команду на посадку и отправление. Поцеловав маму, я вошёл в салон автобуса и вдруг обнаружил на своём месте какого-то пацана. Моя сумка, небрежно сброшенная, валялась в проходе между рядами сидений.

– Это моё место, я его первый занял, – обратился я к мальчику в надежде восстановить справедливость мирным путём.

Мальчик, старше меня как минимум на год и выше на полголовы, наглым кивком указал на мою сумку.

– Хватай и вали на заднюю площадку, там ещё есть места.

Пытаясь унять закипающую от обиды кровь, я подошёл к мальчишке и, резко схватив его за отвороты рубашки, рванул на себя. Деревенские пацаны так делают, когда хотят взять противника на калган (ударить головой). Я не собирался бить нахала, а просто хотел, оторвав его от кресла, выкинуть с моего места. Но не тут-то было. Мальчишка оказался сильным: прихватив мою рубашку таким же захватом, он упёрся мне в грудь, и мы, как два борца-самбиста, закружились в узком проходе, а затем, споткнувшись о мою сумку, брякнулись на пол. Освобождаясь от его захвата, я, дёрнув рукой, нечаянно ударил его по лицу. Мальчишка отпрянул, и я прочитал в его глазах испуг. Вспомнились наставления Вовки. Следуя им, я окончательно повалил своего противника и, усевшись на него сверху, по-детски размахивая руками, стал молотить его сжатыми кулачками. Вместо того чтобы оказать сопротивление, тот закрыл лицо руками и заревел. Если бы я поступил так в своё время, не то что деревенские мальчишки, а, наверно, и мои двоюродные братья не стали бы со мной дружить.

– Ты что творишь? Хулиган! – заорала метнувшаяся к нам женщина, которая до этого сидела на соседнем сиденье и с улыбкой слушала наш спор.

– Он первый начал, – невозмутимо возразил я, а затем, отпустив плачущего противника, подобрал свою сумку и сел на освободившееся место.

– Ну погоди, негодяй, мы с тобой ещё поговорим!

Уже позже я узнал, что эта женщина была воспитателем нашей группы, а наглый пацан – её сын.

Автобус медленно тронулся. За окном показалось перепуганное лицо моей мамы. Я, стараясь унять нервную дрожь и улыбнуться как можно более добродушной улыбкой, помахал ей рукой.

Порядки в пионерском лагере не понравились мне с самого начала. Утром команду на подъём давал пионерский горн. На мелодию этого горна мальчишки придумали слоган: «Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок». Затем давалось время умыться и почистить зубы. После этого шло построение на утреннюю линейку.

Как сейчас помню, горластый Альберт – сын нашей воспитательницы и мой «приятель» по автобусу, назначенный командиром, – бодрым голосом орал:

– Отряд?!

– «Солнышко», – отвечали мы ему.

– Девиз?!

– «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» – бодро орали мы в ответ всем отрядом.

Сначала меня это забавляло, но через пару дней начало казаться непроходимой глупостью. Затем выходила директор пионерского лагеря и оглашала распорядок дня. Не чувствуя подвоха, я первое время радовался некоторым объявлениям, но потом...

Например, многообещающий поход на пляж выглядел так. Отряд строился возле жилого корпуса: ходить по территории лагеря вне строя категорически запрещалось. Пока мальчики, как более шустрые, ожидали девочек, проходило минут десять. Затем, когда собирались девочки, терялся кто-то из мальчиков. Часть ребят убегала искать потерявшегося, но потерявшийся находился сам: оказывается, он забыл надеть плавки и бегал за ними. Теперь нужно дождаться поисковую группу. Прибывшая поисковая группа, увидев, что беглец обнаружен, сообщала, что можно идти на пляж. Но выяснялось, что пара девочек только что убежала в корпус подправить запрещённый макияж.

А Иртыш, играя лазуревыми красками, отливая серебром набегающих на берег волн, манил своей прохладой всего в трёхстах метрах от ограды нашего лагеря.

Наконец, построившись в две шеренги, мы, как ополченцы, идущие на войну, выдвигались в сторону пляжа. Но и тут нас ждал облом. На узеньком участке в воду были забиты столбы, обтянутые металлической сеткой, выходящей двумя концами на берег. Такая площадка в воде на детском жаргоне называлась «лягушатником».

Когда мы заходили в воду, глубина возле дальней стенки доходила мне до пояса.

– Нырять запрещено, каждый смотрит друг за другом! – раздавалась команда воспитательницы.

Я стоял посреди отведённой лужи под строгим присмотром зорких глаз и вспоминал, как среди ночи плыл по незнакомой речке, чтобы снять чью-то мордушку.

Повинуясь потребности души, я всё же решил нырнуть, хотя бы один раз. Тихонько отойдя в сторону и не обнаружив наблюдения, я вертикально опустился под воду и, приняв правильное горизонтальное положение, с чувством эйфории ассоциируя себя с Ихтиандром, резко загребая руками, рванулся вперёд.

Увы, наслаждение свободой длилось недолго. Во время одного из гребков моя рука натолкнулась под водой на что-то мягкое, и я от неожиданности схватил это мягкое рукой.

Когда я вынырнул, перепуганный вопль нашей вожатой напоминал звук сирены «скорой помощи». Девчонки, охваченные ужасом, как пингвины, пулями выскакивали на берег. За какое место я ухватил вожатую, мне и сейчас стыдно вспомнить. А тогда я так и не смог убедить педсовет лагеря, что сделал это неумышленно.

В наказание меня отстранили от следующего похода на пляж, не подозревая, что делают мне подарок. Я обрёл относительную свободу.

Дыша воздухом свободы, я вышел из корпуса и в первый раз один без строя отправился осмотреть наш лагерь. Мой путь, в соответствии с детской логикой, был направлен в дальний конец пионерского посёлка, куда проход категорически запрещён. Здесь проживали отряды самых старших ребят.

Меня постигло разочарование: я увидел те же марширующие колонны. Только мальчишки и девчонки немного постарше. Но кое-что всё же привлекло моё внимание. Это были кусты бузины с ещё не созревшими, продолговатыми перламутровыми плодами. Такие кусты на территории младших отрядов не росли. Мысль сделать бусы пришла мгновенно. Никто из старших ребят не обращал внимания на пацанёнка, неизвестно по какой причине копошащегося в кустах. В общем, бусы получились великолепные, хотя и послужили в дальнейшем вещдоком для моего очередного обличения.

До обеда времени оставалось ещё много, и я решил поискать ягоды земляники на южной части пионерского посёлка. Как-то раз мы строем проходили этот участок, уж не помню по какой необходимости, и я опытным глазом заметил в нескольких метрах от нас кустики земляники с едва розовеющими ягодками. Теперь, вспомнив об этом, я направился в ту сторону. Но здесь существовала проблема. Рядом, по оврагу, проходила граница лагеря, переходить которую запрещалось категорически.

Прибыв на место, я не обманулся в ожидании. Ягоды налились ярко-красным, безумно сладким и ароматным соком. В сторону лагеря их почти не видно: по-видимому, просто вытоптали. Зато по мере приближения к оврагу и далее ягод становилось всё больше и больше.

Уже не обращая внимания ни на какие границы, которые, кстати сказать, не были отмечены, я углубился в овраг метров на пятнадцать. И увидел море ягод. Я набирал полные горсти и с удовольствием набивал ими полный рот. Иногда капельки сладкого сока стекали с уголков губ на подбородок. С моего места были

видны крыши лагерных строений и слышны голоса детей. Заблудиться здесь просто невозможно.

Грозный оклик над головой заставил меня вздрогнуть.

– Ты что творишь, негодяй? – узнать голос воспитательницы труда не составило.

К тому же я так привык к её обращению, что уже откликался на него, как на собственное имя.

– Кто разрешил тебе покинуть территорию лагеря? Ты что, не знаешь, что выходить за его пределы запрещено?

Вы никогда не обращали внимание, что труднее всего отвечать на глупые вопросы? Я молча стоял перед воспитательницей, опустив голову, наспех вытерев рукавом мордашку, и прятал за спину перепачканные спелой земляникой руки.

Что касается нарушения границ лагеря, вообще-то с моей стороны это уже рецидив. Не далее как два дня назад меня уличили в таком же преступлении, когда в погоне за «атаманом» (крупная стрекоза) я перелез маленькую, менее метра высотой, оградку, отделяющую стоянку автобусов от основной территории лагеря, и углубился в запретные земли метров на пять.

Вернувшийся с пляжа отряд застал меня у стены позора: так называлась площадка под окнами нашего жилого корпуса, куда время от времени ставили в наказание нарушителей дисциплины. Похвастаться бусами из бузины я не мог: воспитательница конфисковала их у меня, приобщив к другим доказательствам моих преступлений.

Мальчишки, только что со щенячьим восторгом рассказывавшие о том, как они плескались в лягушатнике, замолкли, стараясь из сочувствия не встречаться со мной взглядами. Глупота!

Война войной, а обед по расписанию. Слава богу, в лагере не было наказания, лишавшего виновного еды. Иначе я бы, наверно, умер от голода.

Воспитательница, не называя меня никак, просто кивком головы указала мне на место в строю отправляющегося на обед отряда.

После обеда начиналось самое страшное – культмассовые мероприятия. Одно из них – групповые игры. Особенно меня раздражала смесь уличного «Штандара» (игра с подбрасыванием мяча) и детского хоровода. Называлась она «Колпачок».

Тогда мне слышалось «Колпачок, колпачок – тоненькие ножки». Только спустя много лет, проходя мимо какой-то детской площадки, на которой, по-видимому, развлекалась группа продлённого дня, я расслышал слово «кабачок», и всё встало на свои места. А тогда мы все дружно кружили хоровод вокруг одного из нас и по команде воспитателя орали «колпачок», не понимая, зачем его нужно поить и кормить: «На ноги поставили, танцевать заставили». Были бы постарше, заподозрили бы автора игры в белой горячке.

В этих играх радовало одно, что ни Вовка, ни Витька и вообще никто из друзей не видят меня за этим занятием.

На втором месте по занудству оказались хоровые спевки. Усадив нас в кружок на открытой летней веранде, воспитательница заставляла разучивать новые песни. Одна из них, песня про чибиса, запомнилась мне больше всего.

Дело в том, что эта хитрющая птичка любит выгуливать своих подрастающих птенцов на открытом пространстве, зачастую выбирая для этого дороги и тропинки. Мы с мальчишками, затевая очередные козни против близлежащих полей и огородов, не раз замечали, как чибис, завидев нас издалека, подлетал к нам вплотную, падал на землю и начинал изображать из себя калеку. Чтобы спровоцировать погоню и увести нас подальше от птенцов, птичка волочила по земле крылышко, припадала на одну ножку и заваливалась на бочок. Мы со смехом наблюдали, как она придуривается, и шли дальше. Тогда она взлетала вверх и, кружась над нами, издавала воинственный крик. Крик этот звучал не совсем прилично, и поэтому в Западной Сибири и дети, и взрослые испокон веков зовут чибиса (ещё раз подчеркну, что это не является в народе неприличным словом) пиздриком.

Но я сидел на веранде и в принудительном порядке вместе со всеми пел песню про мнительного чибиса.

А за пределами лагеря был разгар лета. Лес, изнемогая от дневной жары, тяжело дышал запахами хвои и берёзовой листвы. Усталые волны Иртыша лениво тёрлись о речные бакены. Запахи разнотравья дурманили голову.

Уйдя в мир фантазии, я представлял себе, как сейчас живут мои деревенские друзья, и не заметил, как перешёл на коренной сибирский диалект, изменив первоначальное название птички.

В себя я пришёл от гомерического хохота нашего отряда. Оказывается, воспитательница обладала хорошим слухом и, заметив неладное, жестом остановила пение. Все замолчали, кроме меня: я один, глядя куда-то в пустоту, продолжал «петь» громким речитативом песню про чибиса, при этом называя его на деревенский манер.

Я вновь был отстранён от мероприятия. В воздухе реально запахло исключением из лагеря.

В расстроенных чувствах, не желая находиться посреди людской толчеи и чувствуя себя изгоем, я нашёл закуток возле котельной и укрылся в нём от людских глаз. Грустные мысли одолевали меня. Исключение из лагеря как таковое меня не пугало и даже не расстраивало. Но что скажут на это родители?

Моё внимание привлекла старая, потрёпанная теплотрасса. Лопнувшие жестяные листы обшивки, стекловата, свисавшая клочьями, и хомуты из тонкой металлической полоски, валяющиеся на земле. Когда-то я видел, как Вовка Казаногин из примерно такой же полоски в гараже отца мастерил нож. Сталь у той полоски была покрепче, и Вовка орудовал наждаком. Ну и что? А у меня под ногами лежит шершавый бордюрный камень. Что железо мягкое, так это даже лучше: легче будет обрабатывать. Сказано – сделано.

Я уже придал лезвию необходимую форму и, затачивая о камень, доводил его

остроту до состояния бритвы, когда услышал за своей спиной какой-то шум. Быстро сунув в карман руку с ножом, я обернулся. Оказалось, это пацаны из старшего отряда зашли за котельную, чтобы незаметно для взрослых выкурить сигаретку. Среди них я с удивлением обнаружил Альберта, сына нашей воспитательницы.

– А ты что тут делаешь? – спросил он и угрожающе двинулся в мою сторону.

Я машинально вытащил руку из кармана и вновь увидел в его глазах испуг, смешанный с удивлением. Он, как зачарованный, уставился на тускло поблёскивающее в моих руках лезвие.

– Ух ты! Сам сделал? Дай посмотреть, – его тон из угрожающего стал просительным.

– Сам сделай и смотри сколько хочешь, – я развернулся и, не оглядываясь, ушёл в сторону нашего спального корпуса.

Уже через два дня вся ранее исправная теплотрасса, проходившая по территории лагеря, желтела клочьями рваного утеплителя и громыхала растерзанными листами жести, а половина детей, как какие-то абреки, ходили с ножами.

Искать инициатора-оружейника долго не пришлось, и я догадываюсь почему. Вопрос о моём исключении из пионерского лагеря был поставлен перед педсоветом.

ТОЛЬКО глубокой ночью наша рота прибыла на место постоянной дислокации. Утро ошеломило красотою Кавказа.

Нас разместили в финском ангаре, служившем когда-то вещевым складом. Здесь было тепло и, в принципе, даже уютно, но темновато. Выходя на построение, которое теперь следовало сразу за подъёмом, мы щурились от ослепительного солнца и замирали в изумлении.

Кавказские горы являлись перед нами во всём своём величии. Напротив плаца, казалось, на расстоянии вытянутой руки возвышалась громадина горы Большой Кирс. Она сверкала и переливалась игрой драгоценных камней, вкраплениями которых была усеяна снежная шапка, укрывавшая вершину. Ручьи, словно нити серебряной паутины, опутывали склоны гор, обращённых в нашу сторону. Непривычно чистый и прозрачный воздух кружил головы и скрадывал расстояние. На самом деле от нашей базы до края долины, в которой мы находились, не один десяток километров.

В горах расстояния обманчивы. Ещё в Северном Казахстане, где тоже есть хоть и небольшие, но всё же горы в районе посёлка Боровое, мы с приятелями решили подняться по склону. Не на вершину, конечно, а так, на сколько сможем. «Восхождение» заняло около получаса, но когда мы, почти лишившиеся сил, оглянулись назад, то оказалось, что продвинулись вперёд не более чем на расстояние броска камня. Спустились мы за несколько минут. Длинная обходная тропа может оказаться самой короткой, а прямой путь, в конце концов, окажется бесконечным.

Именно там, среди кавказских красот, пролегали тропы, известные немногим.

И по этим тропам шли группы вооружённых людей, причём как в ту, так и в другую сторону, сея смерть на сопредельных территориях. Вот для защиты населения этих территорий и прибыл на Кавказ наш батальон.

Страну лихорадило от радикальных перемен, в основном уводящих её не в лучшую сторону. Ещё вчера добрые соседи становились лютыми врагами, готовыми жечь дома и резать друг другу горло. Народы и даже мелкие народности вдруг проникались гипертрофированным чувством национального достоинства и начинали вспоминать обиды, нанесённые им ещё в феодальные времена. Находились «знатоки» истории, которые в два счёта могли обосновать территориальные претензии к любому из соседей. Мир медленно, но неуклонно сходил с ума.

Демаркационная линия, разделяющая конфликтующие стороны, была шириной в несколько километров, и если днём ещё удавалось прикрыть весь этот участок разбросанными на небольшие расстояния друг от друга блокпостами, то вечером возникали проблемы. Батальону приходилось сжимать охраняемый периметр, чтобы повысить свою боеспособность. Вода у нас была привозная, так как несколько колодцев с питьевой водой на ночь оставались без охраны, а играть поутру в русскую рулетку желающих не находилось. Однажды по какой-то причине снабженцы не смогли завезти нам воду, и мы три дня не только пили, но и мыли руки персиковым соком, обнаруженным в брошенных ушедшими жителями погребах.

Одна из дорог, ведущих из соседней республики, с которой и был конфликт, прикрывалась нашим блокпостом.

На выносном блокпосту, как правило, находилось одно отделение, то есть порядка десяти человек. Рядом с несколькими оборудованными огневыми точками, соединёнными линией окопов, находился блиндаж с печью для варки и разогрева пищи и нарами для отдыха.

Иногда на несколько дней задерживали доставку горячего питания, и мы переходили на сухие пайки. Тушёнка и галеты пришлись по вкусу, но только поначалу. Потом из этой ситуации пришлось искать выход. И он был найден.

В наши обязанности входили осмотр грузов, проверка документов и осуществление мероприятия, которому в дальнейшем придумали название «фейсконтроль».

Как правило, к фуре подходил Генка из Елабуги и предлагал предъявить груз к осмотру.

– Слушай, уважаемый, ну как я тебе предъявлю? У меня семь тонн мороженых курочек. Я что, разгружать машину должен? – убеждал Генку водитель.

– Ничего не знаю, – артачился Генка. – У меня приказ.

Водитель чесал затылок и косился на Володю из Кирово-Чепецка, сидевшего за бетонными блоками, облокотясь на ручной пулемёт, и раскуривавшего сигарету. Наконец, в глазах водителя начинала светиться мысль, и губы трогала милейшая, дружелюбная улыбка.

– Слушай, брат, – заговорщически понижал он голос. – У меня товар лучшего качества. Не веришь? Возьми, брат, попробуй, – и в блиндаж блокпоста перекочёвывал лоток мороженой птицы.

Так же решались вопросы с овощами, фруктами, разнообразными консервами и даже с баночным пивом. На более крепкие напитки мы сами для себя наложили запрет.

Теперь задержки термосов с остывшими комьями каши и холодным чаем уже не расстраивали нас, а над оврагом, метрах в пятидесяти от блиндажа, куда мы выбрасывали испортившиеся продукты, вечно кружили стаи прожорливых ворон.

Сегодня я выходил в наряд на охрану ночного периметра. Погода стояла тёплая, ясная. Тьма, спустившаяся на горы, скрыла их из виду. Ночь расправила над нами свои чёрные крылья. Сияющие над самой головой звёзды необычной величины и ослепительной яркости завораживали душу. Казалось, протяни руку – и коснёшься одной из них.

Наверно, Сергей Есенин, глядя на эти звёзды, писал свои знаменитые «Персидские мотивы». Прошло уже сто лет, давно нет Есенина, а звёзды как сияли, так и сияют по сей день. Пройдёт ещё одна сотня лет, на свете уже не будет никого из ныне живущих, а они останутся, такие же величественные, такие же прекрасные и, увы, равнодушные. Да и что такое сто лет для вечности? Всего лишь миг, мгновение. Да и сами мы со своими мечтами, проблемами, радостями и трагедиями – всего лишь песчинки, летящие в бесконечных просторах космоса. Мы насекомые, чья возня не имеет для вечности абсолютно никакого значения.

Я встряхнул головой: грусть – не лучший товарищ для часового. Нужно сосредоточиться и напрячь внимание. Обстановка в горах за последние дни изменилась в худшую сторону. Чтобы взбодриться, я стал вспоминать занятные случаи из своего детства.

В ДЕРЕВНЮ к бабушке я приехал только на следующее после пионерского лагеря лето.

Деревенские мальчишки встретили меня как старого друга, вернувшегося из отъезда. В нашей компании произошли перемены. Вовка Казаногин, ему недавно исполнилось шестнадцать, уже не участвовал в наших забавах. На лето родители устроили его подпаском в помощь пастуху, его родному дяде. Место нашего вожака по праву занял Витька Грюканов. Мартына и его мать увёз из деревни отец, как оказалось, освободившийся из мест заключения. Добавилось несколько подросших пацанов, а в остальном всё было по-старому. Жизнь шла своим чередом.

На второй день после моего приезда я отправился в небольшую рощицу, находящуюся почти на территории села, где обычно собиралась наша компания. Ребята сидели вокруг костра и о чём-то вполголоса совещались. Их лица были озабочены.

– Что-то случилось? – обратился я к Витьке, уловив висящее в воздухе напряжение.

– Случилось, глянь вон туда, – Витька указал куда-то в сторону.

Я обернулся и онемел. Метрах в пяти от нас, на берёзовом обломыше, висел человеческий череп, а под ним белели уложенные крест-накрест, на пиратский манер, две берцовые кости. Между оставшихся зубов торчал окурок папиросы.

– Где вы его взяли? – спросил я в изумлении.

– Не мы, а вон тот придурок, – Витька указал на Лёху.

Оказалось, дело было так. На деревенских кладбищах стараются хоронить родственников как можно ближе друг к другу. Но со временем кладбища разрастаются, причём рост идёт не только вовне, но и внутрь. То есть недавно умершую родню хоронят всё плотнее и плотнее. Так и в этом случае, когда копали могилу, яма своим краем коснулась торца гроба давнего захоронения.

В это время, наверно, сам чёрт проносил мимо нашего Лёху, который воспользовался тем, что рядом никого не было, и спёр из старой могилы череп и кости. Но на этом дело не закончилось. Кто-то заметил устроенный Лёхой разор, и неизвестно как, но его вычислили.

Один из дальних родственников покойника, чью могилу разорили, передал Витьке, что переломает ноги всей нашей компании, если мы не вернём кости на место до завтрашних похорон.

Ребята сидели в задумчивости. Зная того, кто им угрожал, они воспринимали угрозу как весьма реальную.

– Я не хотел, – ныл Лёха. – Там дерево всё сгнило, стенка гроба сама развалилась. Я только палкой внутри пошевелил – череп сам и выпал.

– А кости тоже сами выпали? – уличал Лёху Витька. – А сюда ты их зачем притащил?

– Я вас хотел напугать, а потом вернуть.

– Напугал? Молодец! Теперь иди возвращай, – продолжал корить друга Витька.

Лёха сидел у костра, скрестив ноги по-турецки и низко опустив голову, и не смел поднять на ребят виноватые глаза.

– Ладно, что сделано, то сделано, – философски подытожил Витька. – Надо думать, как выкрутиться.

Нам даже не пришло в голову идти на кладбище днём, потому что можно огрести по полной, несмотря на явку с повинной. Поэтому решили идти к могиле, когда стемнеет, и уже тогда вернуть кости на место. А пока, оставив на поляне «Весёлого Роджера», разошлись по домам в ожидании сумерек.

Ночь медленно опускалась на село, стих гомон людей, замолчали в своих стойлах сытые, довольные коровы. Только неугомонные собаки продолжали лениво брехать, подводя итог длинному летнему дню. На небе робко замерцали первые звёздочки.

– Пора, – голосом, исключающим возражения, подал команду Витька.

Наш небольшой отряд в составе пяти человек отправился в сторону деревенского кладбища. На небе показался месяц. Когда мы уже подходили к деревянной ограде кладбища, он, как сигнальная ракета, поднимаясь всё выше и выше, залил землю холодным призрачным светом. Если вам приходилось бывать ночью, да и не только ночью, на кладбище, то, наверно, обратили внимание на то, что вас окутывает какая-то особенная тишина. Она забивает уши ватой, выделяя только отдельные, характерные для кладбища звуки. При полном безветрии вдруг пронзительно скрипнет берёза, или в полной тишине под ногами с громкостью пистолетного выстрела хрустнет сухая ветка.

Не показывающие своего страха пацаны всё теснее жались друг к другу. Лёха, держа под мышкой свой страшный груз, завёрнутый в газету, шагал первым, время от времени подталкиваемый в спину товарищами. Месяц на небе засверкал в полную силу. Кладбищенские берёзы начали отбрасывать нереальные, мерцающие тени. Лёгкий ветерок едва заметно качал вершины деревьев, от чего тени ползали между могил и шевелились в зарослях крапивы и полыни. Мистический страх, подогреваемый воображением, сеял в душе панику.

Наконец, мы подошли к свежевыкопанной яме. Остановились метрах в пяти от неё и подтолкнули в спину Лёху. Осталось потерпеть совсем немного. Лёха сделал пару шагов вперёд.

– Кто здесь?! – раздался хриплый возглас со дна могилы. – А ну, стоять!

И над краем ямы показалась лохматая голова покойника с волосами, припорошенными землёй.

Лёха взвизгнул голосом щенка, которому нечаянно прищемили дверью хвост, и, выронив свою ношу, рванул наутёк, в считаные мгновения обогнав всех нас. Мы мчались следом со скоростью, вызвавшей бы зависть у любого легкоатлета, не замечая препятствий на своём пути. Потом мы не могли вспомнить, обежали мы ров шириною метров в пять, прорытый коммунальными службами недалеко от кладбища, или просто перепрыгнули.

Примчавшись на место сбора в берёзовую рощу, мы, дрожа и размазывая по лицу слёзы и сопли, пытались успокоиться. Оказалось, что у некоторых из нас штаны мокрые. Тяжелее всего встречу с землекопом, которого наняли за бутылку водки подправить могилу и который, выпив, уснул прямо на рабочем месте, перенёс Лёха. Ещё целых полгода родители возили его в райцентр к невропатологу, чтобы вылечить заикание.

Несколько дней мы сидели по домам, не желая никого видеть. Так же не хотелось показываться людям на глаза. Деревня гудела, передавая рассказ о нашем приключении, как всегда, привирая и приукрашивая.

И всё же время – хороший лекарь: оно рихтует полученные от судьбы вмятины и излечивает нашу память, стирая из неё всё ненужное.

Этим летом у нас появилось новое развлечение, заменившее собой все осталь-

ные. Однажды Вовка Казаногин пригласил нас попасти коров вместе с ним. Главный плюс заключался в том, что, как помощники пастуха, мы могли брать на колхозной конюшне осёдланных лошадок. Точнее, брать лошадок, а седлать мы должны их сами.

В первое утро я, встав чуть свет, отправился на конюшню. К моему появлению все пацаны были уже здесь. Конюх, добрый дядька, помог нам выбрать самых смирных лошадок и показал мне, как нужно крепить седло.

Выполнив всё как положено и глядя вслед удаляющемуся конюху, я стал примерять лошадке уздечку. Почему-то совать в рот лошади металлические удила мне показалось неэстетичным, и я пропустил их под подбородком лошадки, просунув её морду между ремнями.

Выведя лошадей из конюшни под уздцы, мы уселись в сёдла и поехали по деревне, собирая в стадо коров, которых выгоняли хозяйки. Лошадь была мне послушна, но начинала как-то странно косить в мою сторону. Как только мы выехали за околицу, лошадка, посчитав, что и так слишком долго терпела мой произвол, направилась прямиком к кукурузному полю. Я натянул поводья и попытался развернуть её в нужном направлении. Бесполезно. Тогда я, проявляя волю наездника, что есть сил потянул поводья в нужном мне направлении так, что выгнулась шея лошади. Недолго думая, лошадка дёрнула головой в обратную сторону, и я, не успев ослабить поводья, намотанные у меня на руке, с грацией циркового акробата, даже не прикоснувшись к лошадиным ушам, пролетел через её голову метров на пять вперёд, слава богу, не попав под её же копыта. Подскакавшие пацаны, поняв, в чём дело, исправили мою ошибку и потом ещё долго смеялись надо мной.

А вообще к джигитовке у меня обнаружились способности. Как-то, когда я выгонял коров из берёзового колка, моя лошадь вдруг понесла. Я довольно быстро научился крепко держаться в седле и поэтому не испугался, уверенный, что сумею справиться с ситуацией. Но скачки по лесу опасны даже для опытных наездников. Если лошадь видит находящиеся на её пути ветви деревьев и умеет проскакивать под ними, то наездника может просто смести с седла неожиданным препятствием. Так случилось и со мной, точнее, чуть не случилось. Когда лошадь понесла, я слишком поздно увидел толстый сук, торчащий на уровне моей груди. Пригнуться я уже не успевал и тогда всем телом откинулся назад, прижавшись лопатками к крупу лошади.

В дальнейшем я часто использовал этот тип джигитовки, даже не подозревая, что это стиль езды монголо-татарских воинов Чингисхана. При большой скорости уменьшалось сопротивление воздуха, а руки оставались свободны для стрельбы из лука.

Благодаря нам пастух мог не гонять стадо слишком далеко: мы удерживали коров на ограниченном участке, и нашей расторопности вполне хватало, чтобы избежать потравы пшеницы или иной культуры.

Сам же пастух мог свободно отдыхать на солнечной полянке, послав своего

подпаска Вовку в магазин за портвейном, и ни о чём не беспокоиться. Ситуация устраивала всех.

В то утро я умудрился проспать. Уже давно я научился вставать без будильника в любое время, стоило лишь с вечера поставить перед собой такую задачу. Бабушка удивлялась моей способности и изредка хвалила меня. Но в то утро я проспал.

Наскоро перекусив вчерашними пирожками и запив их вечерним молоком, я побежал на конюшню. Конюшня оказалась пустой. Точнее, в конюшне не оказалось конюхов. Скорее всего, они, отправив пастухов, вновь легли отдыхать. Сёдла, уздечки, в общем, вся конская амуниция была развешена по стенам. Сонные лошади переминались с ноги на ногу в своих станках. Я присматривался к лошадям, выбирая себе товарища на день. Моё внимание привлёк молодой жеребец угольно-чёрной масти, внимательно косивший в мою сторону. Почему-то мне показалось: он хочет, чтобы я выбрал его. Открыв станок, я вошёл внутрь и потрепал жеребца за гриву. То ли от удивления, то ли от удовольствия, он тихонько заржал. Выбор сделан.

Когда я вывел осёдланного жеребца на улицу и, лихо вскочив в седло, «дал ему шпоры», был ошеломлён. От перегрузки меня буквально вдавило в седло, как будто я стартовал на спортивном мотоцикле, а ещё я обнаружил, что нет привычной тряски и мне не надо отжиматься на стременах. Конь буквально стелился в размашистом беге, лишь слегка покачивая меня в седле. Так в первый и последний раз в моей жизни я познакомился с иноходцем.

Когда мы с конём появились на пастбище, все ахнули.

– Ты с ума сошёл? Это же Вороной! – в один голос зашумели пацаны. – К нему даже наши конюхи подходить боятся, зверь – не конь.

Я потрепал Вороного за холку, и конь покосился на меня с благодарностью. По сей день не знаю, Вороной – его кличка или просто масть. Но взаимной симпатией мы прониклись друг к другу с первых секунд знакомства.

Солнце, поднимаясь всё выше, превращало степь в раскалённое пекло. Наверно, поэтому пастух, не рассчитав своих сил, к вечеру сломался окончательно. Вовка Казаногин, оставшись в данной ситуации за старшего, махнул нам рукой, чтобы мы подъехали к нему поближе.

Пастух, абсолютно недвижимый, лежал на расстеленном плаще и громко храпел.

– Ну что, пацаны, надежда на вас, выручайте, – сказал Вовка, кивнув на пастуха. – Оставлять его нельзя: медянка может в рот заползти. Так что давайте. Вам нужно только прогнать стадо по деревне, а там хозяева сами своих коров разберут.

Вовка с важным видом в знак особого доверия налил полстакана портвейна Витьке, и тот залпом выпил. Затем он повернулся ко мне и спросил:

– Будешь?

Если честно, я никогда раньше не пробовал спиртное, но сейчас почувствовал, что уважаемый мною старший брат считает меня взрослым и равным себе, поэтому я, кивнув головой, твёрдо ответил:

– Буду.

Развезло меня практически мгновенно. Наверно, сказались скачки на жаре в течение дня, да ещё и на голодный желудок. Мир кружился в моей голове, и, если бы не лука и грива Вороного, я, наверно, свалился бы с коня.

Но стадо мы собрали довольно быстро и, построив в колонну, погнали в деревню. Коровы, уловив неадекватность своих пастухов, вели себя смирно, послушно, аккуратным строем шагали в село. Однако, не желая давать послабление и предупреждая в стаде подопечных зачатки анархии, мы с Витькой продолжали щёлкать кнутами и орать на коров матерной бранью, которую за последние дни переняли у пастуха. Мой конь, всю дорогу бережно покачивавший меня в седле, вдруг встал, как вкопанный. Я, на манер пьяного махновца, поднял руку с кнутом и качнул головой, с трудом оторвав взгляд от земли.

Прямо перед моим иноходцем стояли мама, папа и младшая сестрёнка, без предупреждения приехавшие навестить нас с бабушкой. Взгляд сестрёнки был полон непонимания, отец старательно прятал улыбку в уголках губ, а вот глаза матери широко раскрылись от охватившего её ужаса.

Оказалось, это моя последняя поездка в деревню на летние каникулы. Да и время детства безвозвратно уходило в прошлое. Мой «Бежин луг» закончился.

Я рос, к пушку на верхней губе добавилась растительность на щеках. Чужие огороды уже не манили, а вечера на природе, у костра, стали мне неинтересны без друзей с гитарой и появившегося у меня нового друга – девушки с нашего факультета.

Бабушка часто приезжала к нам в гости и, даже когда я уже стал студентом, всегда привозила мне гостинцы. Это были подсохшие пряники, пропахшие запахом автобусного салона, в котором она ехала в город, или конфеты в потёртых фантиках, по-видимому, из её запасов. Как и большинство людей её поколения, она не представляла, как можно жить, не имея надёжного запаса из самого необходимого, а именно: из соли, сахара, спичек, чая, круп и, конечно же, дешёвеньких карамелек к тому же чаю. Революции и войны, пережитые ею, наложили на её представления свой отпечаток.

Она с загадочным видом подходила к кухонному столу, разворачивала платок с гостинцами, и мы с младшей сестрой набрасывались на них. Удивлённые родители корили нас за то, что мы их позорим.

– Вон ведь полная ваза шоколадных конфет стоит, а в столе и печенье, и вафли, а вы как с голодного края, – ворчала мать.

А мы с сестрёнкой, никого не слушая, грызли пряники и набивали рот карамельками, с трудом отдирая их от прилипших фантиков. Бабушка стояла рядом и улыбалась доброй счастливой улыбкой.

В своей жизни я перепробовал много вкусных лакомств, но не помню, чтобы хоть одна из них приносила мне столько радости.

Когда я, окончив институт, уезжал по распределению, бабушка специально

приехала к нам, чтобы попрощаться со мной. Только тогда я заметил, как же сильно состарили её годы. Похоронив в разных войнах, включая гражданскую, троих мужей, она в одиночку вырастила четверых детей, поставила их на ноги, обеспечив им образование и получение хороших профессий.

Жизнь не смогла сделать её сердце чёрствым, в нём всегда находилось место любви и доброте.

Когда я, погрузив в такси сумки и чемоданы, повернулся к родным, чтобы попрощаться, она первая подошла ко мне. И я только сейчас заметил, что передо мной стоит старая женщина, сгорбившаяся под грузом прожитого времени. Она подошла и как-то неловко протянула мне правую руку вытянутой ладонью вперёд. Рука бабушки мелко дрожала, и я понял: она, казачка из далёкого Урлютюба, не раз провожавшая родных ей мужчин, провожавшая, чтобы больше никогда не встретить, сейчас не знала, что сказать и как проститься с любимым внуком.

Я бережно взял в руку её сухонькую ладонь и прижал к своей груди. Другой рукой я обнял её за подрагивающие плечи.

– Ну ладно, бабушка, ну чего ты? Через годик приеду в гости, увидимся.

– Ты думаешь, для меня годик – это мало? Я ведь не вечная... Подожди, не перебивай, послушай, что скажу, – она снова стала уверенной в себе женщиной. – В твоей жизни многое может случиться. Знай, пойдёте в атаку – к толпе не жмись, будь немного в стороне. Вперёд не лезь, позади других не отставай, зря не геройствуй, но и не будь трусом. Пуля трусов любит.

Я стоял немного растерявшийся, понимая, что бабушка читает мне по памяти наставления, которые из поколения в поколение читались молодым казакам, покидающим родной дом, но перебивать её я, конечно, не стал. Старый человек, немного заплутавший во времени. Нужно быть снисходительным к старости. Пройдёт время, и я увижу, как же был глуп сам и как была мудра моя бабушка.

– И главное, может, когда-нибудь тебе станет страшно и рядом не будет никого из товарищей, которые смогли бы тебе помочь. Например, ты будешь ночью стоять на часах, – она применила устаревшее название караула. – Запомни! Ты только попроси Его, скажи: «Спаси и сохрани» и больше ничего не бойся.

Бабушка не пояснила, кого Его, но и так всё было понятно.

Потом я попрощался с отцом, матерью, сестрёнкой и другими родственниками, сел в машину и поехал.

Когда я оглянулся, то увидел бабушку стоящей немного в стороне от других, с приподнятой правой рукой – она благословляла мой путь.

Её не стало через два года. Я работал далеко на севере. Ещё не было сотовых телефонов, а телеграмма шла туда со скоростью теперешнего письма. Бабушку похоронили без меня.

Так ты и осталась в моей памяти родной, милой старушкой, которую я обнял за подрагивающие плечи, прижимая к груди. Ты и сейчас в моей памяти либо благо-

словляешь мой путь, либо, прищурившись, из-под ладони смотришь на дорогу, не появился ли на ней твой внучок, идущий из своего далёка.

Когда я приехал домой, в отпуск, отец рассказал мне о том, как он ездил в деревню поправить бабушкину могилку.

По дороге с кладбища его подвезла буханка, УАЗик, на котором ехал главный механик колхоза. Рейсовые автобусы ещё не ходили из-за распутицы, и отец собирался выбраться на большак (так называют в Сибири магистральные дороги), потом, поймав попутку, добраться до находящегося километрах в сорока райцентра Калачинск, где проходила железная дорога, и уже на электричке вернуться домой.

Сидящий рядом с водителем начальник, обернувшись к отцу и внимательно посмотрев на него, спросил:

– Из города, навестить могилку? А кого, если не секрет?

Отец ответил. На лице главного механика появилось выражение изумления:

– А вот пацанчик тут приезжал, Игорем звали, он вам кто?

– Это мой сын, – ответил отец.

– Остановись! – скомандовал начальник и, прихватив какой-то свёрток, пересел в салон буханки к отцу.

– Куда вы собрались ехать? – спросил он отца.

– До центра посёлка, – сказал тот настороженно.

– А потом?

– Потом на попутках до Калачинска.

Главный механик обернулся к окошку водителя и скомандовал:

– Гони на Калачинск!

Ничего не понимающему отцу он пояснил:

– Да ведь Игорёха братуха мой, мы с ним в детстве в одной компании такие дела делали – закачаешься.

В свёртке оказалась бутылка водки, краюха хлеба, шмат сала и несколько свежих парниковых огурцов. Отец, быстро сообразив, кто перед ним, указал пальцем на огурцы и серьёзно спросил:

– Неворованные?

После чего они дружно рассмеялись.

Главного механика звали Владимир Иванович Казаногин.

Потом отец рассказал о судьбах моих друзей. Со слов Вовки, я называю его так, потому что для меня он навсегда остался Вовкой. У всех сложилось по-разному. Сам он единственный из нашей компании, кто остался в деревне. О Мартыне больше никто и никогда ничего не слышал. Витька Грюканов окончил Рязанское училище ВДВ и по сей день служит в Афгане, пишет, что готовятся к выводу войск. А вот Лёха утонул, ровно через год после того случая с разорением могилы.

Услышав эту новость от отца, я вспомнил где-то услышанное печальное выра-

жение: «Взрослые мужчины – это выжившие мальчики». По злой иронии судьбы, его могилка находится совсем рядом с той, что он когда-то разорил.

– Да, и ещё, ты не помнишь такого имени Султан? – спросил отец.

Память тут же услужливо показала мне лицо чеченского пацана со злобным крысиным оскалом.

– Так вот, он тоже учился с Витькой и какое-то время служил в Афгане.

Мне стало неприятно от необходимости называть Султана российским офицером, и я поморщился, а отец рассмеялся.

– Вот-вот, и у твоего дружка Казаногина была такая же, точь-в-точь, физиономия, когда он мне это говорил.

Река времени продолжала уносить нас в свои дали, не особо считаясь с нашими желаниями.

ТРОПА, ведущая через перевал, извивалась змеёй между каменных осыпей. Иногда приходилось низко склонять головы и сгибаться почти вдвое, чтобы пролезть под наклонившимся камнем. Даже на лошади проехать здесь невозможно. Поэтому группа бородатых мужчин, одетая в камуфляж и обвешанная самым разнообразным оружием, шла пешком.

Вожак группы Султан, оглядывая колючим взглядом едва заметную тропу, водил головой из стороны в сторону, словно принюхиваясь.

Сам он родился в далёкой Западной Сибири и никогда не был в Чечне, но считал её, как и весь Кавказ, своей исторической родиной. Ещё в Сибири он привык делить мир на своих и чужих, и получилось так, что все правоверные – это свои, а неправоверные – это враги. Всех их он называл русскими, даже если они – представители одного из кавказских народов.

После окончания училища ВДВ служба забросила Султана в Афган, где он, воспользовавшись случаем, перебежал на сторону моджахедов. Но подставлять свою шкуру под пули шурави у него, извините, желания не было.

Быстро установив нужные знакомства, он вскоре оказался среди «диких гусей»: так в Европе называли наёмников. Подготовка в ВДВ отмечена инструкторами, и вот он уже командир группы.

Совершенно неожиданно у командования наёмников появились интересы на бывшем советском Кавказе, и Султан с радостью принял предложение за солидную плату провести карательный рейд на территории неверных.

Сразу за перевалом стояла какая-то странная ментовская часть. Султан, наблюдая за ней в бинокль, не мог понять, почему все бойцы этой части носят офицерские погоны. На крутой спецназ они непохожи, хотя по возрасту не пацаны. Но его радовало другое: всё внимание бойцов было направлено на дорогу, а значит, на свой периметр обращают внимания гораздо меньше. Если их группе удастся пройти незамеченной, там, впереди, всего лишь в нескольких километрах, на-

ходится посёлок. Идеальная цель для джихада. А потом, когда полыхнут дома и люди, выскакивая на улицу, будут валиться на землю под автоматными очередями, как спелые колосья под серпом, в поднявшейся суматохе они без проблем смогут вернуться на свою территорию.

Почти два дня Султан изучал караульную службу и как профессионал наконец-то нашёл слабое место. Недалеко от блиндажа находился всего один пост. Если снять караульного, можно подумать и о том, чтобы вырезать всех спящих в блиндаже, хотя это опасно. Половина бойцов не спит, находится в охранении. Да и те, что отдыхают, не дай бог, смогут вовремя проснуться. Тогда вся его группа окажется под огнём российских пулемётов, а это смерть. Лучше прирезать одного русака и незаметно пройти в посёлок, а уж там...

Султан полз, обдирая камуфляж об острые камни. Он мысленно радовался тому, что нормальных ограждений на этом участке пока не было. Не дай бог, спираль Бруно или сигнальная мина. Стоит только раскрыть себя, и вся группа попадёт под перекрёстный огонь с соседних постов и выбежавшей из блиндажа отдыхающей смены.

Его бойцы остались позади в ожидании прохода. В руках у Султана тускло поблёскивал длинный кинжал – подарок деда. Настало его время. Караульный находился уже метрах в десяти, и Султан, как опытный воин, не сомневался в успехе.

Выглянувшая на короткий миг луна осветила лицо бойца, показавшееся Султану знакомым, но вспоминать некогда. Он прополз ещё несколько метров и, готовясь к последнему броску, сжался, как пружина.

ПОД утро погода начала портиться. По уставу, наш трёхсменный круглосуточный пост менялся каждые два часа. Было четыре утра, и, по закону подлости, пришла моя очередь заступать в караул. Время от трёх до пяти считается самым муторным. Стрелки часов словно прилипают к циферблату. Веки наливаются свинцом, внутренний голос убеждает, что нет ничего страшного, если ты присядешь вон у того камня и посидишь пять минут с закрытыми глазами. Мысли становятся вязкими, сознание заторможенное. Недаром все войны и перевороты начинаются именно в это время.

С гор потянуло свежим, холодным ветерком. Если дышать полной грудью, сон начинает понемногу рассеиваться. Вдали начали проступать контуры гор, но низкая облачность не давала им проявиться до конца, и горы тонули в мутном сумраке, как изображение на просроченной фотобумаге.

Дыша полной грудью, я упёрся спиной в бетонные блоки и поднял голову вверх. Звёзды, словно смутившиеся своей наготы, поспешно спрятались за набегающие тучи. Месяц, перебегая от тучки к тучке, подглядывая за стеснительными звёздами, лишь изредка небрежно подсвечивал землю через прорехи в облаках.

Внизу, у дороги, послышался шум каменной осыпи. Наверно, какой-то зверёк проявил неосторожность. А может, не зверёк?

Иногда бойцы в карауле снимали автомат с предохранителя и досылали в ствол патрон. Это успокаивало натянутые нервы, но часто вызывало беспричинную стрельбу. Поэтому делать так категорически запрещалось. Но мир и война диктуют разные законы.

Я снял автомат с предохранителя и, лязгнув затвором, загнал патрон в ствол. Оглядывая ночной пейзаж, я успокоился и снова прислонился к стене, чувствуя спиной прохладу бетонных блоков.

Я, наверно, всё же уснул, потому что увидел, как ко мне подходит мой друг детства Лёха и распахивает руки в ожидании объятий.

– Лёха? Но ведь ты же утонул, – удивлённо сказал я.

– Ну и что? Мы все когда-нибудь уйдём из этого мира.

– Но я же ещё жив.

– Ну и что. Ты пока жив.

Лицо Лёхи расплылось и исчезло в лунном тумане, а из бледно мерцающего облака вдруг появилось лицо моей бабушки.

Я совершенно явственно услышал её слова:

– Ты только попроси его, скажи: «Спаси и сохрани» и больше ничего не бойся.

– Игорёха, берегись! – услышал я крик Витьки.

– Игорёха, проснись! – звучал в моих ушах голос Вовки.

Мартын, такой же молодой пацан, каким я видел его много лет назад, беззвучно раскрывал рот в мольбе, смотря мне в глаза, а я читал по его губам:

– Ну что же ты, Игорёха?

Мёртвый Лёха вновь возник в свете лунных лучей и, словно противясь чьей-то воле, прошептал:

– Берегись!

Весь мой «Бежин луг» шептал, кричал, просил и умолял меня о чём-то.

Прогоняя наваждение, я тряхнул головой и, оттолкнувшись от бетонной стены, огляделся вокруг.

Ночь по-прежнему была тепла и тиха. Где-то далеко раздавались раскаты грома. Пушистые облака, становясь всё гуще и темнее, как и раньше, плыли по небу. Я решил обойти периметр, хотя он и так хорошо просматривался с моего места.

Где-то совсем близко, в посёлке, начинали брехать собаки. Приближалось утро, но чувство тревоги не проходило.

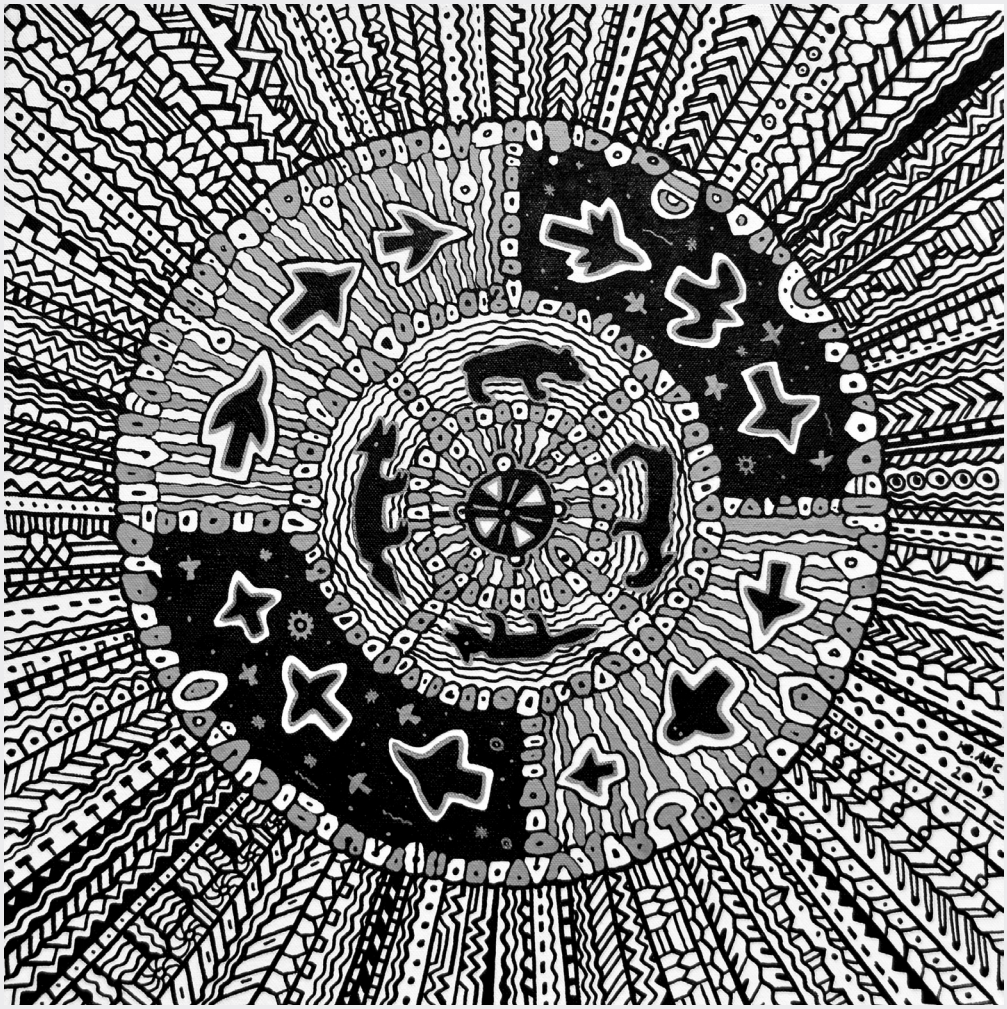
Повинуясь каким-то внутренним силам, я шёпотом произнес:

– Спаси и сохрани.

Позади меня раздался шорох камней. Я резко обернулся и буквально в последний момент повернул ствол автомата в сторону летящей на меня тени и нажал на спусковой крючок.

Июнь, 2018 год.

Усинск



Николай ТАКАЕВ:

«Сила Усинска в его людях!..»

Интервью с главой муниципального образования городского округа – руководителем администрации городского округа «Усинск» Николаем Зималетовичем Такаевым.

– Николай Зималетович, вы в Усинске без малого 30 лет. Город развивался на ваших глазах. Как считаете, Усинск сегодня – перспективный город?

– Однозначно да. Усинск – перспективный город, но для его дальнейшего развития необходимо вложить много труда, сил и терпения. Для достижения многих задач важно взаимодействие всех структур и учреждений, а также предприятий и самих граждан. Только вместе мы сможем сделать наш Усинск ярче, современнее и комфортнее.

– 21 декабря 2018 года вы избраны руководителем администрации городского округа «Усинск». Как изменилась ваша жизнь после назначения?

– Работы стало больше. Я сейчас своих коллег вижу чаще, чем семью, к сожалению. Но я знал, на что иду, и уверен, что мои старания оценят жители муниципалитета, в том числе и моя семья.

– Каковы на сегодняшний день ваши цели и задачи как главы муниципалитета?

– Сегодня мы, я и моя команда, работаем, как говорится, «с колёс»: есть проблемы, которые нужно очень быстро решать, появляются новые и новые вопросы и задачи. Конечно, я стараюсь думать о том, что мы будем делать в следующем году, через год. Есть идеи, для реализации которых мы привлекаем инвесторов. Но пока работаем как в пожарной команде: нужно «быстро», «сегодня» или даже «ещё вчера». Например, вернёмся к вопросу о дорогах. Как в шутке – снег растаял вместе с дорогами, нам нужно заниматься этим вопросом – и прямо сейчас. Помимо дорог «валятся» один за другим и дворы. Объезжаю город,

порой на некоторые участки без слёз взглянуть нельзя. Я хожу пешком, вижу и знаю каждую ямку, в курсе всех городских проблем. Именно такие дела нужно сейчас решать, они первые на повестке дня.

– А что сегодня является основным средством для достижения поставленных целей?

– Я бы сказал не средством, а силой. Говорю я о своих коллегах, потому что один в поле не воин. Мне повезло, что в моей команде – опытные, грамотные, любящие Усинск люди. Они и есть основная движущая сила, которая помогает достигать поставленных целей. К слову сказать, благодаря единству моей команды нам в короткие сроки уже удалось восстановить автотранспортное предприятие, районную газету, начать строительство Дома культуры в деревне Денисовка, а один из самых сложных вопросов города – бездомные собаки.

– Николай Зималетович, назовите первую проблему, которую вам как главе удалось решить?

– Как я уже сказал, мне и моим коллегам удалось восстановить АТП. Это была, на мой взгляд, действительно

Новые автобусы усинского автопарка.

Катера «Николай Горный» и «Светлый».

большая проблема. Моя принципиальная позиция заключается в том, что в городе должно работать своё автотранспортное предприятие, оказывающее качественные услуги пассажирских перевозок. У нас есть много отдалённых сёл и деревень, для их жителей речной транспорт – единственное связующее звено с городом в летний период. В прошлом году речные перевозки начали осуществляться поздно, поступило очень много жалоб от сельчан. На сегодняшний день уже известно, что речными перевозками в этом году занимается МУП «Муниципальные перевозки», которое предоставило для этих целей катера «Николай Горный» и «Светлый».

– А какие сферы деятельности самые проблемные и требуют особого внимания?

– Большинство обращений граждан, так или иначе, касается сферы ЖКХ. Это и дороги, и собаки, и уборка снега зимой и ряд других вопросов. Над проблемами, которые решаются на уровне администрации, мы работаем. Но есть и те, с которыми можно разобраться путём простого диалога между собственниками жилья и управляющими компаниями. Но, к сожалению, многим усинцам проще вылить своё зло в социальных сетях, не осознавая того, что кроме пустой болтовни это ни к чему не приводит. Надеюсь, что в скором времени в Усинске станет более развита культура общения между людьми и обслуживающими, а также ресурсоснабжающими организациями. Я же регулярно напоминаю руководителям управляющих компаний и ресурсникам о том, что интересы жителей Усинска и их комфорт превыше всего. Надеюсь, и граждане в этих вопросах не останутся безучастными.

– На ваш взгляд, какие направления деятельности будут способствовать увеличению собственных доходов Усинска и района?

– Мы сейчас полностью прорабатываем наше имущество: есть и такое, которое никогда не списывалось, но за него платятся налоги. Есть помещения, территории, которые не используются и не состоят в аренде. Они простаивают десятилетиями, в то время как мы несём затраты на их содержание. Я поручил своим коллегам всё это просчитать, выставить на торги, предлагать людям, в том числе – в рассрочку, тем самым привлекая предпринимателей заниматься бизнесом. Чем больше мы привлечём, тем лучше будет для нас: и с точки зрения налогов, и появления новых рабочих мест.

Также активно ведётся работа с инвесторами: мне хотелось бы реализовать несколько интересных задумок. Есть, например, большая московская компания, работающая с парниками и заходящая сейчас работать в НАО. Она выращивает огурцы, помидоры, цветы. В ней, кстати, работает бывший усинец. Я пригласил данную организацию рассмотреть вопрос о присутствии на нашей территории – хочу предложить им наши теплицы.

Другого варианта пополнения бюджета, кроме привлечения к нам бизнеса, наверное, и нет.

– Николай Зималетович, плавно переходим к теме культуры. Сегодня, если брать отрасль в целом, главная цель – повышение эффективности сферы культуры. А как вы оцениваете уровень развития культуры в Усинске?

– Говоря о настоящем и будущем сферы культуры муниципалитета, важно сказать, что Усинск идёт в ногу с

I Республиканский фестиваль православного искусства «Пасха Красная». Вручение Гран-при.

республикой и занимает передовые позиции: он в числе пионеров реализации региональной составляющей Национального проекта «Культура». Мы одними из первых будем создавать библиотеку модельного стандарта на базе Центральной детской библиотеки. А в Усинском Дворце культуры появится Виртуальный концертный зал. Его наличие даёт возможность для жителей небольшого города стать частью мирового культурного сообщества. Это знаковый проект Министерства культуры Российской Федерации. Он призван создать единое культурно-музыкальное пространство и расширить слушательскую аудиторию. Когда в Усинске появится такой зал, то горожане смогут побывать в лучших филармонических залах страны – Санкт-Петербургской академической филармонии имени Дмитрия Шостаковича, Пермской областной филармонии, Свердловской государственной академической филармонии и, конечно же, в Концертном зале имени Петра Чайковского в Москве. Все грядущие изменения можно оценивать только как положительные, они позволяют дать большой толчок к совершенствованию сферы культуры муниципалитета. Я уже упомянул про строительство Дома культуры в Денисовке. В рамках национального проекта «Культура» в ближайшие шесть лет мы должны решить существующие проблемы с ДК в сёлах Усть-Лыже, Колве, Усть-Усе. В целом уровень культуры «на селе» в нашем муниципалитете высокий. Дом культуры д. Новикбож можно смело назвать – эталонным. Тот энтузиазм, с которым работают творческие люди, достоин уважения!

– Какие основные актуальные проблемы сферы культуры вы бы отметили? Есть ли они?

– Думаю, что «Культура» – это как раз та сфера, к которой применима поговорка «нет предела совершенству». Совершенствовать материально-техническую базу учреждений, повышать уровень профессионализма работников культуры, выходить с новыми культурными инициативами и проектами на гранты республиканского и федерального уровней – всегда есть над чем работать и к чему стремиться. В усинских учреждениях культуры работают профессионалы, люди неравнодушные и находящиеся в постоянном творческом поиске – и благодаря

этому даже те проблемные моменты, которые возникают, положительно и оперативно решаются совместно с управленческими кадрами администрации муниципалитета и специалистами Министерства культуры Коми.

– Николай Зималетович, какие существующие культурные традиции вы намерены поддерживать и стоит ли усинцам ожидать новых культурных событий?

– Усинцы уже сегодня ощутили те «новинки», о которых вы говорите. Так, мы пересмотрели формат проведения и локации многих городских массовых культурных праздников. Масленица, Пасха, Сабантуй, День России прошли с большим охватом населения и положительным откликом. Усинск впервые организовал и принял I республиканский фестиваль православного искусства «Пасха Красная», который с аншлагом прошёл в Усинском Дворце культуры. 5 мая более 170 талантливых чтецов, вокалистов, танцоров со всей Республики Коми встретились на главной сцене нашего города. Мне вдвойне приятно было приветствовать артистов не только как участников I республиканского фестиваля «Пасха Красная», но и как гостей, приехавших в Усинск в юбилейный для города год. То, что мы запустили фестиваль в год 35-летия – это очень символично. Мы зарождаем новые, добрые традиции! И делаем это при поддержке наших коллег со всей республики.

– Николай Зималетович, вы только что упомянули приближающийся юбилей города. Своё 35-летие Усинск отметит уже в сентябре этого года. Чем, на ваш взгляд, может сегодня гордиться Усинск?

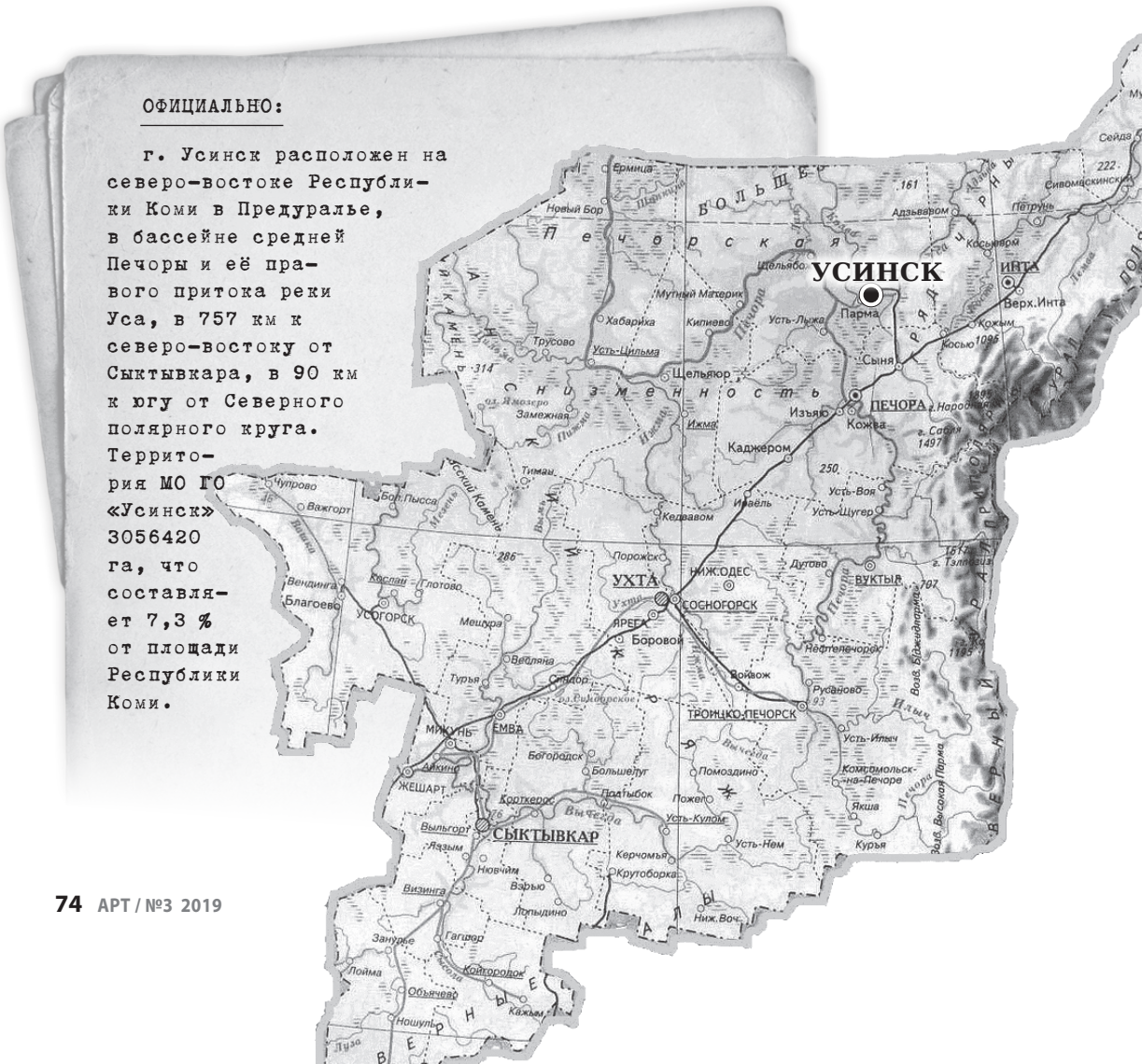
– В первую очередь своими жителями. В Усинске живут неравнодушные, болеющие за свой город люди, которых можно смело назвать сплочённой командой. В единстве, мире и согласии на территории нашего муниципалитета живут представители более 70 национальностей. Мы готовы помогать и поддерживать друг друга в сложной ситуации и вместе делать город красивее и комфортнее. Спасибо вам, дорогие земляки, за то, что искренне любите Усинск!

Интервью подготовлено пресс-службой администрации МО ГО «Усинск».

Усинск. Начало.

С биографией людей рождается история города

«Город белых ночей и чёрного золота» – так говорят об Усинске, городе, который образовался на правом берегу реки Уса, среди болот, недалеко от Северного полярного круга. Но в октябре 1962 года, когда поблизости от с. Колва (теперь на этом месте Усинская площадь) была добыта первая тяжёлая нефть, никто и не думал, что через два года появится вахтовый посёлок Усинск, а спустя несколько десятилетий (20 июля 1984 года) он получит статус города.



Первая табличка.

Из воспоминаний Анатолия КОЗУЛИНА, автора-составителя сборника «Нефть и газ Коми АССР»:

«Эта фотография была опубликована в сборнике документов и материалов «Нефть и газ Коми АССР», изданном в 1979 году. Подпись под ней гласила: «Так начинался Усинск. 18 февраля 1970 г.»

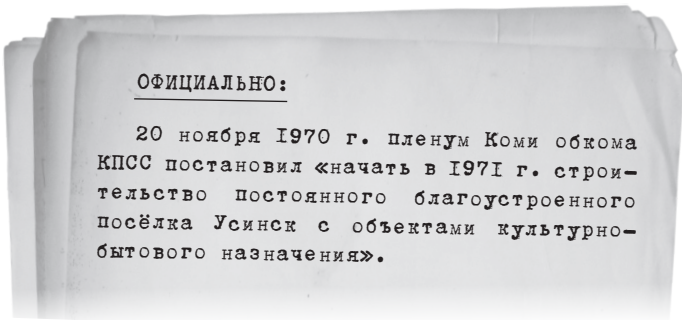
Кто запечатлён на фотографии, кто её автор, установить тогда не удалось, и снимок появился в сборнике без имени автора.

Недавно всё разъяснилось. Поиски привели меня к Тауно Матвеевичу Нурминену, старшему инженеру кустового информационно-вычислительного центра объединения «Коминефть». Старожил Ухты, он много лет провёл в изыскательских партиях и экспедициях, готовил трассы, шоссейную дорогу и трубопроводы, площадки для промысловых сооружений на Пашнинском, Джьерском и Усинском нефтяных месторождениях.

«Да, это я, – подтвердил он, увидев фотографии из книги. – У меня был негатив, так как снято моим фотоаппаратом».

Т. М. Нурминен рассказал, что в феврале 1970 года экспедиция, в которой он работал, приступила к топогеологическим изысканиям на месте нынешнего Усинска. Кругом ни души, только чахлое деревце да глубокий снег. Изыскатели начали здесь разбивку первой будущей строительной площадки. 18 февраля кто-то (кто именно, сейчас не вспомнить) написал на доске «Город Усинск», а Т. М. Нурминен прибил её к единственной высокой лиственнице. В это время П. Е. Великанов,

начальник топографического отряда, и «щёлкнул» тем же фотоаппаратом – на память. Потом изыскатели не раз фотографировались у этого указателя. Фотографировались «для себя», не рассчитывая на широкую огласку. Т. М. Нурминен был искренне удивлён, прочитав о себе через много лет в таком издании, как «Нефть и газ Коми АССР».



ОФИЦИАЛЬНО:

20 ноября 1970 г. пленум Коми обкома КПСС постановил «начать в 1971 г. строительство постоянного благоустроенного посёлка Усинск с объектами культурно-бытового назначения».

Из воспоминаний Фриды БОБРОВОЙ, одного из первых почтальонов Усинска:

«За большими делами (разведкой, добычей нефти и газа, строительством) забывается и остаётся в стороне почтовая связь и то, как она осуществлялась. В Усинск я приехала в далёком 1970 году из Башкирии, 16-летней девчонкой. Мои родители решили покорить Север.

В то время Усинска, в привычном понимании, ещё не существовало, а был посёлок на берегу Усы с двумя десятками бараков для геологов и буровиков. О строительстве города тогда ещё и не мечтали. Всё зависело от залежей нефтяных месторождений – будет ли там чёрное золото, и насколько хватит его запасов.

Средней школы ещё не было и в помине, поэтому мне пришлось идти работать. Так я и стала почтальоном. Сейчас, в век компьютерной техники и интернета, о значимости этой профессии мало кто задумывается, а тогда почта являлась единственной связующей ниточкой Усинского Севера с Большой землёй. Шёл 1971 год. Работа для молодой девчонки была очень тяжёлой. Письма, поздравительные открытки, посылки, телеграммы, пресса – это сотни килограммов. Всё приходилось носить в сумке на хрупких девичьих плечах. Недаром в старину работа почтальона считалась мужской. Вся корреспонденция должна была дойти в срок до каждого адресата, несмотря на лютые морозы и отсутствие дорог. Я была небольшого роста и худенькая, поэтому меня было еле видно из-за большой сумки. Некоторые даже шутили, что вроде как сумка сама идёт, нагруженная газетами и журналами.

В то время многие подписывались на периодику и читали очень много. Ведь газетных киосков тогда ещё не было. Семьи на ползарплаты оформляли годовую подписку. Наше поколение до сих пор с теплотой вспоминает газеты и журналы тех лет: «Правда», «Работница», «Крестьянка», «Здоровье», «Мурзилка», «Весёлые картинки». Поэтому почтальон был желанным гостем в каждом доме.

Железной дороги не было, зимой почту доставляли самолётом, а летом, бывало, и на барже. Иногда из-за нелётной погоды авиасообщение становилось невоз-

можным. И тогда все оказывались оторванными от мира. С нетерпением ждали писем, ведь тогда не было даже переговорного пункта. Не было радио и телевидения, все свежие новости узнавали из газет через 2-3 дня, а то и больше...

Если в 1970 году было всего несколько бараков на берегу Усы, то уже к 1974 году посёлок очень разросся, появились новые улицы, и, соответственно, нагрузка возросла во много раз. В день мы получали одну, две, а иногда и три машины с посылками. Надо было их выгрузить, рассортировать, расставить по номерам. Чтобы люди могли вовремя получить почту, приходилось работать допоздна.

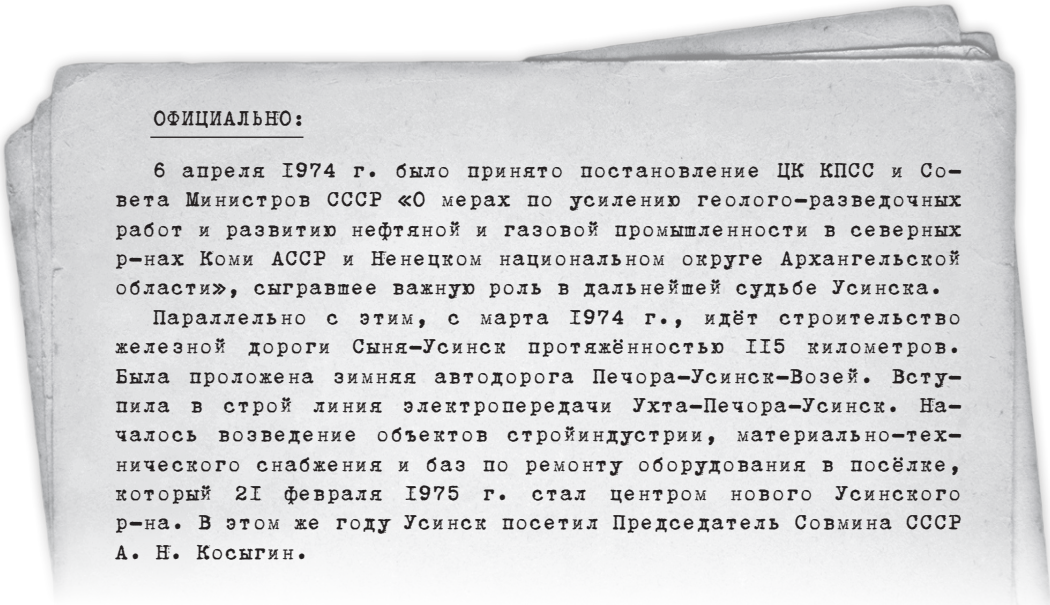
До 1971 года отделение связи находилось в здании экспедиции (ныне «Усинскгеонефть»), а буквально через год его перевели в отдельное здание бурового склада НРЭ-4 на берегу реки Усы. «Здание» – это громко сказано. Вмещалось менее 10 человек, духота, теснота, не хватало места для хранения посылок. Летом выходили из ситуации как могли. Иногда приходилось оставлять посылки прямо на улице. И представляете, никогда ничего не пропадало.

Спустя три года отделение связи перевели в Черёмушки, а ещё через несколько лет мы переехали в большое и просторное помещение по улице Строителей.

Заведующей отделением связи была Августа Григорьевна Хрусталёва. До сих пор вспоминаю её с теплотой и нежностью. Чуткая, внимательная к молодёжи, отзывчивая женщина. Именно она научила меня азам этой сложной, но такой благородной профессии.

Рабочие читают газету «Правда».

Коллектив был у нас небольшой, но дружный. Сегодня многие уже на пенсии, а кого-то уже и нет больше с нами. Не могу их не вспомнить: Анна Филиппова, Луиза Авдеева, Зинаида Хрусталёва, Вера Канева, Тося Галямова и Тамара Кравец. Прасковья Хатанзейская каждый день ходила пешком от Колвы до Пармы, доставляла газеты, журналы, письма, пенсии, переводы...»



ОФИЦИАЛЬНО:

6 апреля 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению геолого-разведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных р-нах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области», сыгравшее важную роль в дальнейшей судьбе Усинска.

Параллельно с этим, с марта 1974 г., идёт строительство железной дороги Сыня-Усинск протяжённостью 115 километров. Была проложена зимняя автодорога Печора-Усинск-Возей. Вступила в строй линия электропередачи Ухта-Печора-Усинск. Началось возведение объектов стройиндустрии, материально-технического снабжения и баз по ремонту оборудования в посёлке, который 21 февраля 1975 г. стал центром нового Усинского р-на. В этом же году Усинск посетил Председатель Совмина СССР А. Н. Косыгин.

Когда была доказана перспективность развития нефтегазовой промышленности в Тимано-Печорской провинции в целом и Усинского месторождения в частности, появилась необходимость в базовом городе, которым стал Усинск. Один из первых десантов прибыл в Усинск на теплоходе «Заря» более сорока лет назад – 14 июня 1974 года. А в январе 1975 года ЦК ВЛКСМ СССР объявил о начале Всесоюзной комсомольской стройки, и жизнь в рабочем посёлке Усинск забурлила. Представители предприятий ездили по всей стране и рассказывали о больших планах и возможности заработать, получить жильё. Молодёжи выдавали комсомольские путёвки, а ВУЗы и профтехучилища формировали стройотряды.

Из воспоминаний Людмилы КИРЬЯНОВОЙ, штукатура-маляра:

«В Усинск приехала весной 1975 года по комсомольской путёвке. Вместе со мной приехали Надежда Яковлевна Химченко, Людмила Михайловна Читава, Галина Ильинична Яковчук, Екатерина Андреевна Прент, Галина Николаевна Пантелеева. Мы все устроились в трест «Усинскстрой». Я работала в бригаде Елены Степановны Глазуновой, участвовала в строительстве завода крупнопанельного домостроения (КПД), центральной водогрейной котельной «ЦВК», школ, детских

Строительство первых домов.

садов, жилых домов. Мне посчастливилось принять участие в отделке первого благоустроенного дома в Усинске.

Жизнь текла, происходили реорганизации в тресте «Усинскстрой». После ликвидации «Отделстроя» нашу бригаду передали в СУ-17. Бригадиром стала Елена Шамшиевна Захарова. Управление строило объекты соцкультбыта. И я внесла свою скромную лепту в отделку таких зданий, как Дом пионеров, культурно-спортивный комплекс (КСК «Нефтяник»), кинотеатр «Томлун», бассейн, Дворец культуры и т.д. ...Нам часто приходилось участвовать в субботниках. Ходили на митинги, демонстрации 7 ноября и 1 мая.

Я, как и многие коллеги, занималась общественной работой: была профоргом в бригаде, заседателем в нарсуде, членом избирательной комиссии на выборах и т.д.

Работа на стройке была не из лёгких и, конечно же, мы уставали. В быту тоже были трудности, ведь большинство из нас попали в Усинск, сменив благоустроенное жильё на балок с печкой и воду из колонки...»

Из воспоминаний Людмилы ЧИТАВЫ, мастера строительных работ:

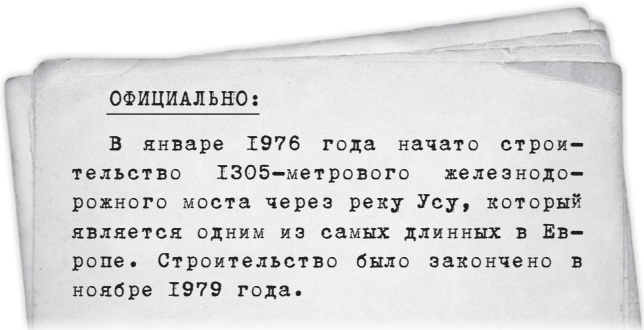
«...в 1975 году в марте месяце меня, по призыву комсомола, направили по комсомольской путёвке в Усинск, на строительство нового города нефтяников. Надя Кимченко, Люда Кожевина, Галя Якочун и я поехали на новое место жительства. Приехали и удивились: кругом тайга, балки и непроходимые дороги. Здесь была

Посёлок Романтика. 1975 г.

одна строительная организация – трест «Усинскстрой». Вокруг балки, бочки и один панельный дом. Поселили нас 5 человек в балок, и мы приступили к работе. Работали и жили дружно, весело, никогда сильно не огорчались, хотя иногда руки примерзали к тазикам с раствором. Часто приходилось работать круглосуточно.

Дома строились быстро: дом за домом сдавали, работали не покладая рук, т.к. понимали, что людям нужно было жильё: тёплое, светлое, постоянное на многие года. На строительстве новых домов, чтобы раствор не замёрз, топили мангалы, но работали с огоньком, организовывали социалистическое соревнование между бригадами и всегда занимали призовые места.

В свободное время бегали на танцы, дежурили в добровольной народной дружине, участвовали в субботниках, сажали деревья. Результат налицо, какие красивые берёзы, рябины, ивы сейчас в городе...»



ОФИЦИАЛЬНО:

В январе 1976 года начато строительство 1305-метрового железнодорожного моста через реку Усу, который является одним из самых длинных в Европе. Строительство было закончено в ноябре 1979 года.

Из воспоминаний Людмилы КИРЬЯНОВОЙ, мостостроителя:

«...В Усинск наша семья приехала в августе 1979 года по совету друзей. Мне сразу удалось устроиться на работу в Мостоотряд № 71 треста «Мостострой 6»

Министерства транспортного строительства СССР. Работали мы на строительстве моста иногда по 12 часов, так как было принято обязательство открыть движение поездов на 30 дней раньше срока. Последняя зима перед завершением строительства была очень суровой, морозы доходили до сорока пяти – сорока восьми градусов. В период сильного похолодания приходилось останавливать строительство, а потом ускоренными темпами нагонять упущенное время. Нам, крановщикам, нелегко было добираться до своего рабочего места. Кран стоял в середине недостроенного моста, и нужно было ежедневно ползком двигаться по установленным перекрытиям, чтобы попасть в кабину. Никто из мостостроителей не жаловался на тяжёлые условия труда. На строительстве работали семьями (я работала вместе со своим мужем) и целыми династиями.

7 октября 1979 года в торжественной обстановке был открыт проезд по мосту. Первым проехал со стороны Печоры тепловоз с рабочими. Этот момент заснят на киноплёнку, и мы можем его увидеть в документальном фильме «Как молоды мы были». Каждому строителю моста была подарена газета «Молодёжь Севера», посвящённая летописи мостостроения, и памятный значок....»

Строительство моста через Усу.

Приёмка моста.

Вслед за геологами, нефтяниками, строителями в Усинск начали приезжать транспортники, врачи, учителя, работники сферы культуры, а также представители многих других профессий, без которых нельзя представить действующую инфраструктуру любого города.

ОФИЦИАЛЬНО:

21 февраля 1975 года Президиумом Верховного Совета РСФСР был образован Усинский район с центром Усинск. В состав района вошли Мутноматеринский, Усть-Лыжинский, Усть-Усинский, Щельябожский и Колвинский сельсоветы, поссовет Пармы и рабочие посёлки нефтяников.

ОФИЦИАЛЬНО:

В 1978 году открыта Усинская детская музыкальная школа в п. Пионерный.

К 1980 году в Усинске построили 2 школы, 2 детских сада, больничный комплекс с поликлиникой.

Из воспоминаний Ольги МАЖАРОВОЙ, медицинской сестры:

«Я приехала в Усинск в мае 1974 года к мужу, который к этому времени уже работал в УБРе. Из Печоры летели на вертолёте, первый раз в жизни, а страха не было. Было только любопытство: куда мы летим? Островки земли с редкими деревьями перемешались с болотами, и казалось, этому не будет конца. Где та суша? Но вот вертолёт пошёл на посадку, и я, высадившись на лётном поле, обрадовалась – есть земля!..

На работу я устроилась только в конце сентября – медрегистратором Усинской, ныне Пармской амбулатории. Была осень – сезон дождей и грязи. Песок превратился в кашу, приходилось добираться до работы на попутках. Машины ехали медленно, не останавливаясь, и мы на ходу забирались в кузов, т.к. если машина остановится, то может застрять в грязи. А тут ещё, как назло, отключили электричество и встала проблема: как приготовить еду? Соорудили подобие печки из кирпичей на улице у подъезда и по очереди готовили супы, жарили мясо, кипятили чай, варили компот. И никогда даже мысли не было бросить всё и уехать на «материк».

Постепенно налаживался быт, работа. С нетерпением ждали открытия новой больницы и поликлиники, каждую субботу приходили на стройку, мыли и обустраивали кабинеты, убирали скопившийся на территории мусор. И вот этот день настал! Я стала работать медсестрой кабинета «ухо-горло-нос»; затем замещала старшую медсестру, ушедшую в декретный отпуск. В 1979 году в больнице был проведён конкурс на звание «Лучший по профессии», я заняла I место. Это был первый конкурс в ЦРБ, и заместитель главврача по лечебной работе Кузнецов М. Ю. в шутку долго называл меня «Мисс ЦРБ».

Из воспоминаний Галины ВОЛОГОДСКОЙ, учителя:

«Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам...» Хотите верьте, хотите нет, но именно эту песню напевал мне мой муж, Вологодский Владимир Сергеевич, инженер-геофизик комплексной промыслово-геофизической партии, когда я в августе 1973 года появилась на земле усинской.

Окончив Казанский государственный педагогический институт и получив специальность учителя химии и биологии, я была уверена, что буду востребована в профессии. Но завуч Усинской восьмилетней школы Баранова Людмила Петровна сказала, что ставка учителя химии и биологии занята, и посоветовала обратиться в Печорское гороно по вопросу моего трудоустройства. Я так и сделала.

15 августа 1973 года была принята учителем химии и биологии в Усинский учебно-консультационный пункт, который до образования Усинского района считался филиалом вечерней школы рабочей молодёжи города Печоры.

На следующий день началось моё настоящее знакомство с посёлком Усинск и его жителями. В местах скопления людей я развешивала собственноручно красной тушью написанные объявления о приёме работающей молодёжи в УКП. В ходе работы познакомилась с председателем поселкового совета Аллой Михайловной Босовой, которая звонила руководителям или секретарям партийных организаций НРЭ-4, УБР, УТТ и других, договаривалась о моих встречах с

Школа № 2, 1982 г.

молодёжью. И уже на собраниях я выступала, агитировала за необходимость получения среднего образования. В конце сентября классы были укомплектованы и начались занятия: 4 дня в неделю с 19 до 22-23 часов. Многие ребята приезжали, а в бездорожье приходили из Пионерного, будущего Усинска.

Вскоре из-за большого количества учащихся восьмилетняя школа перешла на занятия в три смены, потребовался учитель химии и биологии, и я не стала отказываться от ставки 18 часов и классного руководства. Теперь мой рабочий день начинался в 8 часов утра и заканчивался поздним вечером. Но было так много задора, энтузиазма! Недосыпания, трудности быта легко переносились, а зимние «актировки», игра северных сияний, летние белые ночи, осеннее изобилие грибов и ягод удивляли, радовали, скрашивали рабочие будни.

По мосткам на работу.

В 1977 году в Усинске открылась средняя школа № 2, в которой я проработала учителем биологии, заместителем директора по учебно-воспитательной работе 33 года, до сентября 2010 года.

Это были самые лучшие годы моего профессионального становления. 8 лет я возглавляла городское методическое объединение учителей биологии. Опытом работы делилась с педагогами на курсах, семинарах в Сыктывкаре, Печоре, Сосногорске...»

В сентябре 2019 года Усинск отметит своё 35-летие. Самый молодой город Республики Коми был построен руками тех, кто по зову сердца и комсомольским путёвкам более 40 лет назад приехал покорять Север и добывать Родине «чёрное золото».

По плану.

Из интервью Евгении ХОЛОПОВОЙ, руководителя музея боевой и трудовой славы при ЦДОД г. Усинска, газете «Наш новый Север»:

«Сегодня все участники большой комсомольской стройки вспоминают только хорошее. Но всё было очень непросто, работали и жили в сложных условиях, девчонки таскали неподъёмные мешки с цементом, строительные, отделочные материалы. УВУКС свела людей, многие здесь встретили вторую половину, родили детей, сегодня помогают воспитывать внуков. Именно они, люди самых разных профессий, приехавшие в суровый край задолго до объявления в 1975 году Усинска Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, и есть тот костяк, который по праву носит звание коренных усинцев, с которых всё начиналось. Многие из них рассчитывали задержаться здесь на пару лет, чтоб подзаработать... Но так и остались в Усинске, прикипев к нему душой».

За прошедшие годы в Усинске построены тысячи километров трубопроводов, освоены десятки месторождений, пробурены тысячи скважин. Тяжёлым трудом и неимоверными усилиями десятков тысяч людей добыты миллионы тонн усинской нефти. Среди непроходимых болот построен красавец северный город. Возведены детские сады и школы, больничный комплекс, железнодорожный вокзал, аэропорт, кинотеатр, плавательный бассейн, Дворец культуры, школа искусств, музейно-выставочный центр, городской храм. Усинск сегодня — это современ-

ный город с мощной производственной базой. На 1400 предприятиях и в организациях разных форм собственности трудится более 27 тысяч человек. В 37 образовательных организациях муниципалитета обучается более 5 тысяч детей. Более 3 тысяч детей посещают 18 детских садов. Многие профессии, необходимые в регионе, можно получить в Усинском политехническом техникуме и в филиале Ухтинского государственного технического университета.

Всё это создано руками людей, которые вместе с городом строили свою жизнь, связывая с ним профессиональную и личную судьбу, а это ещё раз доказывает, что истинные богатства Севера находятся не глубоко под землёй, а заключены в людях, которые своим самоотверженным трудом превратили этот суровый край в мощный промышленно-развитый район.*

Очерк подготовлен Евгенией ХОЛОПОВОЙ и Натальей СТИКИНОЙ.

**Очерк составлен по материалам, предоставленным:*
- музеем боевой и трудовой славы МАУДО «ЦДОД» г. Усинска;
- музейно-выставочным центром «Вёртас» г. Усинска;
- пресс-службой администрации МО ГО «Усинск».
Пунктуация и орфография воспоминаний сохранены.

И в прозе, и в поэзии – Усинск...

НАТАЛЬЯ СТИКИНА

Наталья Вениаминовна Стикина, поэт. Родилась в п. Кебанъёль Усть-Куломского района Республики Коми. В настоящее время проживает в г. Усинск.
Автор пяти персональных поэтических сборников. Публиковалась в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», в журналах «Наш современник», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Юность» и в ряде других российских и международных периодических изданий.
Член Союза писателей России.

Маленький город Усинск. Где-то недалеко от Полярного круга. Где-то недалеко от Уральских гор. Где-то на берегу реки Уса... Где-то в нас. Тех, кто здесь живёт в этом городе. В тех, кто знает Усинск. В тех, кто с любовью пишет о нём. Усинск в наших головах, сердцах, душах. Мы прикипели к нему навсегда. Мы растём и развиваемся вместе с ним. Вместе переживаем взлёты и падения. Вместе радуемся счастью, и вместе поднимаемся на ноги после неудач. Чувствуем его настроение, а город чувствует нас. Он сводит нас с людьми, которые становятся частью нашей жизни. И проникает под кожу своими северными ветрами, холодом снегов, красотой природы, солнечным теплом, которое хранится в болотных ягодах: клюкве, морошке, бруснике... А мы отвечаем Усинску словом, в котором звучит наша любовь к нему.

О Слове

И было Слово, данное земле.
И обрела земля свой чистый голос.
И было Слово равным тишине:
Глубоким и великим, словно космос.

И люди научились говорить
Сакральным языком своей природы,
Родной земли, умеющей любить
Любые под единым солнцем всходы.

И Русь была. И бился её пульс –
Родной язык – великий и глубокий.
Прошедший всё: и мор, и глад, и трус,
Мертвеющий меж тем в умах коротких
Своих детей, не помнящих родства
Иванов да Марий, да иже с ними...

Словесность умирает как листва,
В свой срок переходя от были к пыли.

Но верю я, подобно той листве,
Что каждую весну восходит в силе,
Вернётся Слово, данное земле
Исконным знанием, и более не сгинет.

И будет Слово в дочери и в сыне,
Когда Иваны вспомнят о родстве,
Когда Марии вспомнят смысл России.

Утреннее, майское, северное

Север, ах, север... Летит припозднившийся снег
В мае, десятого. Может быть, сдвинулись реки?
Ляжет снежинок печать на прикрытые веки.
Так пробирается Север под кожу. Навек.
Дом и работа – привычный отрезок на день –
Скользкие пункты стабильности внешнего мира.
Ртутное небо стекает по нити эфира –
Горькое зёрнышко в чётках весны. И мигрень
Зимней тоски – /запрещённый, но верный приём/ –
Внутренний мир нестабильности ест без остатка.
Солнце играет по-прежнему с городом в прятки.
Я прячу руки в карманы. Рефренным путём
Мимо проснувшихся улиц иду, как на «Вы»,
Слыша, как дворник почтенный цитирует Фета,

/От безысходности вспомнив вдруг прошлое лето/,
Что-то про холод, про сердце, берёзы, дубы*...
...И ...улыбнусь. Виновато ль движение рек,
Дворник-старик, мудрый Фет, боль движенья по краю...
Я принимаю тебя, майский снег, понимая, –
Так приживается Север. Под кожей. Навек.

1 декабря

...И первый день зимы в календаре
Глубоким снегом город мой отметит.
Поверь мне, так случается на свете,
Что снег уже ложится в октябре.
Ему плевать на правила людей,
Их суетные, мелкие проблемы.
Сам по себе, вне межсезонной темы,
Он здесь, со мной, уже так много дней.

А город тих. Он слеп и глух к зиме,
Сугробами по фонари замотан.
Снег – царь и бог на северных широтах!
А календарь... Оставь его себе.

Петелька

Подвела дурёха-память.
Не смогла признать тебя
Среди тысячи признаний,
Среди тысячи воззваний.
Мне бы быть с тобой, а я...

Подразумевается стихотворение А. Фета «Учись у них – у дуба, у берёзы...»

Распустили, словно шарфик
По петле, на пустяки.
Среди тысяч одиночек,
Среди тысяч многоточек
Всё назло, да вопреки.

Шерстяною ниткой вилась,
Да не грея, не любя.
Потому и оступилась,
Потому и отступилась,
Открестилась от тебя.

Платье

замираю
под тяжестью платья
сотканного из нитей
слов
скупых и жестоких

как
нити лодена
колкость и грубость
царапают кожу
душу
и
почти умираю
под тяжестью платья
но
уже не нагая
стою пред
тобой

Моему городу

Мой город – бабочка, рождённая в снегах,
Среди тайги раскинувшая крылья,
В морошково-черничном изобильи,
На северных бескрайних берегах.

Усинск – ты бабочка. Я вижу твой узор.
В нём всё сплелось: дома, дороги, люди,
И пусть коротким летом солнце будет
Добрей, к тебе направив тёплый взор.

А хмурой осенью и долгою зимой
Ты будешь жить пыльцой огней вечерних.
А я... Я буду ждать твой взлёт весенний,
Мой город-бабочка, ведь я – живу тобой.

Моя тень

ты – моя тень –
так безупречно беспечна.
сама по себе.
то исчезаешь, то появляешься
(когда не нужно).
с тобою – душно. без тебя – скушно.
именно так, через букву «ша»...
ша! вот сейчас замри
длинноногой безликой красоткой...
а теперь убирайся!
за спину.
в спину.
спи,
отбросив
меня.

Межстрочное

Инге Карабинской

И не то чтобы осень вступила в свои права,
И хандра подступает так медленно, безнадёжно.
Просто мудрости часто так сложно найти слова,
Просто мысли скукожились как под ногами трава.

...А в твоих стихах через боль прорастает нежность.

И не то чтобы город мой спит под покровом листвы,
И похож он теперь темнотою на тень Карфагена.
Просто он, как и я, болен вирусом тишины.
Просто он, как и я, пережил три тишайших войны.

...Но врачуют стихи вечным круговоротом по венам.

И не то чтобы нужно мне верить, что будешь всегда:
Междуречьем, предзимьем, предсказанным откровеньем.
Просто знаю: во мне твоё слово – живая вода,
И оно мне поможет свои пережить холода.

...И, быть может, постигнуть твою бесконечность мгновенья.

Каждую ночь...

каждую ночь
над твоей головою я
раскрываю разноцветный зонтик
(потому что ещё верю в сказки).
и каждое утро,
как ребёнок, ты удивляешься снам
ярким, детским:
с машинками, солдатиками, оловянной конницей...
потому что только любя
можно без боли отдавать сны тебе,
а себя – бессоннице.

О морозах

Сумерки... Небо похоже на порванный флаг,
Ветром забытый на поле сраженья морозов.
Сыплется время со скоростью старых прогнозов,
Колкою взвесью за ветхий потёртый обшлаг
Белого кителя сверженного Декабря.
Пообломались за окнами ртутные копья...
Сыплется время, сбиваясь в пушистые хлопья,
Пеплом салюта ложится у ног Января.
Но ненадолго спокойствие. Войпель* седой
С воинством крепких морозов вновь примет присягу
И с победителем станет под рваные стяги
Новым сияньем под яркой Полярной звездой...

...От снегопадов тишайших до новой войны
Время свободно парит в небесах белой птицей.
Север, мой Север, – открытая миру страница,
С правом изведать такие таёжные сны.

Самолётик

Папе

Сделай мне самолёт из бумаги
И на крыльях его напиши мне,
Что земля будет тёплой и мягкой,
А любовь будет вечной и сильной.
Обмани меня так же, как в детстве,
Чтоб ни тени сомнения после
Взлёта к синему Богову сердцу
Белых крыльев, некрепких-то вовсе.
И пока дует ангельский ветер,
Ещё рано до встречи с землёю
Самолёту, летящему к свету,
Что ты сделал своею рукою.

Войпель – бог Северного ветра в мифологии коми.

Под единым небом

где-то
под единым небом
на старом вокзале
у первой платформы

где-то между
рельсами и колёсами
рождается первая нота
нерасставания

где-то
между
мной
и
тобой

Сочельник

Наледь на окнах. За окнами ветер-бездельник
Вяло гоняет безродный морозный туман.
Звон колокольный, как будто сквозь вату... Сочельник
Тихо спускается с неба в глубокий карман
Заледенелого города. Снежною взвесью
Будет сегодня начертан наш путь в Рождество.
Стали разборчивей слуху колядные песни,
Словно почувствовав со сквозняками родство.
Сумерки ниже, а вверх поднимаются звуки
Первой вечерней молитвы о светлом... И пусть
Губы обветрились, стали шершавыми руки, –
Это не страшно. Всё это – расплата за грусть.
Может быть, нам не бояться и стужу обидеть?
Ведь этот вечер на что-то нам всё-таки дан.
Прочь из квартиры! Мы всё ещё можем увидеть
Свет путеводной звезды сквозь морозный туман.

Танго с тенью

for Vi

Тени так любят огонь костра...
В треске поленьев – слышишь? –
Танго криольо. Тебе, сестра,
Впору объяться бывшим.
Ночью так много в тенях страстей!
Им не присуща мера.
Рваность движений на равность дней
Прожитых множит вера.
Голые ветви небо скребут,
Тянется к звёздам пламя.
Танго и осень тебя спасут,
Освобождая память.
Но если станешь тенью теней,
Вдруг убоявшись страха,
Я не смогу быть ещё сильней.
Вслед стану частью мрака.
Так что танцуй и танцуй, пока
В ритме трещат поленья.
Я точно знаю, в тебе, сестра,
Вера сильнее тени.

Ненужные вещи

Ночью
по тёмным углам собирала
ненужные сны,
как ненужные вещи.
Сны, что остались снами:
невоплотившимися,
несбывшимися
и такими ненужными.
Складываю их друг на друга,

как газеты вчерашние,
или открытки старые, разноцветные
(купленные на всякий случай,
но не отправленные).
И теперь
на антресолях
в коробках,
друг на друге,
друг другу мешая,
ворочаются,
перешёптываясь
друг с другом,
потихоньку
сами себя забывая,
мои немощные сны
о тебе.

Обнажённость

Обнажённость зимы за окном надоедливей снов:
монохромных, пустых и с известным до боли финалом.
Не цепляется память за то, что тебя стало мало.
Ей отраднее помнить холодную кожу снегов.

Ей отраднее помнить изгибы деревьев нагих,
простирающих тонкие ветви к бесчувственным звёздам.
И, когда ты придёшь, то, наверно, уже будет поздно
говорить о любви, возвращая словами долги.

Неприкрытая прелесть зимы не сумеет солгать:
не твоих поцелуев так жаждут холодные губы.
Запечатаю память надёжно прощанием грубым.
Обнажённость стихов – это всё, что могу тебе дать.

О слепоте

Памяти Вирджинии Вульф

Пусть ослепла. Но долго ли, долго ли буду слепой?

Если звуки сильнее, чем плотность моих перепонок.
Если пальцы боятся задеть даже воздух пустой:
в них чувствительность стала такой, что не сможет ребёнок
прикоснуться ко мне, не боясь, заболеть слепотой.

Она колет и жжёт и тревожит пространство рассвета,
наполняя и чрево, и дом голубой пустотой.
И на левом боку между рёбер багровая мета...
Даже если уйдёшь, не посмею окрикнуть: «Постой!»...

А в брусничном желе отпечатался слепок ключей.
Чуть увядшие розы мертвей, чем погасшая лампа.
И в наследной резной бонбоньерке, среди мелочей,
будут нэцкэ из школьных мелков о прозрении плакать.

Я, быть может, прозрею. Пускай не глазами – душой,
и пойму, что любовь в темноте это не обречённость.
Но пока не понять, принимая незрячий покой,
Что защита моя – безупречная незащищённость.

Зимняя вишня

зимняя вишня.
на миг показалось – у льда
тоже есть сердце

НИКОЛАЙ ПОПОВ

Николай Николаевич Попов – поэт, прозаик. Родился 18 сентября 1975 года в городе Усинске. Председатель Усинского литературного объединения «Северная Лира». Главный редактор литературной газеты «Морошка». Автор двух книг «Зеркальная тень», «Детство города». Публиковался в усинских коллективных сборниках, литературных альманахах «Белый бор» и «Перекличка».

Детство города

(Рассказы)

Оле Лукойе

В старой башне, около городских часов, жили Оле Лукойе и его жена Марта. Жить возле часового механизма неудобно, там всегда что-то щёлкает и скрежещет, а потом начинается звон. Но старики Лукойе свыклись с этим шумом и почти не замечали его. Только Марта всегда замирала, когда часы отбивали полночь. И было непонятно, замирала ли она от звона, что разносится на всю округу, или от тревоги, что её муж уйдёт сейчас на работу. К этому времени она готовила ему колбочку сладкого молока и чистила два зонтика. Старый Оле выполнял очень важную работу – он разносил детям сны. Над головами послушных детей он раскрывал зонтик с красочными картинками. И те видели добрую сказку и просыпались в хорошем настроении. А над непослушными детьми, плаксами и хулиганами, Оле открывал зонтик без картинок. Неспокоен был их сон. Чёрен и пуст. Старый Оле всегда расстраивался, когда непослушных детей становилось больше. Ему казалось, что он отбирает у них мечту и веру в чудо. После таких ночей в уголках его добрых усталых глаз блестели слёзы, когда он возвращался домой в шесть часов утра. Добрая Марта понимала его боль, но почти ничего не могла поделать. Такая у её мужа работа.

Часы отбили шесть раз, и Марте стало тревожно. Она знала, что её муж всегда обязателен и точен. За много лет их совместной жизни он ни разу никуда не опоздал. Но когда услышала поворот замка,

успокоилась и достала из печки булочки, налила ароматный кофе. Оле повесил на крючки свои зонтики и снял вязаные носки. Башмаков он не носил, чтоб ненароком их топотом не разбудить детей, которым он показывал сны.

– Ты сегодня припозднился, Оле, – сказала Марта, выставляя угощение на стол.

– Это наши часы спешат на целых три секунды. – Марта услышала в голосе мужа лёгкую горечь и поняла, что ночь прошла неспокойно.

– Значит, скоро придёт часовщик-настройщик, и нам снова надо будет прятать своё жильё, чтобы он ненароком не увидел нас, – сказала Марта и взяла полотенце с кувшином воды.

Оле смыл слёзы горечи, но выражение его лица осталось задумчивым и печальным. Оле присел за стол и уставился на рассветный луч, который перемещался по комнате, следуя за солнцем.

– Что произошло ночью, Оле? – спросила Марта. – Неужели тот же самый мальчишка?

– Сегодня он почти вытащил проволочкой кольцо с витрины. Хорошо, продавщица вовремя вернулась. Пришлось бы мне раскрывать над ним свой чёрный зонтик уже в тюрьме.

– Вот ведь негодник! – поддержала мужа Марта.

– И вот ведь какое дело, – продолжил говорить Оле, – раньше я показывал ему только хорошие сны. Я рисовал ему добрые сказки. Я показывал ему только честных людей. С чистыми благородными сердцами и поступками. Он был самым впечатлительным из моих подопечных. Он раскрашивал мои сны в свои цвета. Понимаешь, в свои! Так бывает редко! – Оле встал и быстро заходил по комнате. – Он хорошо учится в школе и всегда заступается за слабых. Он помогает старшим. Всегда вежлив и опрятен. Что же произошло с ним? Как ты считаешь, Марта?

– Может, что-то случилось в семье? – забеспокоилась Марта.

– Там честная семья! – с жаром ответил Оле. – Небогатая, если не сказать бедная... Но честная! Мама чинит людям одежду, а отец работает плотником на корабельной верфи. А ещё по выходным он подрабатывает грузчиком в порту. Он делает всё, чтобы его сын ни в чём не нуждался. Они за всю свою жизнь ничего не украли, а их сын сначала думал о том, как он украдёт это кольцо, а потом и предпринял попытку его украсть. Горе, представляешь, какое горе и позор упадёт на эту семью, когда он окажется в тюрьме?

– Поешь булочки, Оле, – успокаивая мужа, сказала Марта, – кофе почти остыл. Ты ничего не можешь изменить. Ты рисуешь на душах людей красками снов и сделал для этого мальчика всё, что было в твоих силах.

– Я хочу делать больше, Марта, – запивая булочку кофе, сказал Оле. – О, если бы я мог поговорить с этими детьми. С теми детьми, что грубят, дерутся, плачут и совершают преступления. Я бы им сказал, что ничего в жизни не проходит бесследно. Что, рано или поздно, им выставят счёт за их проделки. Да такой счёт,

который они не смогут оплатить. Это же дети, Марта... Их можно спасти. А затем, когда они вырастут, они не станут плохими людьми, – мечтательно продолжил разговор старый Лукойе. – Они будут жить и работать. Любить свои семьи и рассказывать своим детям только самые хорошие сказки. В этих сказках не будет злодеев. Потому что злодеев не будет в жизни. В этих сказках будут только чудеса и много-много разных миров. Ты видела эти миры, Марта. Они бесконечны и вечны, как души детей. О, если бы я мог поговорить с этим мальчиком – Йенсоном Кристиансоном. Я бы сказал ему, что не смогу показывать ему красочные сны, а от чёрных снов чернеет душа. В ней селятся злоба и зависть. Жадность и трусость оставляют свой отпечаток на лицах людей, к которым не приходят цветные сны. Марта, Марта, как бы я хотел поговорить с этим мальчиком.

– Но ты не можешь, Оле. И знаешь почему...

– Знаю, – ответил старый разносчик снов, укладываясь в постель. – Я очень устал. Я буду спать. Как бы я хотел никогда не раскрывать свой чёрный зонт. Он бы запылился, и его съела моль...

Оле уснул. Марта убрала со стола и подошла к мужу подправить одеяло.

– Бедный, бедный Оле, – тихо пробормотала она. – Ты не можешь говорить с детьми. Тебе запретили. – Она прислушалась к пробуждающемуся городу. – А мне нет! – с дерзкой улыбкой закончила Марта.

Положив в корзину кошелёк с монетами, она стала осторожно спускаться по железной винтовой лестнице. Марта была очень мала ростом. Но как только лестница закончилась, Марта огляделась и в один миг стала обычной старой женщиной. Обыкновенного роста, с обыкновенным чепчиком, в обыкновенном фартуке. В таком виде она ходила на рынок за продуктами для своего Оле, но сегодня у неё были совершенно другие дела. Она пошла к ювелирному магазину.

Йенсон Кристиансон стоял и смотрел сквозь прозрачную витрину на своё кольцо. Сегодня он точно решил его украсть. Он даже придумал небольшой расширитель для того, чтоб сделать щель между витринными стёклами немного побольше. И тогда он точно зацепит кольцо и вытащит его. Но на улице сновали люди. Они торопились на работу. И каждый мог схватить Йенсона во время кражи и отдать полицейскому. Поэтому мальчик ждал подходящего момента. Наконец поток людей схлынул, но только Йенсон пустил в ход свой расширитель, на улице появилась старая женщина. Она шла так медленно, что мальчик закусил губу от нетерпения. Поравнявшись с ним, женщина оступилась, и из её корзины выпал тяжёлый кошелёк. Она, не заметив этого, продолжила свой путь.

– Извините! – подобрав кошелёк, крикнул Йенсон. – Фру, вы обронили...

Он спешно подошёл к старой женщине и протянул ей пропажу.

– Спасибо, – сказала она, внимательно всматриваясь в лицо мальчика. – О, да я тебя знаю! Ты Йенсон Кристиансон.

– А откуда вы меня знаете? – растерялся мальчик.

– Я видела, как ты вчера пытался украсть кольцо из ювелирного магазина. И спросила о тебе твоих соседей. Я очень боялась, что они скажут только плохое, и тогда мне бы пришлось отвести тебя в полицию. Но они говорили о тебе только хорошее. Они говорили о тебе с любовью. Они так любят тебя, Йенсон, что и я полюбила. Поэтому и решила устроить тебе последнюю проверку. Ты честный мальчик. Ты не оставил кошелёк себе. Зачем же ты стараешься украсть это кольцо? Оно не сделает тебя счастливым, если ты получишь его нечестным путём.

Йенсон стоял, опустив голову. По его пунцовым щекам текли слёзы.

– Я не слышу ответа, молодой человек. Я уверена, у тебя есть причина украсть именно это кольцо.

– Оно... Оно... – задыхаясь от стыда и слёз, заговорил Йенсон. – Оно очень нравится моей маме. Когда мы гуляем с ней по этой улице, она всегда им любуется. Вот я и решил во чтобы то ни стало подарить ей это кольцо. У мамы через два месяца день рождения. Я разбил свою копилку, но там было совсем немного денег. И тогда... Тогда я решил...

Он кинулся бежать. Он бежал изо всех сил. Он решил убежать из своего города. Он не сможет жить там, где хотя бы один человек знает о его позоре. Но пробежав два квартала, Йенсон снова увидел перед собой эту старую женщину. Она стояла и насмешливо смотрела на него. Он растерянно подошёл к ней.

– Нельзя убежать от себя, маленький Йенсон, – заговорила она. – Ты можешь переплыть океаны и пересечь пустыни, но всегда в твоей памяти останутся честные поступки и сильные руки твоего отца. Утренний поцелуй и улыбка твоей мамы. Её руки, исколотые портняжной иглой, будут защищать тебя в любом уголке этого мира и всех других миров. Ей не нужно это кольцо. Ей не нужно богатство. Она желает тебе только здоровья. Она хочет, чтобы ты вырос, выучился, получил честную профессию и подарил ей внуков.

Марта смотрела на Йенсона и уже видела, как над ним раскрывается красочный зонт её мужа. Она видела, как этот маленький мальчик вырастет сильным и честным человеком. И он всегда будет мечтать. И делать добрые дела. Только добрые дела. Потому что те, кто видят в детстве цветные сны, видят их до конца своей жизни в этом мире. Это она знала точно. От своего мужа – Оле Лукойе.

– А теперь возьми мою корзину, маленький Йенсон, и пойдём с тобой на рынок. Когда мой муж просыпается, он любит салат из свежей капусты, кусок жареной рыбы и кексы с изюмом. Ты со мной теперь будешь два месяца ходить за продуктами. И таскать мою корзину. На то кольцо ты, может, и не заработаешь, но колечко попроще своей маме купишь. И не забудь напомнить мне про сахар и молоко. Иначе никто из детей сегодня ночью не уснёт. Что-то подсказывает мне, что ты увидишь сегодня необычный сон. Красивый сон. Такой, какой ты никогда не видел. А мой муж придёт с работы с улыбкой.

Отец и сын

Трудно вставать утром. Трудно. Особенно в воскресенье. Особенно зимой. И без дела. Верней, дело-то есть – идти в лес и кормить птиц. Но не хочется. Сон бы досмотреть. В постели бы поваляться. Подумать о своей одиннадцатилетней жизни. Но отец смотрит строго и говорит непреклонно. Уверенно и жёстко. Поэтому Сашке ничего не остаётся, как побурчать для порядка и одеваться. И на лыжи. В лес. С отцом.

Чёрт его дёрнул осенью попросить у отца помощи в изготовлении кормушки. Что трудного? Вырезал дыру в пластиковой пятилитровой бутылке. Прибил к дереву. Всё. Кормушка готова. Большинство одноклассников так и сделали. И получили законные тройки. С отцом же пришлось идти к его другу в столярную мастерскую. Размечать фанеру. Пилить. Вскрывать лаком. Сбивать. И получился целый дом. Не дом даже. Дворец для птиц. Без передней стены. Они даже крышу покрыли оцинковкой. От влаги. Чтоб надолго. Учительница похвалила. Поставила пятёрку. И заказала под шумок отцу десяток снеговых лопат для класса. Потом вышли всем классом в лес. Прикрутили кормушки проволокой к деревьям. Порадовались и забыли. Все. Кроме отца.

В первое же воскресенье был утренний подъём и в лес. Обновлять корм в кормушке. На справедливое возмущение Сашки отец ответил, мол, взялся за дело, так доводи его до конца. Пришлось идти. Чистить кормушку от налетевшей листвы. Сыпать крупу. Пятёрка по труду явно того не стоила. Тем более, что приходилось делать это каждую неделю. Отец тоже ходил. Не лень же ему. Стоял. Контролировал. Улыбался чему-то. Первые две недели зимы Сашка болел, и отец кормил птиц без него. Выпал снег. Ударили морозы. И вот они снова идут в лес. Кормить птиц.

Их ждали. Сидели на ветках. Синицы, снегири, воробьи... Да кто их знает, как они все называются? Сашка очистил кормушку от наметённого снега и щедро насыпал крупу. Отошёл. Подождал. Сначала неуверенно, потом даже бойко и жадно птицы налетели на еду. Расталкивали друг друга. Пришлось очистить кормушки одноклассников и наполнить их тоже. Мешочек опустел. Птицы клевали. Сашка подошёл к отцу и предложил отдать птицам свою еду, что они взяли с собой. Отец без лишних слов достал из рюкзачка бутерброды. Аккуратно, стараясь не проронить ни крошки, Сашка раскрошил хлеб. Сыр наломал маленькими кусочками, смешал с хлебом, и эту смесь рассыпал по кормушкам. Птицы уже не боялись присутствия человека. Чувствовали, что этот мальчик пришёл к ним с добром. И Сашка вдруг ощутил, что делает нечто важное. Значимое. Настоящее. Наблюдая их голодную возню, подумал, как было бы хорошо накормить всех, кто голоден. Не только птиц. Вообще всех. Слёзы выступили на глазах. Сказал отцу о своих мыслях. Тот помолчал. И ответил серьёзно, мол, дело не в тех, кого ты не сможешь

накормить, а в тех, кому ты помог. Сегодня. Сейчас. И неважно, что всех не накормишь. А важно то, что ты делаешь это. Именно делаешь. Не болтаешь попусту, а действуешь.

Обратно шли молча. Сашка молчал. Думал. И дал себе обещание – каждое воскресенье ходить в лес. Кормить птиц. Всегда.

На вокзале отец провожал в армию сына. Сашку. Стояли с его матерью в сторонке и наблюдали, как тот прощается с друзьями и девушкой. Хороший парень вырос. Сильный. Настоящий. От института отказался. Знает, что не смогут они с матерью его обучить. Не хватит денег. Потом, мол, пойду учиться. После армии. Заочно. И девчонку выбрал себе хорошую. Она такая... Светлая. Добрая. Но и характер чувствуется. Она дождётся!

Последние прощания. Обнял мать. Пожал руку отцу. Поцеловал девчонку. Поезд тронулся. Мелькнуло в морозном окне лицо сына. Мать прижалась к груди отца. Всхлипнула. Ничего. Всё будет хорошо. Сильного мы парня воспитали. Не пропадёт. Он уже знает, для чего мужчины на земле. Для побед. Для уверенности в завтрашнем дне. Для защиты. Он уже знает, что такое ответственность. Слово. И дело, что стоит за этим словом.

Вдохновение

Слова. На ходу. Мимоходом. Пустые, бездушные, штампованные. Говорим, говорим, говорим. Подозреваем ложь. Чувствуем подтекст. Сомневаемся. Страдаем. Плачем. Во всём виновато слово. Бьёт рекламным слоганом. Цепляется своей помощницей-музыкой. Очистить бы... Убрать междустрочия. Слово рождается трудно. Чего бы проще. Не мешки ворочать. Но открывается форточка, словно там за снежной пеленой что-то нашепчут звёзды. И сознание отпускается в бесконечность. Что там? Там может быть тоже холодно. И люди в комнате. Но одиночество. Всегда. И только когда мысль возвратится с чем-то чистым, ещё, может, необдуманным, на страницы падают чёрные символы... Тоже слова. Вроде прошло. Пальцы начинают слушаться. Обдумываешь. Чистишь. Льётся вода. Лишняя. Грязная. И остаётся три слова. А, кажется, прожита жизнь. Но поток не остановить. И чёрные символы вцепляются в белую суть. И это надо. Выплёскивать из себя слова. Чтобы читали. Будить словом чувства. Выдернуть из скучной действительности. И взять в помощницы музыку.

И тогда. Только тогда... Когда таинство закончится, подойдёт кто-то важный. Может быть, маленький и милый. И ему, только ему говорятся слова. Те самые –

чистые, без подтекста, без идеологии, без желания продать. Свет в этом слове и истина, недостижимая, загадочная, почти мифическая, простая. Убрать разум. Говорить тишиной и сердцем. Только так. Так.

Реквием ветреных листьев

Оксане Манаховой

Как это было давно. Мозолистые руки грубых мужчин пронесли Рояль по коридорам деревенской школы и оставили в музыкальном классе. Он чувствовал себя обманщиком. Он фальшивил. Но пришёл настройщик и создал в Его душе гармонию. А потом пришла Она. Пианистка. Подняла крышку. Установила ноты. Легко коснулась Его клавиш. И заиграла. Это был Шопен. Осенний вальс. Ветер кружил жёлтые листья за окном в такт музыке. А в проёме двери собрались преподаватели и дети. Но они никого не замечали. Пианистка, Рояль и мелодия ветреных листьев.

Что-то менялось. Рояль чувствовал перемены своей тонко настроенной душой. У Пианистки появилась тревожная складка меж бровей. И детей на урок приходило всё меньше. Концертный зал встречал их гулкой акустикой. Что-то менялось. Было страшно.

И вот этот день пришёл. Суета в классах. Вещи. Напряжённые лица преподавателей. Немузыкальный рокот отъезжающих машин. Пианистка о чём-то убеждает директора школы. Директор отвечает понимающе, но твёрдо. Что-то обещает. Пианистка обречённо садится на стул возле Рояля. И по памяти, без нот, играет осенний вальс. Но сейчас это не кажется весёлым танцем листвы. Это прощание. Прощание с умирающей деревней.

Каждое первое сентября Рояль ждал. Ждал маленького озорника, что украдкой ударит по Его рассохшимся клавишам и весело убежит по коридору. Но больше всего Он ждал Её. Пианистку. Но никто не приходил. Сквозь Его тело проросло дерево. И утреннее солнце расправляло Его ветви. Рвались струны. Звонко и больно. Исполнялся реквием. Реквием ветреных листьев.

Воспоминания лета

Летом хочется в лес... Есть такое летом желание – побыть одному... Недолгое одиночество. Тогда не нужен водитель с машиной. Одиночество не получится. Чем дальше водитель от машины, тем больше нервничает. Корёжит его, видите ли, от того, что машина на обочине, и каждый может её обидеть. А он далеко. И защитить её не сможет... Нет, лучше одному. В ближний лесок. За морошкой. В детские, возможно, одному тебе известные места. И отключить телефон. Одиночество так одиночество.

Запах багульника успокаивает. Не надо торопиться. Никуда. И ягоды не нужны. Пособирать в охотку и отдать соседке. Ей пенсии не хватает, она и приторговывает. Ягоды, грибы. С утра спешит в лес. Жалко её. Спина не разгибается, но жить на что-то надо. Зимой продаёт книги, вязаные перчатки и носки. Сильная и гордая женщина. Ещё и внукам помогает.

Вот оно – то место. Из детства. Сверху идут провода ЛЭП, а под ними морошки видимо-невидимо. Как это связано – непонятно, но только выходишь из-под проводов на метр, и ягода пропадает. Первую горсть волевым жестом в ведро. Вторую – бесхарактерно в рот. Тоже как в детстве. Ягоды стучат о дно ведра. Стук прекращается. Значит, начало положено. Впереди долгий день. И воспоминания... Так ведь уже было. Когда же? В августе перед школой. Два дня в лесу. Только ягода была другая. Брусника. Собирать тяжело и долго. Но тогда стояла определённая цель. Букет цветов для Неё. Для Той, которую так ждал. С каникул.

Постоянно попадаются грибы. Искушают. Напрашиваются, чтоб срезал. Нарядные. В красных шапках. Это так всегда. Придёшь за грибами – так не увидишь. Спрячутся в мох и листья. А тут осмелели. Понимают, что не за ними сегодня.

Так вот каникулы... Разлука. Невозможность смотреть на Неё украдкой во время урока. А ещё и уехала в середине мая. Отличница. Отпустили. Не понимают в школе, что для кого-то Её отъезд – горе....

Армейский дембельский китель стал лесной одеждой. В нём со старых времён лежит нераспечатанная пачка сигарет. Обещал жене, что брошу курить, если родит второго мальчика. Младшему уже десять. Десять! В голове не укладывается... И так захотелось затянуться. Наполнить дымом лёгкие. И выпустить его через нос. Потрогал пачку в нагрудном кармане. Вспомнил про сына. Ухмыльнулся своей слабости. Сорвал травинку. Сжал зубами. И снова сочная морошка сыплется в ведро. Мужское слово обратного хода не имеет.

Украл с доски почёта в школе Её фотографию. Спрятал под матрац. Ночами изучал любимое лицо. До последней, едва видной веснушки его изучил. Стоял под окнами. И точно знал, что нет Её в городе, а привычка здесь стоять осталась... И в холод. И в дождь... Продал бруснику. Было стыдно. Как будто не пластался два дня в лесу, а украл. Купил букет. Нёс его тайком в пакете до дому и спрятал в ящике

из-под картошки. Утром первого сентября получил букет от мамы для учительницы, а второй взял для Неё. А Она... Она стала ещё красивей. Похудела. Вытянулась. Белые передник и воротничок формы подчёркивали морской загар. Болтает с подругами. Смеются. И на полсекунды сталкивается со мной взглядом. И я подхожу. И протягиваю букет. Пять гвоздик. Девчонки в Её окружении прыснули со смеху. Одноклассники ухмыльнулись. А Она взяла. Просто. И поблагодарила глазами.

Хорошо вспоминать. Ведро уже полное. И захотелось домой. Желание одиночества удовлетворено. Зашёл к соседке. Силком заставил принять ягоды. Хорошая она. Парней наших накормит, когда мы на работе. И на жизнь не жалится, как многие в её возрасте... Хорошая. Жена вышла встречать. Спросила про ягоды. Рассказал. Кивнула понимающе глазами. Поцеловала. И ушла на кухню разогревать еду. Всё такая же стройная, как тогда, первого сентября. Сколько же лет прошло?.. Нам было по одиннадцать... Почти тридцать лет. И когда мы стали измерять жизнь десятилетиями?

Неизбежность

А ведь почти к каждому когда-то придёт доктор. Всезнающий. В белом халате. Со стетоскопом. И скажет: «Всё – жизнь подошла к концу». А ты будешь смотреть на него и искать взглядом кармашек, где лежит знаменитая таблетка от всех болезней. А когда не найдёшь, то с претензией выскажешься, мол, где вы раньше были, доктор. А доктор в ответ, мол, рядышком был и предупреждал: «Не кури, не пей, и не ешь так много». На языке врачей это называется «профилактика».

А страна такая, что к каждому может прийти полицейский. Строгий. С пистолетом. В синей форме. И попросит собираться. И по-доброму посоветует взять тёплые вещи. А ты потребуешь оснований, «ордер», как раньше говорили, и объяснений. Первое прочитаешь, второе не получишь. И пойдёшь складывать вещи. Почти у всех есть повод, чтобы пришёл полицейский.

А страна опять же такая, что утром может разбудить дворник. Стукнет тебя ручкой метлы возле мусоросборника. Закричит. Скорее всего, матом. И ты будешь протирать глаза, виновато улыбаясь. А она, дворник, вдруг расплачется, и вынесет гречневую кашу с мясом и постиранные мужнины вещи. Накормит, за жизнь твою подвальную послушает, и поплачет по-бабьи.

И к каждому прилетит ангел. Добрый. С умными глазами. Возьмёт за руку, и вы полетите на небо. А это значит... Значит, доктор к вам уже приходил.

Детство города

Мы идём. Наши первые шаги слабы и неуверенны. Под умильные рожицы мам и подруг, головкой вперёд, под отцовским ободряющим взглядом. Мы идём. Диван – цель. Не с первой попытки, стукаясь и заплетаясь. Мы идём. Запоминая и учась. Чувствуя – так будет всегда. Привыкая к неудачам. Идём.

Снега много, тропинка одна. Один. Первый раз. Обалдев от самостоятельности. Труся от ответственности за себя. Надеясь, что безумные дядьки со шрамами и без пойдут другой дорогой. С верой в добрых милиционеров и в счастливые окончания. Просто с верой. Переходишь дорогу как положено. Налево, направо. Молодой чумазый шофёр (тогда водителя называли так) остановил грузовик, пропуская, и неожиданно улыбнулся через такое же чумазое стекло. И прохожие тоже улыбались, как будто зная, что ты идёшь, первый раз один. В детский сад.

Учились читать. Конечно, по азбуке. А дальше по вывескам магазинов и, главное, лозунгам. С тех пор в конце всегда хотелось поставить восторженно-призывающий восклицательный знак, а не скучную точку. Слова будоражили воображение. Горели белым на красном фоне. Объясняли, кто рулевой. И чего надо больше. И про мир, труд, май. И сложно... Про единство и обязательства. Тогда малый разум не понимал, что единство помогает обязательствам. И серые дома обретают форму, потому что есть рулевой. Потому что труд. И самое главное мир. Неожиданно читаешь: «Зинка дура. 8 г класс». Кто она? Почему надпись никуда не зовёт? Кто написал? Это весь класс постановил такое про Зинку? Через тридцать лет лозунги из последних сил вылезают, напоминая о том, чего до сих пор надо больше родине. А Зинка всё равно дура. Надпись и ныне там.

Границы. Они нужны. Даже будущим людям – детям. Всё должно иметь окончание. Бесконечность космоса немного сводит с ума. Здесь твоё, там чужое. Здесь твоя «Фантазия», там чужая и враждебная «Романтика». Граница – дорога. За неё только со взрослыми. Но хочется. Но опасно. Поэтому идёт война. Пока детская. Через дорогу летят ледышки и матерные слова. Мы, маленькие, пополняем свой лексикон и сами уже кидаем взрослые фразы через дорогу, наслаждаясь смелостью. Радуясь своей территориальной принадлежности. Ледышки стали опасны. Кому-то, на той стороне, попали в лицо. Перемирие. Наших старших командиров закрыли дома. Где они изобрели новое оружие – яйца. Поэтому мы, младшие, вскоре подаём старшим белые снаряды. Учимся воевать. От провокации до действия. Нападая, когда их мало, отступая, когда мало нас. Учимся. Всегда будут свои и будут враги. Всегда.

Барак-сугроб. С чёрной полоской вдоль стены. Торчат только трубы, верхушки верб и антенны. Под сугробом жизнь. Свадьбы всем миром. Песни про комсомольцев-добровольцев. Конечно, драки. Но на улице. И лежачего не бьют. С обязательными разнимающими-секундантами. Дети все общие. Накормят в любой комнате.

Бутерброд с маслом и сахаром – вершина кондитерского искусства. Как мало надо. Всего один коммунизм на всех. И вера, что так будет. Потому что уже начинается.

Размеры поражают. Всегда. Огромная страна. Много стран. Огромный мир. Всё предстоит открыть и осмыслить. Но это впереди. Детский сад проводил четверостишием:

Иди всегда вперёд, малыш,
Учись, трудись, расти!
Перед тобою в жизни
Открыты все пути!

Жизнеутверждающе, но страшно. Пути открыты, но идти самому. Хорошо, что есть мама. Подскажет, хотя пока не видно. Больше сама ждёт. Талантов что ли от шестилетнего ребёнка. Нарисовал машину. Колёса овальные. Обсмеяла одними глазами. Следующий рисунок не несёшь. Украл у одногруппника. Показал. Восторг. Обман открылся. Воровать нехорошо. Думаешь, что секунды радости в её глазах того стоят. Нет, разочарована. Чуть обижена. Ничего не говорит. Всё в глазах. Очень неудобно. Больше не буду. И слёзы. Простила.

Двор обрушился размерами. Громадный. Бетонный. Стройки вокруг. Все въезжают. Вещи, вещи, вещи. А лифт ещё не работает. Плиты дорожные наскоро. Песок и обломки бетона. В песке возится мальчик. Будущий одноклассник. Крутит шестерёнку на проволоке. Интересно. Попросил поиграть. Что-то не поделили. Может, двор. Может, шестерёнку. Удар. Взрослый, со вспышкой в голове. Слёзы. Больше от обиды. Не к маме же бежать. Папа. Разбирайся сам. Какой жестокий мир. Всё. Значит, не встанут полки красноармейцев на защиту, пилоты не поднимут истребители, а мудрый милиционер не арестует обидчика. Ты один. Против дома, двора, страны, планеты. Ты сам. И ещё не знаешь, чем будет этот двор для тебя. Началом малой родины. Здесь будешь стрелять из рогатки и жечь дымовухи. Ездить на велосипеде и дружить. Заработаешь первые деньги – и совершишь первое преступление. Которое не будет таковым, потому что никто не узнает. Будешь оберегать его границы, драться за них, и чаще будешь бит. Но научишься вставать. Всегда. Здесь ты будешь изображать мушкетёров, Брюса Ли и бандитов из «Места встречи...». И именно здесь живёт твоя первая любовь, что выкинет с трудом купленный букет в урну. Потому что стыдно. Стыдно любить. Идти под ручку. И вообще идти с мальчиком. Ей первые стихи. От неё же первое предательство. Но ты уже умеешь. Вставать. Держать удар. Всегда.

Из этого двора уйдёшь в армию. Попадёшь на войну. И мама с соседями будут ждать. И мама седая. А страна уже другая. И город – то нищий, то богатый. И реклама вместо лозунгов. И снова лозунги.

Всё будет. Всё впереди. Дети свои. Работа своя. И сыну так же, как папа тебе – разбирайся сам. Останутся вопросы. Много. Один из них. Кто такая Зинка? И почему дура?

«Так приходило вдохновенье...»

(Стихи)

ЕВГЕНИЯ АРКУШИНА

Евгения Эдуардовна Аркушина, поэт, родилась в Уфе. Живёт в Усинске с 1983 года. Участник Усинского литературного объединения «Северная Лира». Автор трёх поэтических сборников. Произведения Е. Аркушиной публиковались в коллективных сборниках, как городских, так и в республиканском – «Белый бор». Несколько рассказов издано в периодической печати Израиля. Более 600 песен на стихи написано композиторами из России, Германии, Украины, Латвии, Израиля, США. Евгения является постоянным участником республиканского поэтического марафона. Сама организует и проводит ежегодные тематические литературные встречи «Памяти В. С. Высоцкого», «Сезоны любви».

Десять

Вы в памяти моей не прижились,
Не дай Вам Бог прижиться там однажды.
Прошу понять: я старше Вас на жизнь,
На десять дней ли лет – не так уж важно,

На десять половодий, десять вьюг
Я старше, хоть нисколько не старее.
Я не хочу копить число разлук,
Ведь с каждой жизнью вьюги только злее.

А с Вами так забавно говорить,
В несовпаденьях мыслью разбредаться,
Я знаю: Вам даровано любить,
Пылать и падать, снова подниматься

На десять откровений, десять скал,
Одерживать победы на дуэлях,
И десять раз взойти на пьедестал,
И десять раз иной добиться цели.

Опять весна, и реки разлились,
По ним грести – опасная затея.
Прошу понять: я старше Вас на жизнь,
Но лодка Ваша, Вам и править ею...

Белая река

...Я в дальних странствиях своих
Приду на берег белой речки
И посмотрю на волн колечки,
К своей руке примерю их.

Ах, где мой лодочник, впусти
И увези вдоль по теченью,
Чтоб поскорей придать значенье
Такому долгому пути.

А берега стоят в плену
Чужих путей и откровений,
Чьего-то счастья и сомнений,
Но мы найдём свою волну,

Которой нет ни у кого,
Что нам дарована судьбою.
Ах, милый лодочник, с тобою
Река несёт меня легко.

Вздыхает белая река,
Заводит нас в свои хоромы.
Всё дальше, дальше я от дома,
Всё ближе, ближе – облака.

Но вот колец мне не снести,
Оставлю в лодке их как память,
Мне больше нечего оставить,
Мне дальше посуху идти...

Вдохновение

...Из бездны жёлтого цветка,
Из лунных безграничных мыслей,
Легко брала его рука
На кисть живые краски жизни.

Пылали щедрые мазки,
Всё завораживая сразу...
Её глаза, их родники –
Нет, не заметил он ни разу.

Но силуэт её он знал
До чёрточки, до откровенья.
Была полна его казна
В рисунках счастьем светотени.

И белых рук живой восторг,
И тонкой талии загадку –
Он это рисовал, как бог:
Изящно, бережно и сладко...

Но поутру она ушла,
Пусть с ним осталась на бумаге.
Нет, за собою не звала,
Нет, не вывешивала флаги.

А бездна жёлтого цветка,
Оставленного на рояле,
Ещё жила в его мазках,
Что стали нужными едва ли.

А родники любимых глаз,
Любимых – это непреложно,
Роняли синь свою сейчас
По памяти, что невозможно.

Слегка похожие на воск,
Запутывались светотени.
Он понимал, что всё всерьёз –
Так приходило вдохновенье...

У озера

Озёрный дол изысканно дремуч,
Вода – не отражающая света,
Но отблески грядущего рассвета
Закрались и в сокровищницу туч.

У озера на камушке сижу,
Иль жду кого, или о ком печалюсь,
И чем-то дорожу, и в чём-то каюсь,
Но от воды я глаз не отвожу,

А за спиной – случайный шорох трав,
Тропинка не отыскана доныне,
А озеро – как гладкая святыня,
Снимает боль, воды не расплескав.

Ах, если б небу промельк голубой,
И лебеди на озеро слетели,
Они бы пожалеть меня сумели
И, может быть, позвали за собой...

И камушек уже от слёз горюч,
Но некому мне высказать секрета:
Как в отблесках грядущего рассвета
Озёрный дол изысканно дремуч...

Вы жили до меня

Вы жили до меня, не ведая иного
Касания руки, мерцания свечи.
Вы жили до меня, храня в молчанье слово,
Что только лишь при мне иначе зазвучит.

Вы жили до меня, для Вас вставало утро,
В оттенках пустоты укрыв слепую мысль.
Вы жили до меня в неверные минуты,
Которые для Вас чуть в вечность не слились.

Вы жили до меня под звуки флейты ночи,
Не ведая иных пылающих ночей.
Вы жили до меня, как будто между прочим
И не храня огня для будущих свечей.

Вы жили до меня без боли и удачи,
Но, как художник, Вы мечтали обо мне.
Вы жили до меня, и что же будет дальше,
Вдруг я – лишь силуэт в мерцающем окне?..

Вы жили до меня, но кто же нас осудит,
Коль нынче изменить реальность суждено?
Вы жили до меня, пусть будет то, что будет.
Но будет только так, иного не дано...

В осеннем саду

Ты лишь подумаешь, я уже вижу –
В листьях осенних заброшенный сад.
Он всё желанней, светлее и ближе,
Он всё острее во всём виноват...

Ты лишь подумаешь, я уже знаю
Место своё в лебедином строю.
Осенью вместе с тобою взлетаю,
Только всё реже о том говорю...

Ты лишь подумаешь, я уже верю
В то, что летим мы у всех на виду...
Вместе с тобою считаю потери
Листьев зелёных в осеннем саду...

Ты лишь подумаешь, я уже таю
Маленькой звёздочкой в старом пруду.
Но всё равно я с тобою летаю
В нашем прекрасном осеннем саду...

«Живи – под солнцем или снегом...»

(Стихи)

* * *

Лодка мчится, в сумке пусто,
Тянет снегом и травой.
В мае холодно и грустно,
Что хоть Моррой в небо вой.

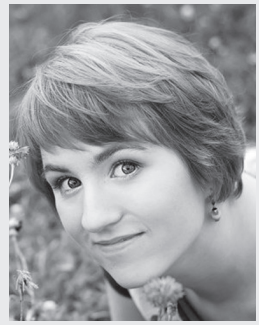
Речка пляшет, лодка мчится,
Шляпа падает на лоб.
Путь, в котором всё случится,
Не нужней ли, чем итог?

Жизни мало, мира мало,
На добро или на зло.
Пью дешёвое какао,
Возвращаюсь за весло.

Пусть ревёт напрасным эхом
Одиночество навзрыд.
Я почти уже уехал,
Но не значит, что забыт.

Я того, что злит и гложет,
Стану выше и сильней!
Быть важней ничто не может
Ни дороги, ни друзей.

Лодка мчится, небо блёкло,
Знаю шляпой и душой:
В Мумми-доле светят окна,
В Мумми-доле хорошо.



ДАРЬЯ ФИЛИТОВА

Дарья Андреевна Филитова. Поэт. Родилась в 2000 году. С 2006 года проживает в городе Усинске. Творческой деятельностью занимается с 2012 года. В этом же году стала участницей литературного объединения «Северная Лира». Была отмечена в республиканском конкурсе «Новые имена»; получила премию главы Усинска «Успех» в номинации «Проба Пера»; печаталась в альманахах «Белый Бор» и «Перекличка», журнале «Литературная гостиная»; регулярно публикуется в литературной газете «Морошка», периодически в газетах «Наш новый Север» и «Усинская новь»; была участницей республиканского литературного семинара (г. Сыктывкар) в 2015 году, республиканского литературного марафона (г. Сыктывкар) в 2016 году, форума молодых писателей России (г. Москва) в 2017 году.

* * *

Я зубрил тебя наизусть, как стихи Бодлера.
Я писал тебя, как да Винчи – с полуулыбкой.
Я, как Понтий Пилат, искал лишь любви и веры,
И, наверное, это стало моей ошибкой.
Я играл тебе Моцарта, Баха, по средам – Глинку.
Я цитировал Ницше, водил тебя на премьеры,
Колыхал в чашках чай, рассматривая чаинки
И любуясь тобой украдкою, как Венерой.

Ты смеялась под Квин и Битлз,
Копалась в байках,
Мандельштама листала мельком, хлебала кофе.
Говорила: «Будь проще, пупсик, любовь не в лайках,
Хватит постить цитатки в сторис, сейчас не осень».

Ну, вот что сказать об эдакой катастрофе?

Ты ушла от меня до второго акта Шекспира,
На вопрос о причине плечами пожав философски.

Ты ушла. Ты ушла, моя муза, любовь и лира.

Разбивая
любовь
на строчки,
как
Маяковский.

* * *

Слушай вечно шум прибоя,
Мой нежданный сонный гость.
Небо тусклой синевою
Развернулось, разлилось.

Слушай вечно крики чаек,
Слушай, как и я пою.
Не тебя я привечаю,
Не тебе благоволю,

Не тебе, мой гость незваный,
Сердце я своё отдам,
Не тебе шепну «желанный»,
Не к твоим прильну губам.

Чайки песне хрипло вторят,
Небо стало серебром.
Слушай вечно шум прибоя,
Засыпай на дне морском.

* * *

Лиса-лисица,
Тебе не спится?
Огненные пряди
В твоём взгляде,
Как зарницы.
Снег кружится,
На землю ложится.
Лишь ты – как всполох
Сквозь зимний ворох
Того, что мнится.
Над снегом – звёзды,
Под ним – морозы
И травы дремлют
И греют землю.
А ты... замёрзла?
Уже темнеет.
Скорей, скорее
Ныряй мне в сердце,
Чтоб в нём согреться.
Теперь теплее?

* * *

И какую из звёзд загадать тебе,
Если ночь звездопада нынче?
Поищи ответа в моей судьбе –
Всё равно его не отыщешь.
Ничего больше нет, кроме нас двоих:
Мир темнеет, и меркнут лица.
Я глотаю жемчужины слёз твоих
И никак
Не могу
Напиться.

* * *

Мы не всегда уходим вместе
И не всегда одной дорогой.
Зови – дыханьем, криком, песней,
Но – оставайся у порога.
Пусть будет горько в той разлуке!
И никуда нельзя ведь деться:
Разлуки ледяные руки
На части рвут живое сердце.
Живи – под солнцем или снегом.
Сдержи печаль. Уход – не точка.
Горит фиалковое небо
В груди горячим огонёчком,
Воспоминаньем и предвестьем,
Даря надежду, веру, смелость...
Мы не всегда уходим вместе,
Как бы того нам ни хотелось.

* * *

Моя смелость кончается у твоего виска.
Ничего не случается. Мир остаётся прежним.
Ни ладонь протянуть, ни коснуться твоей одежды.
Надоело уже благосклонность твою искать.

Море волнуется раз-два-три...
Замри.

Ничего не случается. Всё ещё ничего.
Я не смею вдохнуть, никого это не волнует.
Запечатаны губы несбывшимся поцелуем,
Стать которому настоящим не суждено.

Замри.

Ничего не должно случиться. Не хватит лжи
Оправдаться. Твой образ тонет в глухой рутине...
Я запуталась в своей собственной паутине,
раскрошилась в кашицу.
И всё кажется... кажется, мне без тебя не жить.

Только внутренний голос шепчет,
что мне
не кажется.

ЕВГЕНИЯ ЛЯСКОВСКАЯ

Евгения Михайловна Лясковская родилась в 1979 году. Живёт в Усинске. Окончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Получив диплом, была принята в штат нового еженедельного издания «Северные ведомости», где работала главным редактором и его заместителем до 2011 года. В настоящее время работает заместителем генерального директора по связям с общественностью ООО «ЛУКОЙЛ-Коми». Публиковалась в газете «Усинская новь», в сборниках «Я вам расскажу о самом сокровенном», «Пять миллионов минут».

А вы помните?

(из цикла зарисовок «Мысли вслух»)

Я – мама

Насыщенная командировка. Я устала и соскучилась по своим мужчинам (так называю супруга и сына). Дорога домой. Наконец, появилась сеть, мобильный чирикнул смс-сообщением, и коллеги изумлённо смотрели, как я принялась целовать экран гаджета. Они не знали, что на нём высветилось: «Мама, ты самая красивая на всём белом свете. С днём матери, мама!»

Я представила, как восьмилетний Добрыня не смог дозвониться и своим детским пальчиком набирал это сообщение. Как придумывал слова, которые обязательно должны понравиться адресату. Как ждал, что ему ответит постоянно работающая мама. То есть я. Я – мама...

Хороший праздник – День матери. Последнее воскресенье ноября – это маленькое Восьмое марта. Только сакральное, что ли, тёплое и более интимное. В весенний день всех дам от мала до велика поздравляют мужчины – мужья, родственники, друзья, поклонники. Проходящие мимо подвыпившие рыцари, определив в тебе гендерное отличие, будут долго выкрикивать вслед пожелания счастья и красоты. А в День матери не станут этого делать, даже если у идущей по улице дамы с трудом сходится пальто на восьмимесячном животе, а в каждой руке зажата детская ладошка. Постесняются. Или даже не вспомнят. Поздравят только самые близкие мужчины – муж, отец, брат, сын, отец... И другие мамы, вне зависимости от родства. Потому что одни тебя ценят за выполнение важнейшей женской миссии, а другие знают, что такое быть мамой...

Хотя, вспомнила исключение, лет десять назад, когда у меня ещё не было сына, прохожий с признаками затяжного веселья на лице и теле хрипло крикнул мне: «С праздником, мать!» И, по Станиславскому выдержав паузу, дополнил короткий спич просьбой: «Добавь червонец в честь праздника. Э, ну куда пошла? Ну, какая ж ты мать, в беде человека оставляешь!»

Кто-то очень правильно придумал, что этот день всегда выпадает на воскресенье. Тогда уж точно занятые современные мамы не пойдут на работу, а весь день посвятят совместной со своим чадом готовке пирога, прогулке до сосулек на носу, чтению любимой книги... потому что именно этого не хватает в будни. И ты казнишь себя за то, что так ответственно относишься к делу, которое приносит тебе некий доход, и от этого так небрежно – ко времени, которое можешь провести со своим ребёнком. Но вспоминаешь прочитанные когда-то в женском бизнес-журнале оправдательные слова Железной Леди: «Не важно, сколько времени ты проводишь со своим ребёнком. Важно – как», и становится легче. И ты, да простит меня руководитель, выкраиваешь минуту между совещаниями, чтобы написать своему ребёнку смс «Я тебя люблю!», и звонишь ему на ходу, чтобы убедиться, что всё у него хорошо. А за ту пару часов перед сном, которые ты можешь провести со своим малышом, проживаешь всю жизнь и потом целуешь его, заснувшего, в такую непокорную макушку, которая, мне так кажется, до его глубокой старости будет пахнуть младенцем...

А может, и хорошо, что мамы много работают. Может, именно этим они подают своим чадам пример целеустремлённости и стойкости. Учат многое успевать и всегда быть в тонусе. Ведь в теории этому не научишься. Может, именно это сближает мать и ребёнка, а не наоборот? Накануне Дня матери в магазине увидела девочку лет пяти. Из кармана розового аккуратного пуховичка кроха достала такой же розовый девичий кошелёк, высыпала на прилавок его содержимое – 50 рублей и 10 копеек.

– Завтра у мамочки праздник, а она работает. Я хочу ей сделать приятное. Помогите мне что-нибудь купить.

Растроганный продавец вручила малышке бисквитный рулет, та прижала его к груди и, счастливая, вышла. Очередь почти рыдала...

...Я перечитывала смс сына и думала, знает ли он, что значит для меня. Что это он на всём белом свете – самый дорогой для меня человек. Что он и есть весь этот белый свет. Знает ли, что, когда я мажу его разбитую коленку зелёнкой, моя фраза «Ничего страшного» равна двадцати переломам и трём инфарктам. Что, холодно отчитывая его за проступки, я мысленно потом отчитываю себя за это. Что его детская влюблённость – моя личная влюблённость и моя персональная трагедия... и что бы он ни натворил, я, целуя его спящего, шепчу ему: «Спасибо, что ты мой сын. Что я – мама».

Общество анонимных одноклассников или «Вызов принят!»

Развитие системы Web 2.0 и победное шествие по миру социальных сетей. Кухонные споры, форумы, семинары и целые научные труды распирает от непримиримых аргументов в пользу важности или вреда такого стремительного и неудержимого явления действительности. Приучать ребёнка к горшку с помощью фейсбука и инстаграма или оградить его от всех этих прелестей – размышляют родители. Некоторые всерьёз говорят о необходимости лечиться от web 2.0-зависимости. В «Обществе анонимных одноклассников», наверное... (кстати, неплохой может выйти start-up).

Я всегда была в стороне от этих истерик. Просто получала от благ цивилизации то, что мне нужно. Иногда сердилась, что просмотр сети ворует несколько часов у ночного сна. Иногда ликовала, получая важную информацию на секунду раньше, чем другие. Иногда недоумевала, какой смысл в распухании ленты фотографиями лица, накрашенного наполовину, мамочек в процессе кормления грудью и прочими акциями, флешмобами...

Но одной из них поддалась и я. Когда лента большинства социальных сетей стала чёрно-белой. Поставила лайк под трогательным фото подруги: девочка с большим бантом и ещё большим плюшевым медведем. Пухлые щёки, беззаботная улыбка, демонстрирующая отсутствие двух верхних резцов. И счастливые глаза. «Вызов принят» – странный комментарий к снимку. Я рассматривала каждый штрих на некачественном, чуть мутном фото и думала: почти 30 лет назад мы с ней играли в необустроенном дворе молодого города. В дочки-матери. Но чаще – в войнушку с ребятами. Нас брали на роль санитарок, и помню, как мы старательно тащили по грязи «раненого» Дениса, в которого обе были влюблены. Такой трогательной любовью, от которой почему-то жгло в районе желудка. Как мы переживали обе, что Дениске влетит от матери за сурово испачканное пальто. И, о ужас, его не отпустят больше с нами во двор. Но его отпускали. Нас всегда отпускали. Я смотрела в её глаза на фото и была счастлива от того, что когда-то в них не было боли, которая есть сейчас. Не было ужаса и излишней женской силы.

Я судорожно стала искать и свои детские снимки, чтобы тоже крикнуть на весь web 2.0 «Вызов принят!». И внезапно вспомнила об одном. Я взяла его у мамы, пересматривая как-то семейный альбом у неё в гостях. Хотела отсканировать и повесить на стену. Руки не дошли. Руки до всего доходят, кроме самого трепетного, нежного и дорогого. Так и лежит в бумажном конверте, кочуя из книги в книгу, которую я читаю. По-моему, это 83-й или 84-й год. Мы с сестрой и обнимающий нас папа. Один из самых любимых мужчин в моей жизни. Недосягаемый. Идеальный. Родной. Папа. Его не стало в 92-м. И жизнь продолжилась без него. Иногда

думаю, какой бы я стала, будь он рядом... сильный, честный, справедливый. Ругающий меня, наставляющий, переживающий и бесконечно любящий. Папа. Его нет уже 24 года. Мне 37. У меня муж и сын. А мне до сих пор не хватает обнимающей меня его сильной руки. Именно его руки...

Да, вызов принят. Вызов памяти. Чувств. Нежности. Сколько людей, поддавшись такому полезному спаму, пришли в гости к родителям и за чаем пересмотрели все альбомы. Потому что вызов очень хочется принять, а хранят снимки мамы и папы. Сколько вспомнили трогательные моменты, сколько – помирились, поняли, простили. Да просто поговорили. Не о работе. Не об ипотеке. О семье. И, главное, позвонили, вспомнили, встретились. За каждым снимком в ленте – история. Счастье. Радость. Даже боль. Не это важно. Важно, что этот вызов разбудил в нас эмоции, память. Человека, а не робота.

Как странно, неживая система, тот самый робот, а разбудил что-то осмысленное и глубокое... Web 2.0, спасибо за человечность.

P. S. Если понравилось, ставь лайк. И да, пора в «Общество анонимных одноклассников».

Под горячей коркой хлеба

На выходных решила побыть хозяюшкой и испечь хлеб. Вспомнила старый бабушкин рецепт, купила ржаной муки по случаю, расчехлила весы и, выверяя вес каждого ингредиента, принялась колдовать на кухне. Скоро под льняным полотенцем слышалось пыхтение подходящего теста, затем из духового шкафа разносился по всей квартире чуть кисловатый аромат хлеба, неудержимо вылезающего из пекарской формы и трескающегося от напора на самой верхушке, уже схватившейся от жара духовки.

Я практически не ем мучное. Здоровое питание и всё такое. Впрочем, этим колдовством на кухне я рассчитывала не на исключение в режиме, а на волшебство воспоминаний. Этот тёплый домашний запах, хруст подрумяненной корочки, поддающейся острому лезвию ножа, и кусочек сливочного масла, лениво растекающийся по горячему ломтю... И бабушка, наспех вытирающая руки о застиранный передник и наливающая из трёхлитровой банки в кружку жирное холодное молоко.

Бабушка жила в глухой украинской деревне. Более того, на хуторе. Глиняная мазанка стояла буквально посреди леса, до дома ближайших соседей – не менее

километра. В огороде проказничали зайцы, аккурат к вечерней дойке во двор приходили ежи, чтобы лакомиться из старой консервной банки парным молоком. А по вечерам – завораживающие и пугающие звуки леса... Добираться до сельмага – утомительный вояж на повозке по бездорожью, занимающий порядка двух часов в одну сторону. Бабуля всегда была занята хозяйством и тратить столько времени на покупку снеди не могла. Поэтому всё, что возможно, они с дедом производили сами. И сами пекли хлеб, без которого не мыслили ни одну трапезу. Из выращенной на своём огороде ржи. Сразу много, чтобы на две недели хватило, большими рыхлыми караваями (создавать аккуратные буханки было некогда).

Эти ноздреватые хлеба доверялось резать деду. Он прижимал пахнущий непростым деревенским трудом каравай ребром к своей груди и огромным ножом пилил по направлению к себе. От вида этого сжималось всё, что могло сжаться, и приходило облегчение, когда он протягивал каждому столовнику большой тёмный кусок выпечки. Ребёнком и подростком я ездила на хутор каждое лето. И каждое лето ревела от вселенского горя. Потому что в городе весело, там подружки, друзья, новенький магнитофон и книги. Там телевизор и блага цивилизации. А у бабушки и деда – бесконечный сенокос, прополка огорода, сбор яблок... И нет той самой цивилизации. Скука смертная.

«Как они так живут? Ни людей, ни магазина, ни телефона, а только работа-работа-работа...» – мой детский, но уже урбанистический мозг отказывался верить в нормальность этого, и душа рвалась в город.

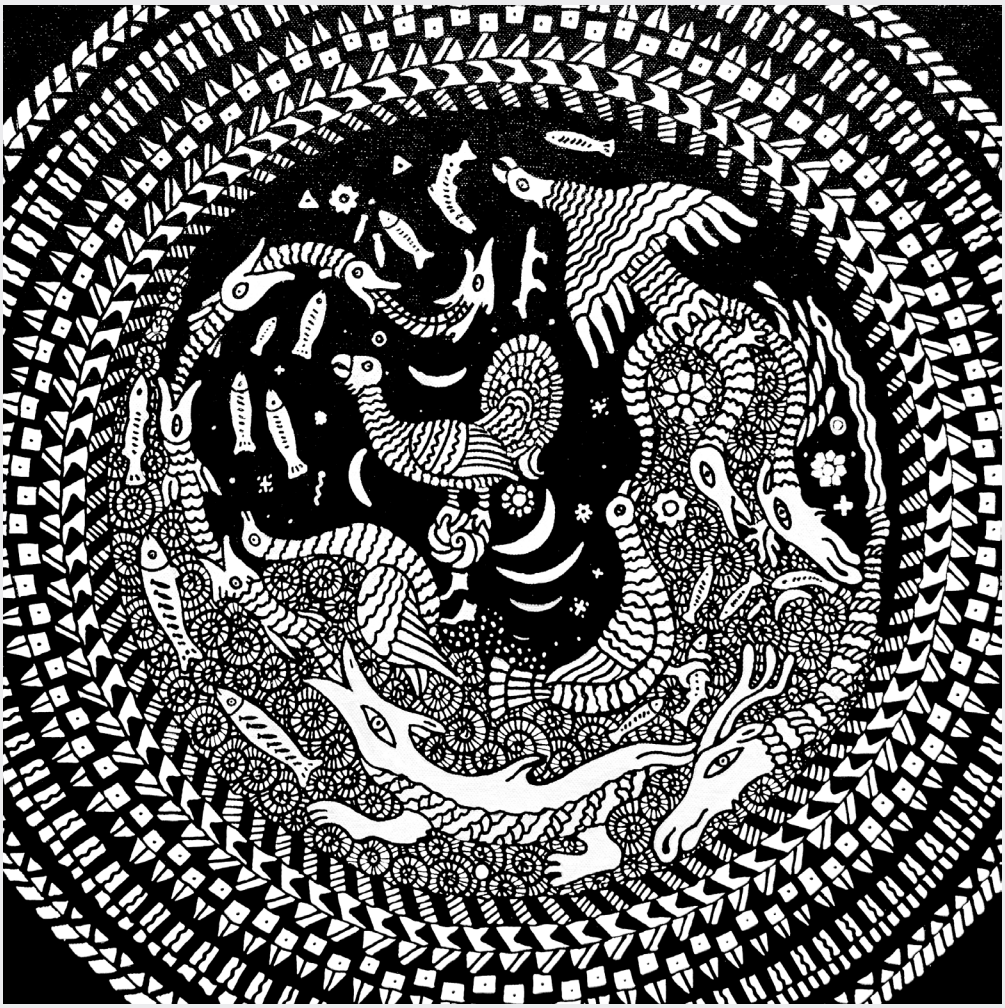
– У вас в городе Богу не за что зацепиться, – не отрываясь от дел, говорила бабуля. – Бегаете все среди бетона.

– Но и ты не сидишь на месте, – перечила ей я. – Суетишься со своим хозяйством каждую минуту.

– Так это у меня руки заняты, а душа свободна для Бога. Я с Ним и говорю постоянно, особенно, когда хлеб пеку.

...Разве я могла знать тогда, насколько она права? Разве я могла поверить, что, когда мне будет под 40, мне надоест бежать бесконечный марафон, обгоняя тех, кто слабее и устал, и видеть, как обгоняют тебя те, кто моложе и выносливее? Разве я могла понять, что, как бы ни суетилось твоё тело, душа должна быть спокойна и свободна для чего-то чистого и тёплого? И мне невыносимо захочется на хутор, где это возможно? И только там это возможно? Могла ли я предполагать, что, наевшись вдоволь тирамису и чизкейков, мне захочется снова ощутить вкус ржаного хлеба, краюху которого протягивает мне дедушка?

Штудии



Ирина ИЛЬИНА:

«Колдуньей я не стала...»

(Интервью Павла Лимерова)

– Ирина, ты закончила исторический факультет СГУ. Почему выбрала этнографию, а не другую историческую специальность? Почему ты не археолог?

– Мой диплом, научным руководителем которого была Э. А. Савельева, был на стыке археологии и этнографии – «Пермский звериный стиль». Анализ материала произвёл впечатление на оппонента – сотрудника сектора этнографии Н. Д. Конакова, и он порекомендовал взять меня на работу. Заведующий сектором Л. Н. Жеребцов, думавший и о перспективах развития коми этнографии, и о том, как будет выглядеть сектор на готовившемся тогда конгрессе, предложил на выбор три темы, никак не связанные с моей студенческой работой – «народная одежда», «народная пища» и «народная медицина». К медицине у меня всегда

был интерес, в детстве даже мечтала стать медиком. Вот я и выбрала народную медицину. Причём работ по данной теме в то время вообще не было. А темы утверждали на Президиуме Коми филиала АН, это всё бурно обсуждалось, и один геолог сказал: какая, мол, народная медицина, это всё блеф!

– А он аргументировал свою позицию?

– Нет, ну какая была аргументация? Никакой народной медицины, а тем более коми, не существует. Он просто повторил распространённую в советской идеологической системе точку зрения и продемонстрировал незнание традиционной коми культуры. Но тему утвердили, и я поехала в первую экспедицию на Вишеру. Для меня это стало культурным шоком. Я ведь была исключительно городским человеком, хотя и уже с пятилетним стажем археологических экспедиций. А тут – бездорожье, деревенский быт и абсолютное царство коми языка. Меня покорили мои первые информаторы – женщины разных возрастов, владевшие интереснейшими практическими навыками лечения. Я приехала с Вишеры с огромным мешком трав и привезла просто фантастический материал.

– А кто стал твоим научным руководителем?

– В то время у нас не было докторов исторических наук, а руководителем диссертационной работы мог быть только доктор. Обратились за помощью к директору Кунсткамеры Рудольфу Фердинандовичу Итсу[1], которого с Сыктывкаром связывали и ученики (Н. Д. Конаков, М. Б. Рогачёв, В. В. Соловьёв), и университетские коллеги. Итс поставил условие, что я должна прослушать курсы по этнографии в ЛГУ, а в руководители предложил Татьяну Владимировну Станюкович, которая готовила в то время к изданию книгу М. Д. Торэн по народной медицине русских. Я попала в сектор, где работали такие известные учёные и яркие личности, как Т. А. Бернштам, К. В. Чистов, Б. Н. Путилов. В Сыктывкаре тоже сформировался исключительно дружный коллектив единомышленников. Очень всё удачно сложилось – с учёбой, с коллегами и, самое главное, с исследованиями: они начались в удачном месте в удачный час. В вишерских деревнях были живы носители традиционных знаний. В то же время молодёжь не хотела эти знания перенимать, и знающие охотно делились со мной секретами народной медицины. У меня тогда вышли сразу две статьи, которые обозначили всё богатство народно-медицинских традиций.

– Начало твоей работы было абсолютно новаторским?

– Да, можно и так сказать. Этнографическое изучение традиционной медицины народов России было прервано в 1930-х годах, когда начались активная борьба с религией и «искоренение знахарства». И лишь после спе-

[1] *Рудольф Итс – известный советский этнограф, писатель.*

циальных резолюций ВОЗ 1977, 1980 гг. об усилении исследовательской работы в области народной медицины, после снятия многих запретов тема вошла в круг интересов советских этнографов. Вспомнился комичный случай о заидеологизированности нашей науки. Все работы аспирантов обсуждались на президиуме, в состав которого входили сотрудники разных институтов: геологи, биологи, химики, то есть самый разный состав действующих учёных, не чиновников. Аспирант-биолог представляет диссертацию про диких гусей, а ему ставят в упрёк, что он не цитирует классиков марксизма-ленинизма по этой теме. Как сейчас помню, он стоит и обескураженно отвечает: «Ну не писали ничего ни Маркс, ни Энгельс про яйценоскость диких гусей!» Тогда ведь всё это буквально воспринималось... У меня тоже были проблемы с цитированием классиков: ну не писали ни Маркс, ни Энгельс о коми травниках. Но всё как-то сложилось, я каждый год ездила в экспедиции, пешком обошла все районы Коми, кроме, разве что, Воркутинского.

– Районы отличаются по традициям народной медицины?

– По степени сохранности – где не было дорог, там народная медицина оказывалась более востребованной и традиции сохранялись полнее и дольше. По набору традиционных средств лечения, конечно, южные и северные районы отличались сильно. То же Прилузье меня сразу поразило включённостью культурных растений в практику народной медицины. К примеру, простуженного человека укладывают на солому из овса и укрывают распаренным овсом. То есть практически всё, что выращивали на огороде или полях, использовалось в медицинской практике. А Верхняя Вычегда – там только дикорастущие растения использовались. Исключительным своеобразием отличается медицина ижемских оленеводов. В контактных зонах с русским населением отмечается более богатая магическая практика.

– Поясни, что такое народная медицина.

– Мне нравится очень конкретное и ёмкое определение, данное ВОЗ: это все знания и практические методы, как объяснимые, так и необъяснимые на современном уровне, применяющиеся народом для диагностики и ликвидации нарушений физического и психического здоровья и опирающиеся исключительно на практический опыт и наблюдения, устно передаваемые из поколения в поколение.

– А кто они – эти народные медики: колдуны, травники?

– Я бы выделила два уровня народной медицины и соответственно два уровня специалистов. Основной пласт – это бытовые медицинские знания, которыми владели все женщины, особенно вырастившие много детей, охотники, надолго уходившие в леса и вынужденные надеяться только на себя. Этот бытовой уровень доступен всем. А вот, условно говоря, профессио-

нальный, который был представлен *тӧдысь* – знающими людьми, – это уже не только знания, а свойства характера, сила, наследственные традиции.

– То есть эти люди обладали какими-то харизматическими качествами? Это колдуны, или с магией они не связаны? Как к ним относились?

– Конечно, и с магией они были связаны. В деревенской среде они занимали особое место, поскольку, по народным представлениям, знали правила, по которым можно обратиться за помощью к потусторонним силам или нейтрализовать их влияние. Оценка их действий часто имела некий морально-этический оттенок, и в зависимости от неё одного и того же человека могли называть *тӧдысь* или *еретник*. К примеру, в одном конце села к нему относятся с уважением, а в другом – с опаской и недоверием. В одном конце села считают, что он лечит, а в другом – что он портит. Расскажу чисто «женскую историю» из экспедиции по Выми. Тогда имелась возможность в качестве лаборантов брать с собой помощников из местных для сбора информации. Со мной была местная студентка. В одну деревню прибываем – узнают её, радостно встречают, в соседнюю приходим – я её представляю, как бы рекламирую, что она своя, а идёт отторжение сразу. Не могу понять отчего. А оказалось, что её мать в своё время с помощью магии увела жениха из этой деревни. И вот в одной деревне считают, что её мать – сильный тӧдысь, а в соседней – она злая еретница.

– Тебе рассказывали о магических практиках?

– Да, это составная часть традиционной культуры. Лечебная, охотничья, любовная магия когда-то были очень закрытой сферой. Но, согласно народным представлениям, не передавший свои знания знахарь не мог спокойно умереть. Причём передать надо только младшему по возрасту. Среди детей, ориентированных уже на городскую культуру, наследников этих знаний не находилось, и, может быть, поэтому мне удалось так много узнать и записать. Во многих случаях я оказалась как бы их ученицей.

– Ощущаешь себя колдуньей?

– Нет, не ощущаю. Колдуньей я не стала...

– Сегодня в деревнях что-то осталось от той традиционной народной медицины?

– Отдельные фрагменты. Люди, предрасположенные и способные заниматься медицинской практикой, конечно, есть, но сегодня они создают свою «авторскую» медицину, переваривая традиционные знания разных народов.

– Они уже больше читают о них...

– Да, конечно, они читают, овладевают какими-то другими методиками...

ИРИНА ИЛЬИНА

Ирина Васильевна Ильина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Занимается исследованиями традиционной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Круг интересов распространяется на северных русских и хантов.

Принципы здоровьесбережения в традиционной культуре коми

В традиционной культуре коми отсутствует понятие о здоровьесбережении как целостной системе мер, предпринимаемых для сохранения здоровья, однако в фольклорных текстах, повседневных и обрядовых практиках, этикетных нормах и правилах закреплены представления об условиях здоровой и продолжительной жизни.

Концептуальным принципом здоровьесбережения в традиционных обществах является согласование всей жизнедеятельности человека с природными ритмами: люди жили «по солнцу», вставая с его восходом и ложась спать с заходом; смена сезонных работ была связана с изменениями годовой солнечной активности.

Годовой календарный круг состоял из производственных циклов и праздничных дней, когда запрещалась любая или определённая работа, причём отказ от праздности, по народным представлениям, был чреват болезнями и стихийными бедствиями. Соблюдение периодических запретов на работу имело, несмотря на религиозно-магическое обоснование, значение психосоматического характера. Календарные праздники с их торжественной обрядностью, развлечениями и сменой пищевого рациона завершали один вид работ и, давая возможность отдохнуть человеку физически, способствовали также психологической разгрузке.

На повседневном уровне также важным условием сохранения здоровья считалось чередование труда и отдыха, существенным компонентом которого был сон. С одной стороны, длительный сон расценивался

как признак лени: «*Долго будешь спать, до самой смерти будешь в долгу*»; «*Во время долгого сна молока-масла не прибавится*». С другой – полагали, что «*выспавшийся человек любую работу сделает лучше*», а сон после работы или долгого пути ставился выше еды: «*Спящего ради еды не буди, на пользу не пойдёт*».

Крепкое здоровье невозможно без полноценного питания: «*На плохой пище скоро ноги протянешь*»; «*Суп и каша – две крепких ноги*» и соблюдения этикетных норм: «*Не спеши – в другое горло попадёт*»; «*Не ешь жадно, ты ведь не собака*». Интересно, что в противовес широко распространённому стереотипу «полный человек – значит здоровый», существовало представление, что «*сухощавый человек не стареет*»; «*сухощавому в поясницу не стрельнёт*»; «*подсушенный хлеб плесень не берёт*».

Режим питания оптимально учитывал природно-климатические особенности севера и производственные потребности крестьянина: приём пищи происходил три-четыре раза в день, зимой, в период относительной бездеятельности – два; самым плотным был завтрак; каждый раз обязательно подавалось горячее блюдо. Традиционный рацион, включавший мясо, рыбу, зерно и мучные изделия, молочные продукты, в идеале являлся достаточно сбалансированным. Но показательно, что синонимом пищи, отождествлявшейся, например, у русских с хлебом-кашей, у коми выступают мясо-рыба: выражения «*йӧв-яй вылын овны*» 'на молоке-мясе жить', «*чериӧн-яйӧн овны*» 'с рыбой-мясом жить' означают сытую жизнь. Своеобразием отличались рацион и режим питания коми-ижемцев, занимавшихся оленеводством в тундрах крайнего Севера. Основой их питания при дефиците растительных и молочных продуктов являлись оленина и рыба, обеспечивающие организм необходимыми в экстремальных условиях белками и жирами, особое значение имело сыроядение, спасавшее от авитаминоза. При трёхразовом приёме пищи самым обильным был ужин из мяса и рыбы, который готовили, обустраиваясь на ночлег; при первой же возможности кипятили чай, который активизировал обмен веществ, способствовал его нормализации и увеличению диуреза.

Независимо от обеспеченности населения основными продуктами питания, в пищу широко вводились дикорастущие травы и плоды, являвшиеся не только сезонными лакомствами, но и витаминными добавками, общеукрепляющими и профилактическими средствами. Исключительную роль ягоды и дикоросы играли в постные дни.

В народной культуре коми хорошо осознаётся, что здоровье несовместимо с алкоголем: «*Водка силы глотает*»; «*Вина не извести, а вино человека доконает*»; «*Пьяного любым ветром валит*». Традиционный алкогольный напиток сур, приготавливаемый из ржаного или ячменного солода, не отличался крепостью и употреблялся в особых праздничных и обрядовых ситуациях. Водка противопоставлялась пиву как «чистому» напитку, ею за праздничным столом обносили гостей один раз и поили из маленькой рюмки, «*потому что от пива только ноги слабе-*

ют, а от водки – и память, и ноги». Водкой угощали врачевателей, но злоупотребление ею знахарем, особенно в ночное время, считалось верным признаком обращения к нечистым духам. Участившиеся с конца XIX в. факты злоупотребления спиртным осуждались и рассматривались как болезнь. Показательно, что пьющие люди, пытаясь оправдаться, объясняли пристрастие к спиртному воздействием *шевы* – духа, проникающего внутрь человека и вызывающего разного рода болезненные состояния. Поэтому их лечили традиционными средствами борьбы с *шевой*, вызывающими сильную рвоту.

Большое значение придавалось личной и общественной гигиене: *«В чистый дом никакая болезнь не зайдёт»; «Чтобы не болеть, надо чисто жить»*. Ценились аккуратность, умение поддерживать чистоту в доме. Неопрятную хозяйку осуждали: *«У неё в избе (посреди пола) только сохи да бороны не хватает, остальное всё есть»*. Особую оздоровительно-гигиеническую роль играла баня. Обязательная субботняя баня в страдную пору дополнялась ежедневной, поскольку посещение парной снимало усталость и восстанавливало силы после тяжёлого физического труда. Закаливающее значение имел обычай обливаться холодной водой или растираться снегом.

Детально была продумана и максимально защищала от неблагоприятного воздействия внешней среды традиционная одежда, особенно производственная: она не стесняла движений, согревала и защищала от воды и снега, помогала сохранять терморегуляцию организма в соответствии с разными физическими нагрузками, позволяла равномерно распределять по поверхности спины и позвоночнику значительный груз.

Во избежание заболеваний, вызванных физическим перенапряжением и травмами, соблюдали особую осторожность на сельскохозработах и промыслах. С ранних лет детей знакомили с оптимальными приёмами труда, в первую очередь собственным примером и советами: *«Как глаза бережёшь, так же себя береги»; «Тяжелее себя не поднимай»; «Руки <твои> пока ещё не толще ваги»* (вагой приподнимай бревно, а не руками). Сентенции облекались в более доходчивую форму иронии: *«Бревно за серёдку не хватай, а то сломаешь»; «Если за черту выходишь, руки вытягиваются»*. Особое внимание уделялось исправности и идеальной подготовке инструментов. Рукоятки орудий, веретёна должны быть гладкими, лезвия – отточенными: *«Тупая коса поясницу ломает, острая – самосеком летает»; «Нож тупой – хозяин скупой»; «У него не руки пашут, а соха с бороной пляшут»; «Не то мука, что работы много, а то мука, что снаряженье убого»*. Уязвимые места на теле во время работы, особенно в холодный сезон, были защищены рабочими рукавицами, шерстяными напульсниками, поясами, меховыми шарфами, широкими кожаными поясами.

Традиционные этикетные нормы отражают понимание зависимости физиологического состояния человека от его психоэмоционального самочувствия. Хоро-

шо осознавалось, что причиной заболевания может стать не только физическое воздействие, но и грубое слово, оскорбление, испуг: *«Добрая беседа всегда хороша, всему телу, а с дурными разговорами всегда плохо, всё болеешь»*. Ругань и сквернословие нередко воспринимались как ослепление и обращение к тёмным магическим средствам. Коми *ёрсьыны* 'проклинать, клясть' и *ёрччыны* 'ругаться' восходят к одному корню *ёрны* 'ослеплять, проклясть', так же, как *нимтысьны* 'обзываться', *нимавны* 'прославить, но и ославить', *ним видзны* 'пользоваться заговорами' являются производными от *ним* 'имя, слава'. Показательно традиционное отношение к слову как к одному из сильнейших средств не только магического, но и физического воздействия на человека. Отсюда – обращение к оберегающим здоровье и имя заговорам, а также требование к соблюдению гигиены вербальной среды: *«Плохого человеку не говори, землю обойдёт и по тебе слово твоё ударит»*.

Меры, предпринимаемые для охраны душевного покоя беременной женщины, показывают, что хорошо осознавалась связь между психологическим состоянием женщины и здоровьем будущего ребёнка. Считалось, что добрым отношением к беременной сохраняется и её плод. В то же время от неё требовалась встречная корректность, поскольку считалось, что грубость и вздорность скажутся на здоровье ребёнка.

Обращает на себя внимание направленность культурных норм на формирование позитивной личности, способной самостоятельно справляться с проблемами. В поговорках с осуждением говорится: *«Не надо скрипеть подобно древоточцу»; «Скрипучее дерево весь век скрипит, а ноющий человек весь век хнычет»*.

Особо следует отметить роль календарно-семейной обрядности, которая в традиционном обществе выполняла не только религиозные, социальные функции. Участие в ритуале помогало снять коллективное и индивидуальное напряжение: ритуальные смех, плач, выполнение обрядовых действий давали возможность активно выразить свои эмоции, как позитивные, так и негативные, пережить потрясения, изменения, почувствовать соучастие окружающих, что, безусловно, производило значительный психотерапевтический эффект.

Оценивая традиционные представления коми о возможности сохранения здоровья, необходимо понимать, что формирование этих установок происходило в обществе, в котором здоровье являлось важнейшей жизненной ценностью, имеющей гораздо более высокий социальный престиж, нежели в современном урбанистическом обществе. Современная система здоровьесбережения складывается в совершенно иных экономических и социальных условиях, когда на первое место выходят другие ценности, возрастают и изменяются нагрузки на организм человека, увеличиваются риски экологического, техногенного, психологического характера, и выстраивание здорового образа жизни по традиционному образцу возможно преимущественно на личностном уровне.

Морошка
в традиционной культуре коренных этносов Европейского Северо-Востока и Сибири

ИРИНА ИЛЬИНА

Ирина Васильевна Ильина – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

ОЛЕГ УЛЯШЕВ

Олег Иванович Уляшев – кандидат филологических наук, фольклорист, писатель, поэт, ведущий научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

Морошка – традиционная ягода Европейского Севера и Сибири и прекрасный повод познакомиться с некоторыми аспектами традиционной культуры коренных народов севера России. В нашем докладе обобщены материалы, полученные в ходе экспедиционных работ у коми-зырян, русских старообрядцев Усть-Цильмы, восточных хантов и ненцев.

НОМИНАЦИИ

Коми-пермяцкое прямое цветонаименование морошки *вежъягöт* 'жёлтая ягода', очевидно, указывает на приблизительную южную границу распространения, поскольку в коми-зырянском и обско-угорских языках устойчиво встречается основа *мыр- / мур-*.

Коми-зыряне повсеместно называют морошку *мырпом*, кроме удорских коми, изменивших первый звук – нырпом. Это стало основанием для шуточных дискуссий, основанных на народной этимологии. Одни возводят к *мыр пом 'пенька вершина; нечто, растущее на пнях'*, другие – к *ныр пом 'носа кончик, нечто высунувшееся'*.

В хантыйских диалектах морошка называется *мурх, мурэх, мурек, морэнг*, манси – *морах, морех, морэнг*. На ненецком – *маранга*, нганасанском – *мура'ка*, энецком – *марагга*.

Из сопоставления упомянутых названий с финским *muurain*, карельским *muuroi* лингвисты при-

шли к выводу, что название морошки восходит к прафинно-угорскому и прауральскому **múr. 'ягода'*[1].

Фото Е.Н. Патова.

Русское общеупотребительное название *морошка* и диалектные *муромка, мурошка* относятся к заимствованиям из уральских языков. Кроме того, в севернорусских диалектах существует большое количество описательных названий: *моховая смородина, глажи, глыжи, глажевник, каменица, команица, моклаки, глазовье, глошина, глажина, вахлачка, очи болотного, болотный стражник.*

Поскольку испокон веков в России свежую и мочёную морошку подавали к царскому столу как самую ценную ягоду Севера, её называют ещё и *царской ягодой*.

В наш век глобализации и интенсивных контактов появились и названия, которые вводят северную ягоду в мировой контекст как *северный апельсин, болотный янтарь, арктическая малина*.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УРОЖАЯ

Морошка – растение одновременно очень жизнестойкое и весьма капризное. Она не любит дождь и ветер, поскольку сильные дожди и ветры во время цветения могут привести к отсутствию плодоношения; боится заморозков и плохо переносит жару, что затрудняет её продвижение на юг.

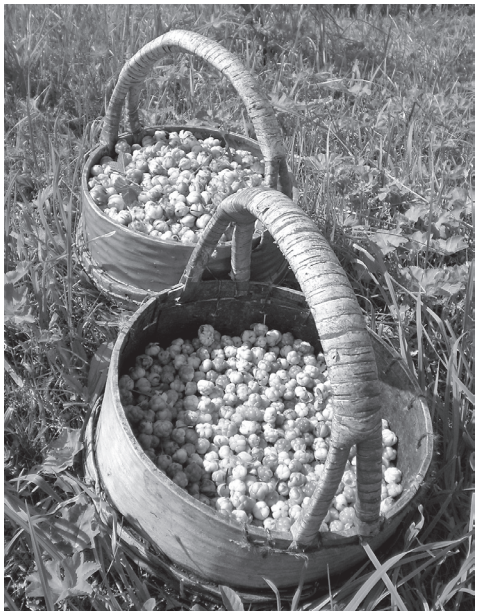
Из-за этого прогнозировать её урожай достаточно сложно, но по приметам на календарные праздники пытались определить, какими будут охота, лов рыбы и урожай грибов и ягод, морошки в том числе:

> *«Много звёзд на небе в 12 часов на Пасху – будет много морошки».*
> *«Морошку примечают в Пасочную ночь. Когда на снегу есть блеск – морошка будет»* (д. Верхняя Золотица. У. М. Чекалёва, 1917 г. р.)[2].

---

[1] *Краткий этимологический словарь коми языка. 1970. С.183-184.*

[2] *Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица. Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. – 2002. – 168 с.*



По наблюдениям северян урожая морошки не будет, если в июне случаются продолжительные и обширные заморозки, которые губят большинство цветоносов и сокращают популяцию насекомых-опылителей.

СБОР И ХРАНЕНИЕ УРОЖАЯ

Сбор морошки, наряду со сбором брусники, черники, голубики, земляники, малины, смородины, рябины, является важным сезонным занятием северян, которое всегда обеспечивало традиционный рацион питания необходимыми растительными и витаминными добавками, а в настоящее время является источником дополнительного дохода.

При общей любви коренных жителей к ягодам надо отметить, что у отдельных родовых групп существуют запреты мифологического характера на употребление в пищу некоторых ягод.

Так, юганские ханты Каюковы не собирают клюкву: они ставят её в один ряд с грибами – пищей, запретной для всех хантов. Морошку нельзя собирать Совкуниным – хантам с Малого Салыма. Считалось, что *раз в сто лет поднимается моровая язва, губительная для всех, кроме Совкуниных, которые спасаются благодаря тому, что не едят морошку*.

Вероятно, что таким образом обосновывается право Совкуниных на родовую территорию: кроме них, не едящих морошку, никто не может жить на Малом Салыме, но табу на употребление именно морошки, спасающее род, не получает внятных объяснений[3].

В климатических условиях севера морошка первой созревает среди всех лесных ягод, и с неё начинается сезон заготовок. Сроки созревания ягод по годам существенно различаются, «готовность» морошки к сбору определяют по яркому оранжево-жёлтому цвету плодов, а также по лёгкому отделению его от чашелистиков; неспелую отделить без повреждения плода практически невозможно.

По обычаю юганских хантов, первый встреченный кустик созревшей морошки нужно для удачи обвязать красной тряпочкой.

---

[3] *Котов О. В., Ильина И. В., Лимеров П. Ф. и др. Салымские ханты. Научный отчёт по материалам этнографического обследования традиционного хозяйственно-культурного комплекса хантыйского населения Нефтеюганского р-на Тюменской области. Архив предприятия АВКОМ, д. 6, т. 1, л. 18.*

Сбор морошки у коми и северных русских, как правило, совпадает с сенокосом, и часто выехавшие на сенокосные угодья люди в два-три часа ночи выходят на болото, собирают ягоду, а ранним утром приступают к работе на лугах. В отличие от других ягод, которые собирают в основном дети, сбор морошки и клюквы – прерогатива взрослых. Вероятно, это связано с трудоёмкостью процесса сбора. Растёт морошка на болотах, как правило, расположенных вдали от поселений – не случайно у устьцилёмов известна поговорка «*морошка любит ножки*». И собирать морошку совсем непросто: созревает она в разгар комариного времени, когда над болотами несметные полчища комаров и мошки, растёт она не гроздьями, а всего по одной ягоде на стебле.

Собирают морошку в небольшие ёмкости (к. *туес, чуман,* хант. *кынтик*, рус. *наберушка*), поскольку под собственным весом ягоды начинают терять объём и сок. Свежие нежные ягоды хранятся не больше трёх дней, поэтому их сохраняют, утопив туеса во влажный мох болота.

Сбор ягод начинается с дальних угодий. В урожайные годы ягоды держат в берестяных бочках на болоте, а затем по снегу перевозят к жилью.

Коми-ижемские и ненецкие оленеводы собранную во время кочевания морошку замачивают в больших кадках, придавливают гнётом и оставляют, наполовину вкопанными, прямо посреди тундры, чтобы насладиться ею на обратном пути.

Ханты-куженька.

На зиму консервируют различными способами.

Ханты заливают ягоды рыбьим жиром. А оставленная в берестяных бочках на болоте ягода просто замораживается.

Коми и русские традиционно хранят на льду в ледниках, устроенных под летней половиной дома

В 2004 году один из авторов доклада в посёлке Овлонгорт на Сыне подготовил видео и сделал план ледника (йик-хот букв. 'для льда дом'), сооружённого А. П. Лонгортовым. Поскольку ледники, как и бани, не встречаются у хантов, сооружение вызвало любопытство. Ледник представлял собой яму (2х2х1,6 м), накрытую двускатной крышей с земляной насыпью, опирающейся на центральный опорный столб, и с дощатым входом-будкой высотой в 1,8 м. Сам план ямы буквально «списан» с образцов старых землянок (мув-хот). По словам гордого отца, Лонгортов «сам придумал йик-хот, и вот сделал, и баню первым среди ханты сделал».

ШАНЬГИ С МОРОШКОЙ

Для теста:
2 л простокваши, 0,5 стакана растительного или растопленного сливочного масла или маргарина, 0,5-1 стакан сахарного песка, стопочка сухих дрожжей, мука «на глаз», чтобы получилось мягкое пышное тесто. Дать подняться в тёплом месте, разделать, скатав в ладонях шарик из теста и сделав в нём выемку ложкой или стаканом. Положить начинку: морошку проварить с сахаром и загустить крахмалом или ржаной мукой. Слишком маленькие шаньги не годятся – получатся суховатыми.

(Удора) или в погребе, устроенном напротив дома (Верхняя Вычегда). Собранную ягоду укладывают в бочку, установленную на льду, придавливают гнётом, и морошка хранится в собственном соку. Замечено, что в таком виде слегка забродившая ягода не теряет свои вкус и качества до двух лет. Хорошо сохраняется морошка и в мочёном виде: ягоды заливают кипячёной или колодезной водой, плотно закрывают и ставят в прохладное место.

В современном быту ледники соседствуют с холодильниками, а берестяные и деревянные бочки заменены на стеклянные банки или эмалированные вёдра.

Собранные для лечебных целей ягоды, чашелистики, листья и корни сушат, как правило, на открытом воздухе в тени. Ягоду подсушивают ещё в печи и хранят в берестяных туесах, холщовых мешочках.

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

В кухне коренных народов севера ягоды морошки занимают особое место и как сезонное лакомство, и как повседневное блюдо, и как праздничное угощение, и как желанный гостинец. Именно морошку выставляют на стол, желая подчеркнуть особое отношение к дорогим гостям.

Летом ягоды включаются в рацион по мере сбора, а зимой – в зависимости от желания членов семьи. И на повседневный, и на праздничный стол морошку подают в начале трапезы, едят её ложками (в натуральном виде, а также с толокном или сметаной). Любимое блюдо коми и устьцилёмов – это ягоды с толокном, в основном брусника (пувъя тэсь). Но с толокном могли смешивать и морошку. Традиционный способ приготовления и консервации не предусматривал использование сахара. Лишь с нач. XX в. в состоятельных коми и русских семьях мочёную морошку присыпали сахаром.

Гораздо реже морошка используется в выпечке. Русские хозяйки пекли из дрожжевого теста

ватрушки и *ягодники*, а коми – из пресного теста *шаньги* – открытые пироги с ягодной начинкой. Морошку для начинки смешивали с мукой или крахмалом, а некоторые хозяйки дополнительно пропаривали в печи, чтобы косточки становились мягкими.

Лучшим напитком для утоления жажды считается *мырпом ва* (морошковая вода), в которой хранится мочёная морошка, и морошковый сок, разведённый водой. Сушёные листья морошки добавляют в чаи.

Хантыйская кухня предлагает оригинальные, очень непривычные для европейского вкуса рецепты с морошкой, что вызывает определённые проблемы во время совместных трапез с информаторами в экспедициях. Традиционно ягоды ели с рыбьим жиром:

> *«Хуль вой <рыбий жир> добавляют в любую ягоду, чтобы вкусно было, и в чернику, и в морошку, и в бруснику»*
>
> (пос. Овлонгорт, р. Сыня. П. Н. Лонгортов. 1929 г. р. Зап. О. И. Уляшева 27.07.2004 г.)

Лакомством считалась варка *(раук рак)* – блюдо из рыбьих кишок (особенно щучьих), которые промывали и долго варили на медленном огне. Ели варку со свежей морошкой и брусникой. Эти ягоды использовали как приправу к рыбным и мясным блюдам: вяленой и варёной рыбе, оленине, дичи[4]. В то же время у отдельных родовых групп хантов существовали запреты мифологического характера на употребление в пищу морошки.

Применение в современной кухне морошки более разнообразно. Это интернациональные блюда – варенье, компот, желе, джем, водка на чашелистиках, морошковый ликёр.

«МОРОШКУ ЗАПАСАТЬ – БОЛЕЗНЕЙ НЕ ЗНАТЬ», – ГОВОРЯТ НА СЕВЕРЕ

Характеризуя традиционный набор средств и методов лечения у коми, в XIX в. отмечали: *«Зыряне знают многие специальные средства против болезней и с замечательным искусством умеют пользоваться тем, что даёт им природа»*[5]. И одним из таких специальных лечебных средств была морошка, о значении которой в народной медицине коренных этносов севера писали практически все исследователи, начиная с академика И. Лепехина. Для путешественников и исследователей особо актуальными были её противоцинготные свойства, спасавшие коренное население. Однако применение ягод, листьев, чашелистиков морошки в лечебных целях гораздо шире.

---

[4] *Там же.*

[5] *Попов К. Зыряне и зырянский край // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. XI-II. Вып. 2. М., 1874. С. 34.*

Внимания заслуживают правила приготовления лекарств, соблюдавшиеся народными врачевателями. Лекарства готовились индивидуально для каждого больного, и при отсутствии строгих рецептурных дозировок стремились соблюдать правило «каждому человеку – своя горсть». Опытные травницы коми объясняют его так: «*Все люди разные – большие и маленькие, толстые и худые, и чтобы трава приносила пользу, каждый человек должен выпить свою норму, а определяется норма горстью человека*». Поэтому горсть сырья заливали литром кипятка и настаивали в тёплом месте. Русские и коми отвар выпаривали в печи в замазанном тестом сосуде и употребляли экстракт растения. Готовили также настойки на вине или водке.

- Свежие ягоды ели, отвар и настой чашелистиков пили в качестве мочегонного средства при желтухе, головной боли, водянке, заболеваниях почек и мочевого пузыря.
- Отвар чашелистиков и сушёных ягод употребляли в качестве потогонного и противовоспалительного средства при гриппе и простудных заболеваниях в убеждении, что с «*потом выводится всякая болезнь*», а также как эффективное противокашлевое средство.
- Настой листьев без плодов применялся как ранозаживляющее и кровоостанавливающее (при внутренних кровотечениях) средство.
- Мёрзлые ягоды ели и закладывали в уши при угаре.
- Ханты и ненцы используют листья морошки как перевязочный и кровоостанавливающий материал. Ханты прикладывают листья морошки, смазанные рыбьим жиром, к гноящимся ранам и ожогам, листочки меняют два раза в сутки. Соком морошки смазывают поражённые чесоткой участки кожи.

Морошка, наряду с квашеной рыбой, считалась коми-зырянами и устьцилёмами действенным средством от импотенции.

Бактерицидные, мочегонные, противовоспалительные и ранозаживляющие свойства морошки подтверждены результатами биохимических и медицинских исследований. И она включена в официальную фармакопею как вспомогательное средство при лечении авитаминозов, воспалительных заболеваний дыхательных путей, мочекаменной болезни, атеросклероза, гипертонии и сопутствующих заболеваний сердечно-сосудистой системы.

ОБРЯДНОСТЬ И ФОЛЬКЛОР

Красно-жёлтые ягоды, в противовес сине-чёрным, символически связываются с кровью, огнём, человеческим телом, солнцем. Особенно это касается морошки, дозревание которой совпадает с самым жарким периодом года (от Иванова до Прокопьева дня), когда она от белого доходит до золотого цвета полуденного солнца.

Оттого в народных представлениях и в фольклоре ей придаётся особое значение.

У коми в Иванов день «нельзя было собирать морошку, болото тревожить», чтобы не поднялся северный ветер[6], чтобы не нарушился баланс между солнечным теплом и осенними холодами, не сократился срок, данный «солнечной ягоде» до холодов Ильина дня.

Золотая богиня обских угров Калтась неизменно одета в шубу цвета золотой морошки или с золотыми узорами *(сорни мурэх ханшан сох)*. Сказочное же воплощение этой богини, способной накормить гостей беличьей головой и укрыть беличьей шкуркой, у манси именуется: *Морох-сам нэрысь* 'Морошковое зёрнышко женщина'[7]. В число обязательных летних подношений богине Калтась, в пару с пивом *(«золотым напитком», «медовым напитком»)*, обязательно входил туесок с морошкой *(«золотой едой», «медовой едой»)*.

У русских старообрядцев-устьцилёмов морошка считалась наиболее предпочтительной «милостыней» пожилым людям, читающим в Родительские дни молитвы по усопшему, поскольку *«морошка трудна»*, т.е. сбор её такой же большой труд, как и чтение молитв[8].

У коми и северных русских морошка входила в список основных пожертвований церкви и была обязательным блюдом во время праздничной трапезы на Ильин день и на Первый Спас.

В обрядовых текстах коми морошка – один из традиционных цепевидных образов, которыми одновременно маркируется символический хронотоп и подчёркивается детское или девичье поэтапное созревание.

В бане во время парения ребёнка женщины коми, желая ребёнку быстрого роста и резвости ног при сборе ягод в разных местах, приговаривали:

Кокö-кокö, пышйы	Ножки, ножки, бегите
Чöдъя-пувъя ягö,	В чернично-брусничный бор,
Озъя тылаö,	На земляничную подсеку,
Мырпома нюрö.	В морошковое болото.

Перечисляемые места определяют не только характер ландшафта, но и подчёркивают усложнение пути к цели, поскольку в этом ряду морошковое болото – наиболее труднодостижимое и труднопроходимое место.

Фиксировалось использование варианта этого текста в качестве заговора при лечении ребёнка парением в бане веником из карликовой берёзки. Здесь уже не ребёнок, а приставшая к нему болезнь отсылается в разные стороны, в том числе и в самое дальнее, на морошковое болото.

---

[6] *Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928. С. 168.*
[7] *Фольклор манси / собр., сост. Е. А. Кузакова. М., 1994. С. 127.*
[8] *ПМА Дроновой Т. И.*

Пышйö жö, пышйö
Чöдъя-пувъя ягö,
Озъя веретяö,
Мырпома нюрö.

Беги же, беги
В чернично-брусничный бор,
На земляничные поляны,
В морошковое болото.

В свадебных причитаниях коми-зырян созревание невесты и кратковременность девичьей поры оплакиваются, сравниваясь с коротким северным летом, где каждый летний календарный праздник соответствует расцветанию того или иного растения. Морошковая пора, по разным вариантам, приходится на Петров или на Прокопьев день:

Югыд шондіöй да менам
чветнöй чветитöмöй.
Петыр видзö пырöм дырся-й
веж турин дай чветöй...
Троича дырся да менам
корöсь кор чветöй...
Петыр лун дырся да менам
кисьмöм оз тусь чветöй...
Прокопей дырся да менам
кисьмöм мырпом чветöй...
Илля лун дырся да менам
омбра чветöй...
Шöр спас дырся да менам
кисьмöм чöд тусь чветöй...
Иван поснöй дырся да
кисьмöм пув тусь чветöй[9].

Светлое солнышко да моё
цветное цветение.
Петрова поста
зелёной травы цветение...
Троицкими да моё
листочками веника цветение...
Петрова дня да моё
созревшей земляники цветение...
Прокопьева дня да моё
созревшей морошки цветение...
Ильина дня да моё
дудника цветение...
Среднего спаса да моё
созревшей черники цветение...
Ивана постного да
созревшей брусники цветение.

Время летних гуляний северной молодёжи, когда она предоставлена своей свободе, было достаточно ограниченным. У русских и коми наиболее тесное об-

[9] *Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс / Сост. И. А. Осипов. Сыктывкар, 1986. С. 52.*

щение молодёжи происходило в Иванов день, на Петров день, на Прокопия, совпадавшее с «морошковым периодом».

Молодые люди встречались и знакомились во время сбора ягод вне любопытных глаз в известных всем ягодных местах. В частности, знакомства молодёжи на морошковых болотах между Удорой и Вымью или на Маджинских болотах на Вычегде часто заканчивались браками.

В усть-цилемской эротической загадке про морошку ягода связана с маскулинностью, хотя образность и тематика остаются при этом в контексте летних молодёжных игрищ:

Росло-повыросло,
Из портков повылезло,
С конца залупилось,
Красно появилось.

В отгадке «морошка» к двум сходным загадкам обских угров просматриваются метафорические параллели с образом богини Калтась и девушкой на выданье:

> *«Посреди болота женщина в красном (жёлтом) платке сидит» (ханты);*
>
> *«Моя загадка – эй! В далёком неведомом лесу аль в тёмном лесу, в неизвестном углу сидят женщины в жёлтых платках. Отгадай, что это? – Это морошка» (манси).*

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Материалы Сыктывкарского ЛВЗ.

Проблемы (труднодоступность сырья, истощение природных запасов) решаются в Финляндии, Скандинавии культивированием морошки. Но стоит отметить, что шансы морошки превратиться в полноценную садовую культуру в районах проживания коренного населения на российском Севере не велики. Причина не только в отсутствии земледельческих традиций, а в мировоззренческих установках: по народным представлениям, наиболее ценное, дающее силу и здоровье, возможно получить только от природы.

Монди СЛПК

Счастье, обретённое на СЛПК

СУММАРНЫЙ стаж работы династии Воробьёвых на СЛПК составляет 136 лет! У истоков этой трудовой славы стояли Людмила Павловна и Анатолий Андреевич, которым посчастливилось быть в числе первых строителей крупнейшего в стране лесопромышленного комбината.

Начиная рассказ о судьбе этой семейной пары, так и напрашивается известная фраза: ничего в нашей жизни не случайно.

– Без малого 40 лет отработала на водоочистной станции СЛПК, – рассказывает Людмила Павловна. – В Эжву приехала в июне 1969 года, когда само предприятие ещё строилось, но наш цех уже был. Прилетели в Сыктывкар

Воробьёвы в день бракосочетания.

3 июня, а тут холодно, сыро, только-только травка начинает пробиваться, а у нас на родине в это время буйно цвела сирень. Моя родина – город Волжск Марийской республики. Родители работали на марийском бумажном комбинате: мама бухгалтером, папа слесарем. Я и пошла по стопам отца. В семье среди троих детей я была старшей. В детстве хотелось стать фармацевтом, но ... Волжский целлюлозный техникум был ближе к дому. Успешно окончила отделение КИП (контрольно-измерительные приборы). В те годы в стране существовала замечательная система распределения молодых специалистов по объединениям, предприятиям по всему Советскому Союзу – от Дальнего Востока до Прибалтики. Наш преподаватель порекомендовал нам поехать на Всесоюзную комсомольскую стройку лесопромышленного комплекса в Коми АССР. Мол, откроете для себя много нового и интересного. Вот мы, шестеро девчат, и помчались судьбе навстречу.

На предприятии нас встретили дружелюбно, заселили в однокомнатной квартире на четверых. И дали направление в цех водоснабжения. Но начальник цеха Николай Борисович Лавинский с сожалением развёл руками, мол, одну из вас могу взять КИПовцем, а вторую – только электриком. Мы с подругой Галей переглянулись и... обе пошли на электрика.

Иногда слышишь, что не женская это работа – электрик. На что я отвечаю: а космонавт или сварщик – это мужская или женская работа? К примеру, в нашем цехе сварщицей работала Нина Изосимовна Крыкова. Отличным была специалистом. Не везде сила: где уменье, а где и терпенье. И женщинам многое по плечу! 15 лет я работала сменным электриком.

После рождения третьего ребёнка устроилась оператором пульта управления. Наш цех обеспечивал водой весь комбинат. Причём не обычной водой. Для обеспечения качества изготовляемой бумаги вода должна быть чистейшей. Поэтому наши операторы занимались очищением воды, поступавшей из Вычегды.

Тут Людмила Павловна увлеклась посвящением собеседника в тонкости производственного процесса, об отстойниках, фильтрах, химических препаратах, о породах песков, через которые пропускается вода. Оживлённо вспоминала, как сами, спустившись в бетонные ёмкости глубиной 6 метров, лопатами очищали их от песка и грязи. Было таких фильтров 18. Эмоциональные воспоминания Людмилы Павловны дали достаточно яркое представление о непростой технологии очищения воды.

За четверть века труда на ЛПК Людмила ни разу не пожалела о выбранной профессии.

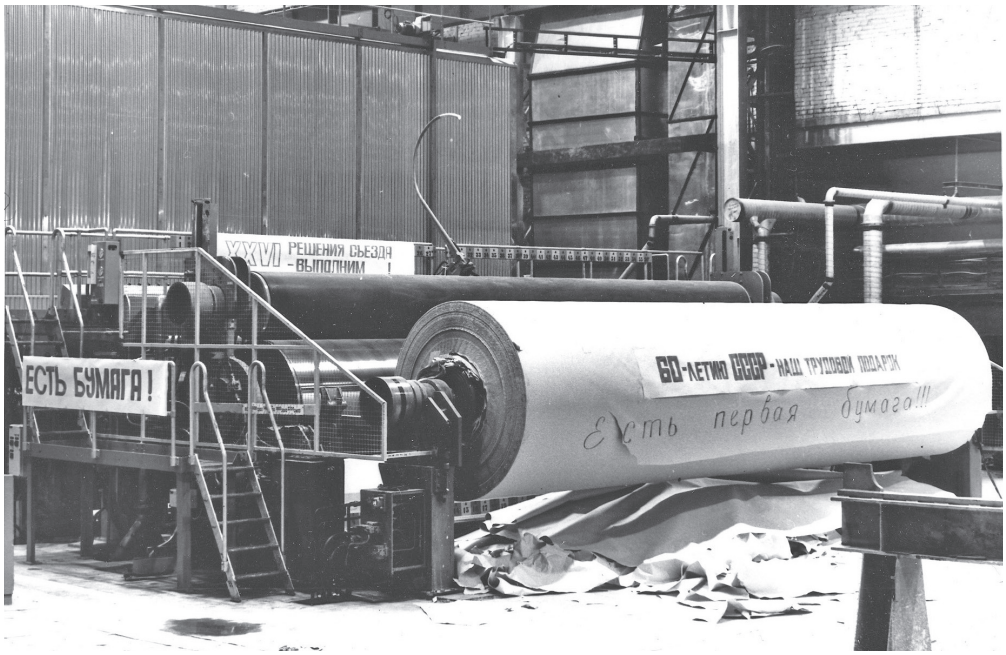
– На станции нас трудилось 10 человек, и каждый был мастером своего дела, без посторонней помощи умевшим выполнять весь процесс водоочистки. В процессе работы с нами проводили учёбу по повышению квалификации. Наш руководитель Ирина Николаевна Крупина через каждые два года прово-

дила сложнейшие техминимумы. И попробуй было не выполнить их!

А какой на комбинате собрался дружный и действительно молодёжный коллектив: рабочие и специалисты со всей огромной страны, говорившие на разных языках! Никогда не было недоразумений на национальной почве. Будучи и в комсомоле, и в рядах КПСС, мы принимали участие во всех субботниках и демонстрациях, в добровольной пожарной дружине и ДНД, были даже добровольными донорами. Такие мероприятия сплачивали людей. Сейчас об этом времени вспоминаем с ностальгией. На предприятии зародилась традиция наставнического движения. И я была наставником. Мои коллеги проработали на производстве до 55 лет, а я на пенсию ушла в 60: поскольку ко мне прикрепили начинающих рабочих, нужно было их обучить всему.

При мне рос и расширялся комбинат. В июне 1969 года состоялся первый пуск картона. Помню, это была суббота, и как раз работала наша смена в составе Софьи Петровны Зарума, Катерины Петровны Родимцевой, Тамары Леонидовны Русаковой. Начальник смены – Валентина Григорьевна Канищева. Заместитель главного энергетика Афанасий Павлович Ермаков с торжественным видом принёс нам показать первую нашу продукцию – кусок картона. Мы с гордостью смотрели на него как на чудо, сознавая, что в этом картоне была доля и нашего труда.

Работая в большом коллективе ЛПК, я получила не только радость труда, возможность обрести новых друзей,



которые навеки остались самыми испытанными и верными, но и своего суженого. А случилось так.

Захожу как-то в щитовую, а мне навстречу выходит парень в солдатских брюках и зелёной рубашке – в те годы у нас ещё не было спецовки. Как бы между прочим, поинтересовалась у коллеги о молодом человеке. Сказали, что это Толя Воробьёв, слесарь водоочистной станции. Не отрицаю: заинтересовалась. Но парень не реагировал на моё к нему внимание. Потом уже пояснил, что он поставил перед собой задачу вначале окончить техникум, как в известной песне. Толя учился на вечернем отделении Эжвинского целлюлозно-бумажного техникума и до его окончания не позволял себе никаких романов. А встречаться мы стали с 1972 года.

– Как роман развивался? Поди, под ручку гуляли, песни пели?

– Насчёт песен не скажу: ему медведь на ухо наступил, а я петь люблю со студенческих лет. Нынче предпочитаю старинные, в которых есть смысл и душа, такие как «Старый клён» или папина любимая «На безымянной высоте» (её иногда пою своим внукам по их заявке). Ну, значит, зацепилась я за Анатолия и думала: техникум он окончил, а предложение не делает. Если сейчас не позовёт меня замуж, то уеду из Сыктывкара. Так бы и случилось, но у нас с Толей всё сложилось. Полагаю, что не без моего настырного характера.

Как-то, уезжая в отпуск в свой Прилузский район, Анатолий то ли шутя, то ли всерьёз заявил: «Если найдёшь

меня, поженимся». И что вы думаете? Поехала за ним в деревню и нашла! А как иначе? Он был такой надёжный, спокойный, отзывчивый, для всех являлся «палочкой-выручалочкой». Другого такого парня на свете быть не могло. Так, по крайней мере, я считала. Ну, значит, я его нашла, а он сдержал слово, – заливисто смеясь, вспоминает Людмила Павловна. – Второго февраля 1974 года состоялась наша свадьба. Говорят же, чтобы отправиться в путь с одним человеком, необходимы три вещи: любовь, доверие, верность. Это всё про нас с ним. Через месяц нам дали комнату в малосемейке.

Тут в воспоминания подключается Анатолий Андреевич и с лёгкой иронией поправляет жену:

– Расскажи, как мы с тобой после свадьбы три месяца проживали в разных общежитиях. В женском пансионате был пропускной режим, не пускали даже молодожёнов.

О нём. Анатолий Андреевич родом из села Спаспоруб Прилузского района. В школе, носившей звание Героя Советского Союза Ивана Маркова, помимо базового среднего образования ребят обучали животноводству, растениеводству, сельхозмашинам, то есть готовили аграриев. Вместе с аттестатом зрелости выпускникам вручали права тракториста и машиниста. Анатолий по окончании школы год отработал помощником машиниста в Порубской ММС. Потом была служба в Вооружённых силах СССР – три года на строительстве ракетных площадок.

– Служба была сложной, – вспоминает ветеран ЛПК. – Мы-то выросли в лесном краю, среди сосен и берёз, а там – ни одного деревца, до самого горизонта голая степь да знойное солнце над головой. Зимой температура опускалась до 20 градусов мороза и гулял сногсшибательный ветер. Красиво было только в апреле, когда степь превращалась в тюльпановый ковёр. В степях нас сразу поставили на хозрасчёт: за еду, за баню, кино, одежду и обувь высчитывали с зарплаты. Работали по 10–12 часов в сутки. Только там я понял, что такое стройбат. За три года армейской службы ни разу не держал в руках ни винтовки, ни автомата. И не сделал ни одного выстрела. Солдатскую форму носили только в период учёбы в Москве.

Демобилизовался осенью 1968 года. А брат-близнец, отслужив к тому времени в Германии, устроился на работу на ЛПК и меня к себе позвал. Я и приехал сюда. Так в декабре 1968 года с должности слесаря пятого разряда началась моя трудовая биография.

– Хорошее было время. На первых порах жили в обычных стандартных домах, пацаны в одном подъезде, девчонки в другом. В трёхкомнатной квартире проживало 9 человек. Пятеро из нас окончили вечернее отделение целлюлозно-бумажного техникума, который размещался в деревянном двухэтажном здании в пяти километрах от центра Эжвы. По окончании учёбы был принят на службу в цех снабжения, половина здания которого к тому времени ещё не была достроена, то есть стены-то были, а кровлей служи-

ло небо. Сюда привозили гравий, который разделяли на фракции. Всё это загружали в фильтры. Поверх гравия насыпали кварцевый песок толщиной в два метра (его завозили аж с Волгограда). И чтобы получалась пригодная для производства вода, её пропускали через кварцевый песок. Грохот от всего этого стоял несусветный. Отработал я на производстве 37 лет, 3 месяца и 25 дней и в 60-летнем возрасте уступил место молодым.

За многолетнюю работу в комбинате, большой вклад в производство, активную общественную работу Анатолий Андреевич отмечен множеством ведомственных и правительственных наград, грамотами, юбилейной медалью «За доблестный труд».

– Сейчас мы на пенсии, – продолжает Анатолий Андреевич. – А трое сыновей продолжают наше дело: все работают на ЛПК. Костя – слесарь с 17-летним стажем. 22 года электриком трудится Андрей. Степан – слесарь-сварщик, тоже на комбинате вот уже 12 лет. Да ещё Слава, брат Людмилы, в течение 8 лет работал в варочном цехе. Так что мы не без основания гордимся семейным стажем на ЛПК. А он ни много ни мало, а 136 лет!

Ветеранами ЛПК являемся не только мы, но уже и наш сын Степан дожил до такого статуса. Мы всегда придерживались мнения, что лучше быть хорошим рабочим, чем плохим инженером. Это я к тому, что наши сыновья, окончив ГПТУ, получили ещё и высшее образование. Костя окончил лесотехнический институт, а Стёпа кроме обучения в лесотехническом институте получил диплом юриста. Все эти знания непременно пригодятся в жизни детей. Подрастают у нас и внуки – три внучки и два внука: старшей 13 лет, младшему 3 годика. Так что наши руки всегда ждут внуков.

Но не только семейными заботами живёт чета Воробьёвых. Находят время и для отдыха. Если раньше Людмила Павловна предпочитала отдыхать на Волге, а Анатолия тянуло в Прилузье, то в последние годы они всё чаще стали выезжать на море. Хотя, как считает Людмила Павловна, отдых на Волге несравним с морскими пляжами.

– Иногда спрашивают, не жалею ли я, что когда-то приехала на Север, – продолжаем беседу с Людмилой Павловной. – Честно скажу: я очень довольна прожитыми здесь годами. Жаль, что жизнь прошла как один миг. Всяко в ней бывало, но хорошего было значительно больше. Мне повезло с работой, горжусь нашим коллективом. Неизгладимое впечатление осталось от встреч с бывшим директором ЛПК, Героем Социалистического труда Н. Н. Балиным, которого мы все уважали. Благодаря ЛПК мы получили замечательную трёхкомнатную квартиру. И, что самое главное, если бы в моей жизни не было ЛПК, то я никогда бы не встретилась с Анатолием, с которым в этом году отметили нашу сапфировую свадьбу.

Бытует мнение, что для полного счастья человек должен построить дом, посадить дерево и воспитать сына. В этом смысле мы с моим Андреевичем план перевыполнили. И гордимся этим.

Жаль, конечно, что «наши годы, как

Анатолий Андреевич Воробьёв на рабочем посту.

птицы, летят...». Вроде только вчера спешили на свою смену, а вот уже дошагали до бархатного сезона. Но несильно грустим по этому поводу, ведь у каждого возраста есть свои плюсы. Мы благодарны предприятию, которое не забывает своих ветеранов.

В этом году нашему цеху исполнилось 50 лет. По этому случаю на комбинат были приглашены все ветераны. Мы посидели за праздничным столом, вспоминали славные годы и коллег, которых уже нет среди нас. Пели песни своей молодости, особенно душевно получились «Подмосковные вечера». Все остались довольны и высказали пожелание непременно повторить встречу через 5 лет.

Анатолий и Людмила Воробьёвы.

На СЛПК замечательно работает совет ветеранов. Совместно с администрацией СЛПК ежегодно выделяет ветеранам путёвки в профилактории. Не раз и мы отдыхали в санатории Геленджика. А ещё в День пожилых людей традиционно встречаемся в Коччойяге. Поздравляют нас и с юбилейными датами. Да и материальную поддержку оказывают. Так что родному ЛПК мы можем сказать только великое спасибо за добрую память, заботу и внимание, а коллег поздравляем с полувековым юбилеем предприятия, в успехах которого есть частичка и нашего труда.

Светлана МУРАВЬЕВА.

От «Дружбы» к «Егорке»

За пять десятилетий на предприятии сменилось не одно поколение сотрудников. Производство модернизируется, техника становится всё умнее и безопаснее. Но самые существенные изменения произошли в лесозаготовке, где на смену ручной пиле пришёл харвестер. В этом номере мы расскажем о машинисте лесозаготовительной машины и о его предшественнике – вальщике и трактористе.

Владимир КАРМАНОВ,
вальщик, тракторист (с 1971 по 2004 год):

– Моя трудовая история началась ещё в 16 лет, но в Базовский лесопункт я попал в 19. За три десятилетия моей работы организация сменила много имён, да и посёлок Усть-Нем База был переименован в Югыдъяг.

В лесу показали, как деревья пилить, валить – и вперёд. При мне пилу «Дружба» уже заменила бензопила «Урал». Некоторые валили вдвоём, я справлялся один. Делаешь запил, вставляешь в него лопатку и подталкиваешь ствол. Позже вместо лопатки летом стали использовать гидроклин.

Бригада состояла из шести человек. Зимой прибавлялись откопщики. В основном это были женщины. После валки вступали сучкорубы, тоже часто женщины. Потом трактористы трелевали хлысты на площадку и грузили их на порожняк тепловоза. Сортировали и раскряжёвывали уже на складах. При мне приходили первые советские валочные машины на базе Т-34. Появлялись подборщики, трелёвочные машины и сучкорезки.

Валка леса – это тяжёлый физический труд. Мы, молодые и сильные, работали в любой мороз, главное, чтобы техника завелась. Вот в минус 45 градусов пила уже не заводилась. Я вспоминаю, что работать было не столько тяжело, сколько весело.

Бригады у меня всегда были дружные. Все друг другу помогали. И люди старались работать. От заготовки зависела зарплата – получали мы неплохо. Летом могли позволить себе любой курорт.

Условия работы тоже были неплохими. На делянки нас возили тепловозами: к шести утра – на перрон, по пути – детей в детский сад, а возвращались домой к восьми вечера. Летом жили в лесу в вагончиках, будках. Там же – рабочая столовая. Помню, что всегда хорошо обеспечивали спецодеждой.

Образование нам хоть и не требовалось, но инструктаж по безопасности мы все проходили, ведь работа с пилами и топорами довольно опасная. Но, конечно, травмы случались.

Позже меня призвали в армию, а там я получил «корочку» тракториста. Много лет ещё отработал на спецтехнике в лесу и на складе. Однажды мне предложили доработать новый трактор. Подумал и установил на него приспособление для погрузки леса. Начальство за это мне даже выдало премию.

Вообще воспоминания о работе добрые. Всегда на свежем воздухе. Как-то на своём участке обнаружил аж 13 глухариных гнёзд. А такие деревья, как и сегодня, валить нельзя. Так и ушёл ни с чем.

Супруга моя тоже работала в лесу. Женщины там трудились наравне с мужчинами, выбора не было. С Анной Васильевной мы успели вырастить троих сыновей. Сегодня на пенсии воспитываем шестерых внуков.

Илья КВЯТКЕВИЧ,
машинист харвестера Верхне-Вычегодского участка
Восточного отделения СЛ УЛО:

– На Монди СЛПК я попал в 2012 году. Занимаюсь заготовкой сортимента. Сейчас стоим в Пожегодском лесничестве. Вахта длится 15 дней, потом столько же отдыхаем. В смену работаю по 12 часов с перерывами. К графику привык, но ночные смены к концу вахты выматывают. У дневных смен своя специфика – на них выпадают ремонты.

Машина у нас сложная, но умная и мощная – Ропззе Егдо, а по-нашему «Егор-

ка». Первые дни я, честно, его побаивался, осторожничал, а форвардисты сильно меня ругали. Но через три-четыре месяца втянулся, вырос темп, ошибок стало меньше. Тут главное – опыт. При этом харвестер настолько умный, что иногда корректирует работу машиниста – прощает мелкие ошибки.

На вахте Монди СЛПК отличные условия труда. Питание, жильё – всё на высшем уровне. В моём балке живёт семь человек. В кубрике нас четверо – двое на смене, двое спят. Есть сауна с душевой, телевизор и связь.

Сам я родом из деревни Пузла Усть-Куломского района. Но сейчас проживаю в Ухте с женой и двумя детьми. Они уже привыкли к моему временному отсутствию, но, конечно, скучаем друг по другу. Связь очень выручает – каждый день созваниваемся. Зато не ссоримся!

На вахте подобрался хороший коллектив, все дружим. На харвестере стажировал меня мой нынешний сменщик Иван Петров. Помогал во всём, ремонтировать технику научил, за что я ему очень благодарен. И с начальством, с механиками мне повезло. Тут ценят тех, кто хорошо работает. К нашему мнению прислушиваются. Но и требуют по максимуму.

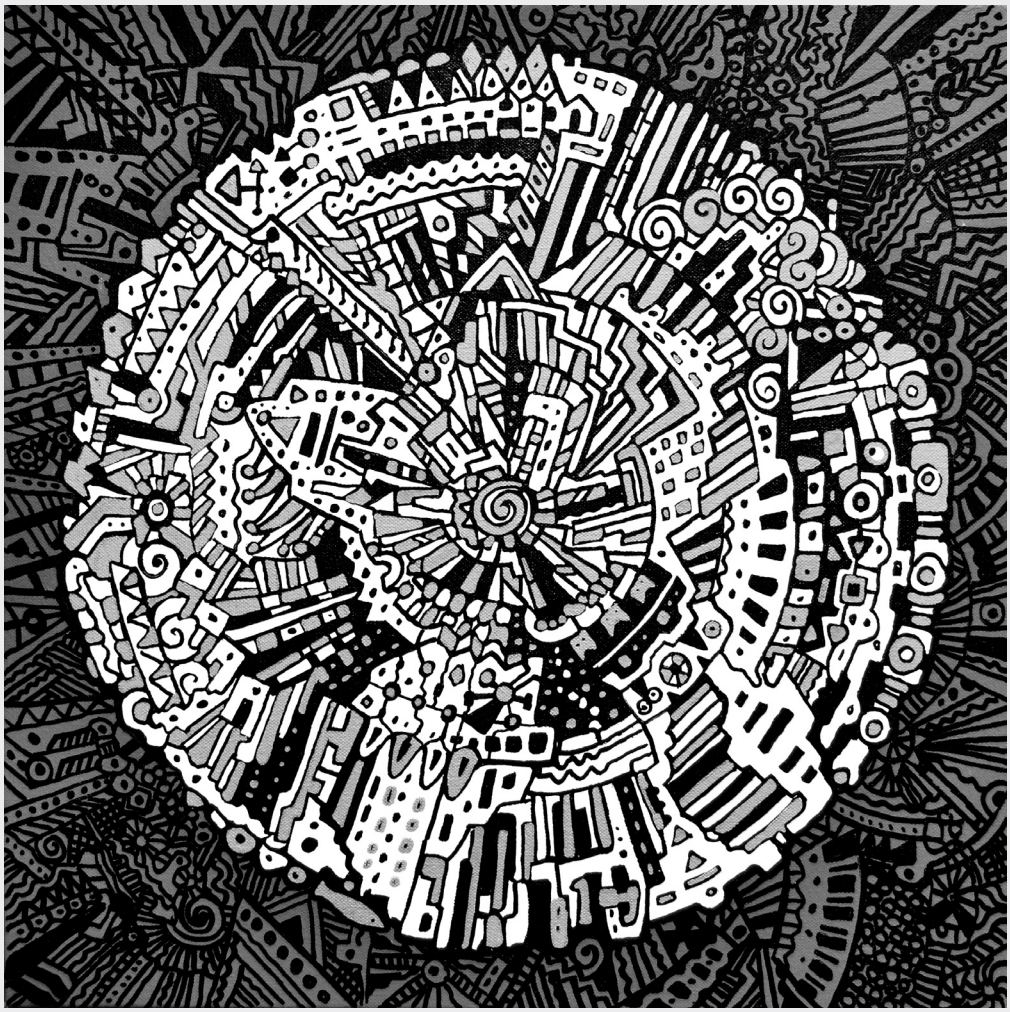
Илья Квяткевич и Иван Петров получают новый харвестер.

Особенно строго у нас с техникой безопасности. В лесу мы хоть и не на глазах у руководства, но это не значит, что работаем спустя рукава. Правила жёсткие придуманы для нашей же пользы.

Вообще тут интересно. Работать на такой технике крайне увлекательно. А к лесу относимся бережно. Всё по науке: мы не «косим» сплошняком, а оставляем важные биотопы – гнёзда, семенные деревья, участки леса вокруг ручьёв, чтобы сохранилось биоразнообразие на делянке и лес смог восстановиться.

Однажды в Пожегодском лесничестве вокруг охотничьей избушки оставили участок леса 300 на 200 метров, чтобы сберечь место охотничьего промысла. Вчера вот на делянке не тронули ветровал с подростом. А летом 2014 года в Вольдинском лесничестве мы с коллегами наткнулись на пустую медвежью берлогу. Будет что детям и внукам рассказать!

Арт-факт



«Отрезки жизни»

Мне бы не хотелось находить в этом стиль...
Андрей Битов.
«Птицы, или Новые сведения о человеке»

ОЛЬГА ОРЛОВА

Ольга Владимировна Орлова – член Союза художников России, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми.

13 июня в одном из выставочных залов Национальной галереи Республики Коми открылась персональная выставка Нины Елиной «Всё как у людей». Художник так определяет цель выставки: «Признание в любви к несовершенным и прекрасным созданиям. Любовь ко всему живому, естественному». «Жизнь у каждого одна, а потому – рождайся, расти, люби, старей и будь самим собой. Красота не в совершенстве, она во всём, что внутри человека и в его окружении. Относись к несовершенству мира с юмором и доброй иронией, так как без них не бывает настоящего».

Удивить этот мир трудно. Можно только поразить простыми вещами: очевидными и всем доступными. Искусство Нины Елиной – ЭКОЛОГИЧНО. Ничего не открывая нового, она лишь честно и свежо публикует на листе первородное отношение к миру, новый способ описать этот естественный мир человека.

В экспозицию вошло несколько десятков графических листов, сюжеты которых автор наблюдает в обычных ситуациях повседневной жизни. Гротесковость (одна из основных категорий нашего времени) сложных комических изобразительных образов, крайняя экстравагантность форм, где смешаны реальность и выдумка в работах Нины Елиной, носит эпатирующий характер, сочетая в себе анекдотичность ситуаций и карикатурность персонажей. Художник виртуозно демонстрирует «перетекания» различных проявлений бытия в формы искусства, в особый конструктивный способ его отображения («Дачники», 2012; «Большая стирка», 2016; «Тесто», 2017). Талантливые фигуративные, юмористические и сатирические рисунки на социальные, личные или бытовые темы выводят из равновесия. Образная ост-

рота, динамичность её работ действует подобно прочищающему мозги «оздоровляющему шоку» (В. Мейерхольд).

Зритель наблюдает интерес художницы к частной жизни с точки зрения культурно-бытийного процесса. Её листы – изобразительное жизнеописание «мира народного», общей массы народа в разных проявлениях: в празднике, в повседневности, в закрытых интимных ситуациях. В остроумной художественной летописи сельской жизни Нины Елиной отсутствуют великие политические, религиозные, научные, экономические сюжеты. Она рисует только единичную повседневную жизнь приватного, маленького человека глубокой провинции, человека, живущего рядом. «Художественный дневник» повседневной, «обыденной» жизни – точная визуализация человеческих проявлений, альтернативной реальности, к которой редко обращаются художники. В некоторых работах этические моменты переплетаются с социальными («Дорогой наш юбиляр», 2012).

С работой «Коляда» у художницы связаны детские воспоминания: «На святки всегда в деревне ходили «кути-мути» – так их моя бабушка называла. И к нам заходили. Поздно вечером постучали в окно. Бабушка сказала мне, чтобы я не выглядывала, так как могу испугаться. Я всё же выглянула (на картине как раз этот момент) и вправду испугалась. На меня смотрела размалёванная чем-то чёрным «рожа».

Нина Алексеевна ЕЛИНА (СМЕТАНИНА)

родилась 29 марта 1982 года в селе Летка Прилузского района Республики Коми. Рисует с детства, со временем увлечение переросло в творческую профессию. В Забайкалье приехала в 2000 году, в средней школе села Домна окончила 11 класс. В 2005-м окончила факультет художественного образования Забайкальского Государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности преподавателя изобразительного искусства. Работала ассистентом на кафедре ИЗО ЗабГГПУ, бутафором, художником-постановщиком театра, художником-декоратором, вела курсы ювелиров, преподавала изобразительное искусство в МОУ СОШ села Домна.

Тогда она мне показалась очень чёрной и очень страшной. Мне было лет 8-9. Потом я и сама колядовать ходила. Но это лицо запомнила на всю жизнь».

Художница с помощью отделения цветовых зон друг от друга, избегая цветовых переходов и полутонов, прибегая к контурным линиям, создаёт единый колорит, где рисунок и цвет подчёркивают друг друга. Используя разные техники и материалы (пастель, гуашь, акварель), она усиливает драматургию, лиризм, иногда вводя текстильные элементы («Автодром», 2017; «Танцы») и даже совсем нехудожественный материал – шелуху семечек («7 марта», 2017).

В некоторых листах уменьшено количество участников сцен («Дачники», 2012; «Бусики», 2013; «Бэсса мэ», 2010; «Ещё ничё»). Фигуры на них чёткие, крупные, изображены пластически объёмно. Художница не преследует цели выделения индивидуальной личности, хотя все персонажи персонофицированы, списаны с реальных людей и ситуаций. И всё это жизненно оправдано.

Интерьерное пространство Нина Елина предпочитает в качестве среды для своих героев: дом («С праздником», 2010; «Воскресное утро», 2012; «Суббота», 2016; «Хорошее настроение»; «ПП. Правильное питание»; «Тесто», 2017; «Перед выкупом»), клуб, театр, парикмахерская («7 марта», 2017), университет («Защита диплома», 2015).

Тяготение к гротеску, в рамках которого подчёркнутая реалистичность и детализированность изображения порождает эффект ирреальности и неправдоподобия окружающего мира. На одном листе изображение обретает характер единовременности представленных событий, сцен.

Интерес к теме сельской повседневности носит личный характер и определяется её внутренней направленностью. В 2015 году Нина Елина переехала из Читы в село Летка Прилузского района. Постоянное общение, наблюдение за естественной жизнью сельских жителей, обладающих огромным затаённым запасом внутренней энергии, позволил художнице передавать жизненные явления в их подлинности. Праздники, народные гуляния, торжества – массовая форма проявления энергии – популярна особенно в деревнях. Философско-изобразительное осмысление Ниной Елиной ухода от повседневности в своеобразную форму народного протеста и самоутверждения.

На красочной и многофигурной композиции «День села» (2017) художница создала изобразительный рассказ о жителях, воспользовавшихся поводом и собравшихся на сельской площади. Густо заполненный фигурами лист с множеством жанровых сценок производит впечатление декоративного ковра-сказа.

Несколько листов посвящены теме танца («Танец», 2011, 2012; «Танцы», 2016). Спаянные фигуры танцующих в движениях выстроены в своеобразные и очень красивые цветовые гирлянды, собранные из положения рук и ног, цветных акцентов одежд, платков.

Нина Елина объединяет людей в единое целое, в единый порыв.

Веселье, сопровождаемое песнями, танцами, застольем, разговорами, трактуется художницей без идеализации, изображая людей такими, какими она их видит в действительности: с обуревающими эмоциями, грубыми, иногда примитивными, невозвышенными страстями. У Нины получается делать героев своих произведений привлекательными, не приукрашивая их.

Естественность, неуклюжесть и непосредственность приближает её зрительные образы к первооснове. Весь этот «коллектив образов», без оглядки взирающих на мир, объединяет общность поведения, близость к природе, которая не противоречит здравому смыслу. Глядя на работы, не хочется думать о человеческой греховности, она уходит на второй план.

В строе картин художница смогла легко и убедительно передать чувство радостной жизненной силы. Изображённые пороки, свойственные всем людям, уступили место прямым смыслам.

На выставке представлено несколько кукольных композиций из коллекции художницы. Образное решение в графических листах переросло в трёхмерный объём. Обращение Нины Елиной к кукле, имеющей широкие возможности в системе культуры, – актуально, современно, исключительно серьёзно. С большой любовью и тщательностью сделана каждая деталь, мельчайшие элементы декора.

Экзистенциональные переживания зрителя провоцируют на создание новой реальности, в которой зритель, играя, удваивает свою жизнь, эмоционально, этически, познавательно.

Зрители в выражении эмоций органично включены в образный строй. Посетившие выставку артисты Московского академического театра им. Владимира Маяковского эмоционально и органично включились в образный строй экспозиции и оставили восторженный отзыв: «Вы фонтан эмоций, фантазии и позитива! В Ваших работах столько честности и правды! Блеск!... Удивительная, снайперская наблюдательность! Юмор и грусть! Это заслуживает международного внимания!.. Выставка – блеск!!! По духу – наша родная, театральная среда!!!»

Морально-дидактическое направление творчества художницы даёт возможность возродить забытое мироощущение далёких эпох – здоровое, простое, воскресить явления (карнавальность, скоморошество, балаган), неразрывно спаянные с гротеском как функциональным приёмом заострённого, визуализированного осмеяния мутаций человеческой природы и нравов.

Бег. *2018. Бумага, пастель.*

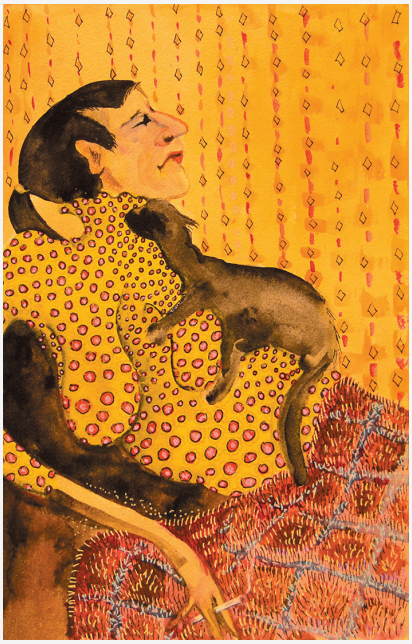
Танец 1. *2014. Бумага, гуашь, тушь.*

Защита диплома. *2014. Бумага, гуашь, тушь.*

Премьера. *2015. Бумага, гуашь, акварель.*

Море. *2009. Бумага, гуашь.*

Крещение. *2016. Бумага, гуашь, пастель.*



Без названия. *2013. Бумага, акварель, гелевая ручка.*

Ивановский текстиль. *2012. Бумага, акварель, тушь.*

Бусики. *2013. Бумага, гуашь, тушь.*

Бэсса мэ. *2011. Бумага, гуашь.*

Перед выкупом. *2014. Бумага, гуашь, тушь.*

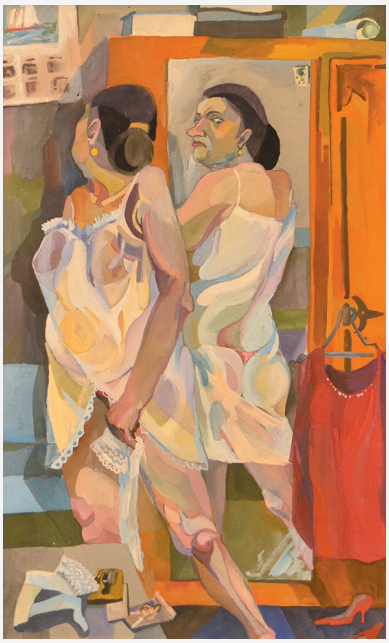
Мама. *2009. Бумага, акварель, тушь, гуашь.*

Жена. *2016. Бумага, акварель, тушь.*

День села. *2017. Бумага, акварель, тушь.*

Вечер. *2013. Бумага, гуашь.*

В клубе. *2006. Бумага, гуашь.*



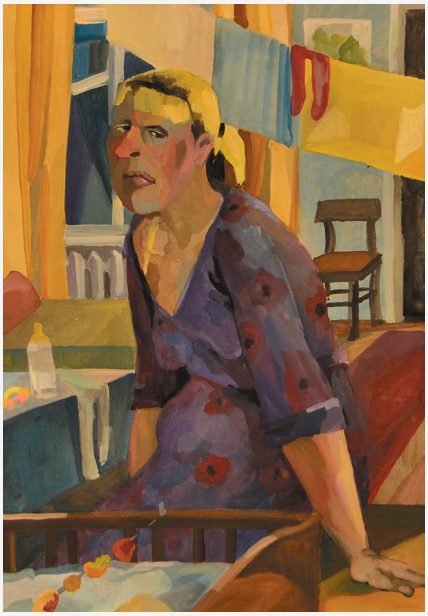
«Ещё ничё». *2009. Бумага, гуашь.*

Без названия. *2013. Бумага, акварель, гелевая ручка.*

Куриный батальон. *2018. Бумага, пастель.*

Доброго сна. *2013. Картон, гуашь.*

Дачники. *2012. Бумага, гуашь.*



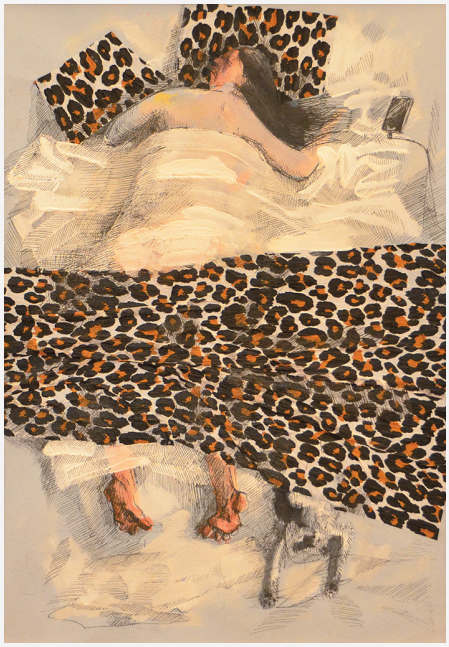
Материнство. *2011. Бумага, гуашь.*

С праздником. *2010. Бумага, гуашь.*

Сатиновые. *2016. Бумага, гуашь.*

Без названия. *2013. Бумага, акварель, гелевая ручка.*

Эритроциты юга. *2018. Бумага, пастель.*



Леопардовая. *2019.*
Бумага, акварель, тушь, коллаж.

Встречные. *2015.*
Бумага, акварель, тушь.

Танцы. *2016. Бумага, текстиль, гуашь.*

В парикмахерской. *2013.*
Бумага, акварель, тушь.

Первый раз. *2008. Бумага, гуашь.*

В подъезде. *2012. Бумага, гуашь.*

Школьная столовая. *2011. Бумага, гуашь.*

Смотрительница. *2017. Проволока, паперклей, текстиль.*

Домохозяйка. *Проволока, паперклей, текстиль.*

Встречные. *Проволока, паперклей, текстиль.*

Русалка. *Проволока, паперклей, текстиль.*

ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛÖН ЛИТЕРАТУРНÖЙ ЖУРНАЛ

Анастасия
СУКГОЕВА

ВИЛЬЫШ МОЙДКЫВ

Кывбуръяс

Тӧв тэрмасьӧ

Тӧлыс локтіс-тэрмасис,
Гӧпъяс вомӧн чеччаліс.
Крукасис да конъясис,
Ва гуранӧ веськаліс.

Вайӧм лымсӧ разӧдіс...
Код нӧ сійӧс вӧтӧдіс?
Ассьыс гынкӧм вазьӧдіс,
Еджыд пасьсӧ кӧтӧдіс.

Муыс – быттьӧ арын – сыв.
Тӧлыс бӧрдӧ вынтӧма:
«Косьтыся да градъяс выв,
Юяс ёна кынтала!»

Зима спешит

Зима спешила, спотыкалась –
Она опаздывала малость.
Зима несла снега и стужу,
Но второпях упала в лужу.
И вместо холода, метели
Снег мокрый падает неделю.
Зима ворчит и шлёт угрозы:
«Вот обсушусь – придут морозы!»

Зачем ботинкам язычок?

Зачем ботинкам язычок?
Бегут – молчок, стоят – молчок.
Понятно, нужен каблучок –
Я им стучу. А язычок?

Зачем? И всё же, может быть,
Ботинки могут говорить?
И в темноте, когда я сплю,
С носками шепчутся в углу.

Мыйла ботинкилы кыв?

Мыйла ботинкилы кыв?
Некор сёрнисö ог кыв.
Мунö – чöв. И сувтö – чöв.
Гöгöрвоа, колö кöв –
Сытöг кöмöс вошта стöч.
А вот кывйыс – нем оз вöч!

Гашкö, сійö войбыд
Тяпияслы мойдö?

Хитрые рыбёшки

Река покрыта снегом, льдом.
Зимой в реке темно.
Но свет попал рыбёшкам в дом –
Рыбак пробил окно.

Но к лунке не спешат судак,
Плотва и окунёк.
– Ты не обманешь нас, рыбак!
Мы видим твой крючок!

Мудер чери

Ю тупкысьöма шебрасöн,
Йи улын узьö дыр.
Став чери – пемыд дзебасын,
Öд югыдыс оз пыр.

Но чери кыйысь вайис чер
Да вöчис öшинь розь.
А чериыс тай – ок, мудер! –
Оз лок – сэн вугыр ёсь.

Лужи улыбаются

Всем дождик на свете, конечно же, нужен.
Но больше всего рады дождику лужи.
Чем ливень сильнее, чем капли крупней –
Тем больше улыбок всплывает на ней
И круглых
взрывных
озорных
пузырей.

Зэригöн

Нимкодясьö ва гöп:
«Зэрö! Зэрö! Зэр!!!»
Сымда сылöн радыс –
Пытшкöсас оз тöр.

Гильöдчöны войтъяс:
«Тюпи-тёпи-тёльк!»
Гигзьö-быгзьö гöптыд –
Пöльтчö-потö больк.

Слöн

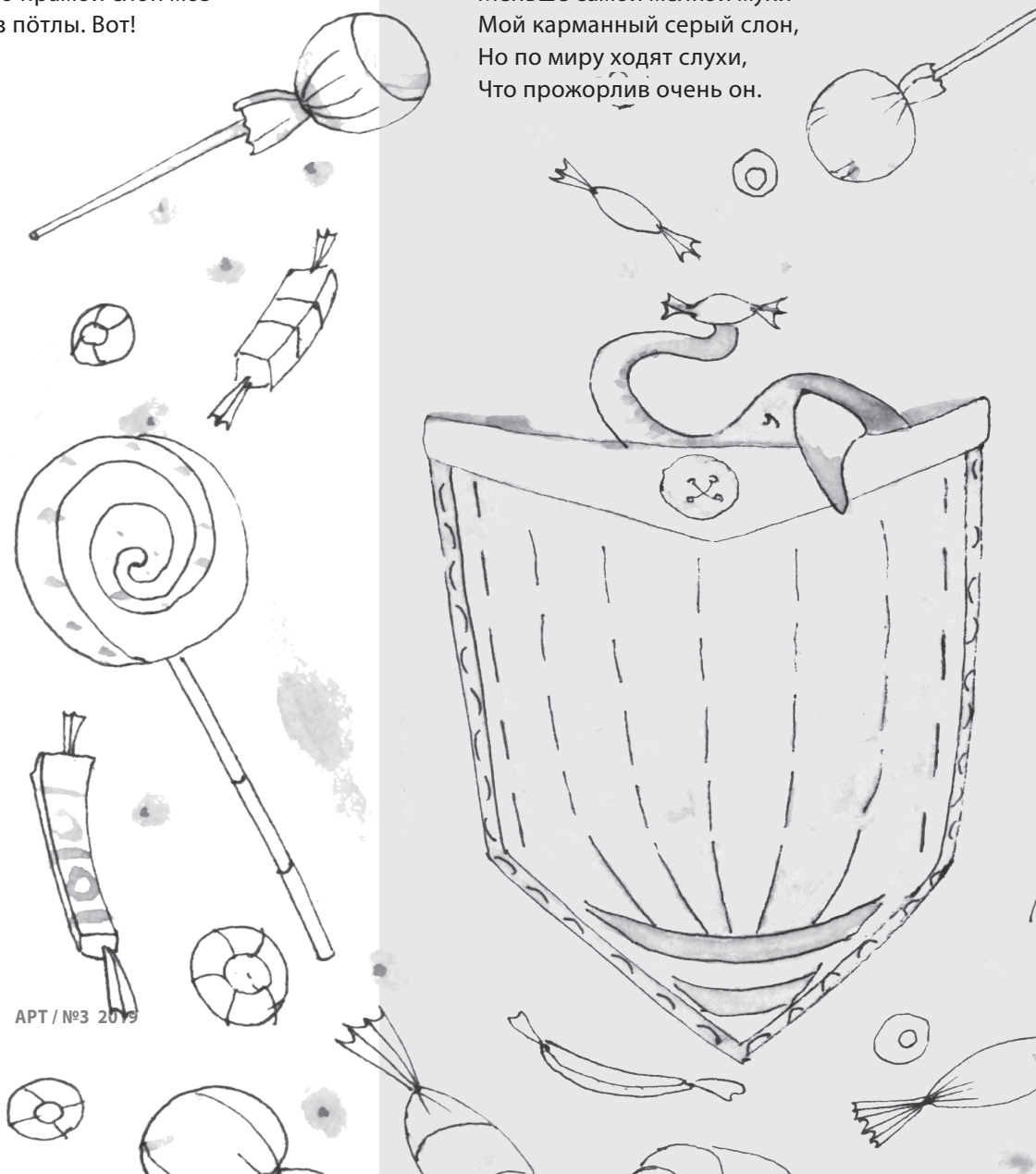
– Коді сёйис преник?
Кампет кöрöб кöн?
– Тайö менам зептö
Овмöдчöма... слöн!
Шыд ни рок оз радейт,
Картупель оз кор,
Морковтö оз мурскы.
Сöмын юмовтор!
Сійö кöть и дзоля,
Быттьö кодзувкот,
Сёйö прамöй слöн моз
И оз пöтлы. Вот!

Карманный слон

Положу в карман конфету,
Накрошу туда батон.
Вам скажу я по секрету:
У меня в кармане... слон!

Он не кушает сосиски
И не хрумкает салат.
Просит пряники, ириски,
Карамель и мармелад.

Меньше самой мелкой мухи
Мой карманный серый слон,
Но по миру ходят слухи,
Что прожорлив очень он.



Спор о книжках

Всю ночь в библиотеке
Пищали громко мышки
И спорили, какие
Им лучше выбрать книжки.

– С картинками берите!
– Ах, только не про кошку!
– А я возьму про море –
Тяните за обложку!

– Вы азбуку найдите –
В ней буквы покрупней…
– А я возьму словарик –
Чем толще, тем вкусней!

Цветущий ёжик

Однажды ночью тёмной
Морозною зимой
Родился ёжик скромный
Под старою сосной.

Он был как все ежата:
Нос, лапы, голова.
И ушки чуть прижаты.
Но вместо игл – трава.

Пусть колются снежинки
И воет ветер злой.
Почешет ёжик спинку –
Запахнет, как весной.

«Такого не бывает!» –
Твердит лесной народ.
А ёж о том не знает,
Он ходит
и цветёт.

Шыръяслӧн пажын

(кывпесана кывбур)

Лыддьысянінын
Пажнайтігтырйи
Вензисны ёна
Кузь бӧжа шыръяс.

Быдсикас небӧг
Бӧрйыны позьӧ.
Кутшӧм нӧ бурджык? –
Воӧны косьӧ.

– Корсьӧй вай, кытӧн
Гырысьджык шыпас!
– Серпаса босьтӧй!
– Кыскӧй мем кыкӧс!

– Шыпаса, серпаса –
Мем ставыс веськодь!
Кызджык да чӧскыдджык
Аддзыны эськӧ...

Дзоридзалысь ёжик

Дивӧ лои ылі вӧрын:
Кӧдзыд тӧвся кадӧ
Пожӧм улын тшук вой шӧрын
Ёжик чужис татӧн.

Мукӧд ёжикысь эз торъяв.
Гögрöс. Дженьыд кока.
Сӧмын ем пыддиыс... коръяс,
Турун сі – бан бокас.

Кöть и бушков увгö скöра,
Кöдзыд емöн сутшкö –
Ёжик ветлö тулыс кöра,
Надзöникöн чушкö.

«Татшöмыс оз вермы лоны!» –
Шуöны звер-пöтка.
Ёжик дзоридзалö. Шоныд,
Кöть и турöб йöктö.

Золотая бабушка

Есть у бабушки моей
Золотые спицы.
Вяжет ими не носки
И не рукавицы.

Подойдёт она к окну
И раздвинет шторки:
Солнце катится клубком
По небесной горке.

Вместо ниток тянет луч
Бабушка руками –
Петли вяжет из него
Ровными рядами.

Спицы весело стучат,
Слушаясь хозяйку,
И выходят из-под них
Солнечные зайки.

Серпасъясыс
Валентина ПАНЮКОВАЛÖН.

Зарни пöч

Менам пöчлöн эм
Кысян зарни ем.
Тайö емнас оз
Кылы кепысь гоз.

Енэжыс кö сöдз –
Öшинь восьтö пöч.
Шонді-тупыль гöрд
Сетö югöр – шöрт.

Ок и пöчö рад –
Öдйö содö рад.
Сьылö-кысьö пöч –
Артмö... шонді кöч!

**** Мырпомсö сетам номерын медся бур гижöдысь.***

Генрих
НЕМЧИНОВ

ЧАРДЫБИ

Мойд

ЛӦП ЧУКӦР

Ылын войвылын олісны гозъя. Найö вöліны зэв шудаöсь и нинöм понда эз майшасьны. Быд рыт петавлісны ывлаö колльöдны вöртас сайö пуксьысь шондісö. Матрен ваяс семечки тыра ыджыд дозмук да пуксяс Баре Васькöд керкабокса лабич вылö. Киллыысьöны, быттьö кинотеатрынöсь. Семечки кышыс лэбö муö аръявыв гылалысь кор моз.

Гозъя овмöдчисны татчö кызь во сайын. Неылын визувтö чериа ю. И вотöса нюрыс матынкодь. Лунбыдöн Матрен вермö некымын наберушка тыртны. Гортас туисъясын заптöма и мырпом, и турипув. Бара на тöв кежлö позяс пуны тырыс варенньö да компот.

Баре Вась оз и дöзмывлы чери кыйöмысь. Став матыс тысö нин гудраліс комын метра кузьта абарнас. Черисö ачыс и солалö да видзö амбарас флягаясын. Еджыд ёссö – öтилаын, сьöмгасö – мöдлаын, сирсö да кельчисö – коймöдлаын.

Вояс лэбисны. Нюрбокса пожöма тільяс паськалісны, томиник пуяс нюжалісны. Тулыснас ю вевттьыліс діяссö, а гожöм кежлö бöр векняммыліс да сетіс быдмыны турунысны.

Гозъя эз шогсьыны. Баре Вась ньöбис мотора выль пыж, медым ылöджык позис ветлыны кыйсьыны, да и карö тшöкыдджыка вермас лэччывны. Гöтырыскöд тыртасны пакетъяссö лавкаын сёян-юанöн да бöр сиктö кайöны. Сэсся коркö гортаныс унакодь лöптыс чукöрмис да, Матрен кутіс пластиковöй дозъяссö, кöні быдсяма

юанторйыс вузассьö, вотчигмоз катлыны нюр дорö. Вöр-ваыс паськыд – тöрöдас. Баре Вась эз жö гректöг ов. Пöрысьладорыс киыс заводитіс дзöрны да, моторсö бензинöн кор вердас, канистра джынсö кисьталас юö. И дозсö майшасьтöг шыбитас кылавны. А юыс дозсö валъяснас берегö ляскас.

Шондіысь нинöм он дзеб. Сійö быд лун морт бöрся видзöдö. Став бурсö и лёксö аддзö. И вöр-ва няйтöсьтöмсö казявтöг оз жö ов. Кор шонді помöдз скöрмис, öти войö сёрнитчис тöлыськöд. Кывкöртöд артмис татшöм: колö кольны гозъяöс лöп чукöр костö öтнаннысö, вöр-ватöг.

…Нюршöрса тільясын садьмисны пожöмъяс, пондісны нюжмасьны, пучерныс быдсöн метра кык вылö кузьджык лои. Сэсся пуясыс веськöдісны чукля вужнысö да витысь пуксьылісны, быттьö котöртöм водзын вир-яйсö шонтысь ордйöдчысьяс. Та бöрын найö кутчысисны лыска увнаныс нитшкö да гартісны паськыд нюрсö джоджджöраöс моз: артмис зэв кузь, но оттöм тубрас. Пожöмъяс босьтісны сійöс да гырысь восьласöн мöдöдчисны юлань.

Баре Вась гозъя чöскыда узисны. Гораа корскöм вöснаыс эз и кывлыны, кыдзи тöвзьысис. Друг ывлаын мыйкö мöдіс грымгыны, и керка стенмыс пондіс сыркакывны. Таысь Матрен паляліс, но чöскыд унмыс сійöс веніс. Нывбаба топöдчис верöсыс дорö и бöр унмовсис. Весиг думыштны эз куж, мый йöр дортіыс пуяс мунасны.

Пожöмъяс лэччисны ю дорö. Найöс сэні виччысисны нин паськыд мышка сиръяс. Пуяс вольсалісны на вылö нюрдöрасö да водісны. Ю öддзис да лэччис-визувтіс му шар пыдöсö. Шонді бергöдчис гозъялöн оланінлы мышнас да шебрасис кыз кымöръясöн.

Асывнас Баре Вась нюжмасигтырйи петіс кильчö сод вылö. Лолыштіс кос сынöдсö да этша эз джагав кызöдöмысла. Гögöр сулаліс чöв-лöнь. Эз кыв ни лэбач дзольгöм, ни пуяс вылын кор кышöдчöм. Баре Вась лэччис йöрас да ветлöдлыштіс. Вöлі дзурс пемыд, и мужичöй öдва аддзис бöр пыран туйсö. Сійö босьтіс керкаысь пöнар да петіс ывлаö. Кор Баре Вась югзьöдіс йöрсö, весьöпöрöмысла муртса эз усь: садйын эз вöвны пуяс, быттьö вужнас кодкö нетшыштöма. Сійö кöсйыліс нин пырны гортас, но кокыс кыскис вадорö. Сэні серпасыс вöлі нöшта на шуштöмджык: юыс эз тыдав, сöмын ковтысыс...

Мöд войнас вöр-ваыс да енэжыс шуисны öтвылысь му пыдöсö лэччыны. Кыпöдчис вына тöв, сійö öктіс мир пасьтала став ёг чукöрсö да нуис öтилаö, войвылö, Баре Вась гозъя дорö.

– Но ми жö та мындасö эг шыблалöй! Кысь нö тайö ставыс? – сыркъялöмöн горöдіс Матрен, кор аддзис керка дорас быдмöм лöп гöрасö, уна пöвстöн тэчöм стеклö-пластик сора ёгсö. Верöсыс чöв оліс, сьöдöдöм чужöма.

Тадзи Баре Вась да Матрен лоины лöп-ёгöн веськöдлысьясöн.

Гожся университетса том филологъяслӧн гижӧдъяс

КЫВ ГӦРДДЗЫМ

«СЬӦЛӦМӦЙ ЫРКМУНІС...»

Кыв

Кывйыд – тайӧ олӧм,
Сійӧ ставлы колӧ.
Мам сьӧлӧмсянь воӧ
Ичӧт мортлӧн лолӧ.

Кывйыд сійӧ – шонді,
Бисьыс лолыд ойдас.
Кывйыд сійӧ – чардби,
Сявкнитас да дойдас.

Кывйыд сійӧ – ловъя,
Нэмысь нэмӧ олӧ.
Кывйыд сійӧ – бордъя,
Быдӧн дорӧ волӧ.

Кывйыд медся дона.
Вына, мыла, гора!
Видза морӧс бердын,
Кузь нэм сылы кора.

Важ сундук

Быд гожöм Лизук волывліс гöститны бабыс ордö. Керкаас вöлі зэв уна чуймöданатор. Но медся ёна шензьöдіс Лизукöс важ сундук. Сійö сулаліс пач костын. Баб игнавліс сійöс ыджыд томанöн да некодöс эз лэдз вöрöдны. А Лизуклы зэв окота тöдмавны, мый сэтчö дзебöма. Гашкö, мича платтьö либö дона шöвк чышъян. А гашкö, юмов кампет.

Öтчыд пöрысь баб мöдöдчис нюр вылö пувъявны*. Лизукöс колис горт овны. Нывка босьтіс небöг да мöдіс лыддысьны. Друг кыліс ичöт каньпилысь нявзöм и мöвпыштіс: «Мурка ли мый ваясис?» Сійö гöгöртіс керка пытшкöсті да гöгöрвоис: шыясыс кылöны важ сундукысь. Лизук судзöдчыліс джаджйö да корсис томан ключсö. Сэсся восьтіс важ сундуксö и зэв ёна чуймис: «Сöмын öти акань! Мыйла бабö индіс сійöс эстчö?» Акань вöлі турунвиж синъяса. Сійöс вурöма мича лестукъясысь да пасьтöдöма гöрд сарапанöн. Лизук босьтіс аканьсö ворсыштны. Баблöн локтігкежлö пö бöр пукта важ сундукö. Но Лизук ворсіс-ворсіс дай унмовсис.

Виччысьтöг аканьыд ловзис, сувтіс кок йылас да кутіс дурны. Пасьвартіс ыджыд тасьті, еджыд пызандöра вылö кисьтіс пувъя варенньö, пöрöдіс йöв банка, уськöдіс öшинь вылысь дзоридз да дзебсис пöдвöлöкаö. А Лизук сэтшöм чöскыда узис да нинöм эз и кыв.

Локтіс баб, вайис ведра тыр пув. Видзöдліс гöгöрпöв да юаліс: «Лизук, мый нö вöчöмыд? Мыйла бридитöмыд**?» А Лизук водзö узьö, оз и кыв. Бабыс садьмöдіс сійöс. Но нывка нинöм эз куж висьтавны.

Здук мысти пöдвöлöкаын кыліс кодлöнкö сералöмыс. Баб кайис сэтчö да аддзис аканьсö.

– Лиза, мыйла босьтін аканьсö? – керкаö пыröм бöрын юаліс баб. – Тайö öд абу прöстöй акань. Аддзан, сійö синма, и пытшкас вермö пырны Шушук.

Лиза чуймöмöн видзöдліс бабыс вылö:

– А код нö сійö Шушукыс? Зэв тешкодь ним!

– Тайö тун, коді радейтö бридитны керкаын да вильшавны ичöт челядьöс. Тэнö Шушук унмовськöдіс, а ачыс дурис. Татшöмторйыс миян сиктын челядькöд овлö, но некод на эз аддзывлы Шушукöс. Та вöсна мездöдчыны сыысь оз кужны. Медым Шушукыс эз во миянö, вай бöр дзебам аканьсö сундукö.

Юсьяс

Уна нэм сайын, кор йöзыс эз на тöдны, мый сэтшöмыс радейтчöм да лöглун, му вылö лэччисны енэжысь кык юсь. Öтиыс вöлі еджыд, мöдыс – сьöд. Тайö лэбачьясыс вайисны сьöрсьыныс быдсикас сьöлöмкылöм: висьöм, шог, муслун да гаж.

**Пувъявны (л.) – öктыны пув.*
***Бридитны (л.) – пакöститчыны.*

Еджыд юсь вайис бурлун да радейтчöм. Сійö овмöдчис аслас лолыс кодь жö югыд, сöстöм ты вылын.

Сьöд юсь вайис висьöм да сьöлöм дой. Сійö аддзис аслыс туяна оланін сьöд вöр шöрын, пемыд му пытшкöсын.

Медводз йöзыс тöдмалісны гаж да радейтчöм. И налы окота лоис, мед тайö сьöлöмкылöмъясыс некор эз бырны... А сэсся воисны пемыд лунъяс. Йöз гöгöрвоисны, мый сэтшöмыс шог, висьöм да лёклун. Найö шуисны мездöдчыны лёкторйысь да вины сьöд юсьöс. Тайö могсö пöртны вöзйысис вына да повтöм том зон – Петыр. Сійö эскис, мый ставнысö мездас лёклунысь.

Водз асылö удал зон мöдöдчис корсьны сьöд юсьöс. Сійö муніс куим лун да куим вой, дзикöдз мудзис. Туйын Петыröс суис ыджыд сьöд кымöр. Заводитіс зэрны, югъявны, гымавны. Петыр кутіс пышйыны, медым дзебсьыны кöдзыд зэрысь. Ыджыд тöв мöдіс пöрлöдлыны пуяссö, быттьö вöр-ва эз лэдз мунны Петыröс водзö. Виччысьтöг зон казяліс пемыдін да мöдöдчис сылань. Тайö вöлі му пытшкöс. Петыр пырис пыдöджык и пыдöджык да недыр мысти матыстчис сьöд ты дорö, кöні оліс сьöд юсь. Петыр чуймис тайö дивöыслы да öттшöтш радліс, мый аддзис корсянторсö.

Петыр индысис* кутны юсьöс, дасьтіс сак. Недыр мысти юсь кывтіс береглань. Öти здук, и Петыр шыбитіс юсь вылö саксö. Сьöлöмыс радліс. Юсь эз нетшкысь, быттьö сетчис Петырлы. «Гашкö, доймис», – думыштіс зон да вöрзьöдыштіс бордсö. И сэк жö кыліс, мый киыс сьöктаммис. А кымынкö здук мысти киыс кутіс пöрны изйö. А сэсся зон ставнас измис...

Йöз костын паськаліс сёрни, Петыр пö вошöма. Медбур ёртъясыс – Иван да Павел – мöдöдчисны корсьны сійöс. Сизим лун мысти найö аддзисны сьöд ты дорын изйö пöрöм Петыröс.

Тайöс тöдмалöм бöрын йöз гöгöрвоисны: оз позь мездöдчыны лёкторйысь. Лёклун да бурлун му вылын олöны орччöн.

Юлия ИВАНОВА

Шонді ош

Енэжас, юра кымöр вылын, олö Шонді Ош. Сійö ыджыд, зарни рöма, а синмыс... енэжлöз.

Лунысь-лун Ош чеччалö кымöрысь кымöрö да чукöртö енэж зіясöн вöчöм шонді масö. Сійö кыскалö масö мышкас ыджыд-ыджыд бöчкаын.

Ошкысь ставныс полöны да оз кöсйыны ёртасьны. Но сійö зэв шань сьöлöма да бурдöдö челядьöс. Войнас, кор ставныс узьöны, Ош мунö челядь дорö да пуктö крöвать дінаныс ичöтик дозмукъясын шонді ма. Асывнас нывкаяс да зонкаяс сёйöны масö да öдйö и бурдöны.

**Индысьны (лл.) – лöсьöдчыны.*

Би

Оліс-выліс Би. Сійö зэв ёна радейтіс отсавны йöзлы ломтыны пач, пуны сёян, öзтыны сись. Тайö удж вöснаыс Би кыліс асьсö вынаöн да коланаöн.

Öтчыд йöз пестісны вöрын бипур, медым косьтыны паськöмнысö, а асьныс мунісны ю дорö. Би öзйис, öзйис, öзйис. Сылы лои гажтöм. Видзöдліс орчча неыджыд видз вылö да аддзис мича-мича катшасин. Сылы окота лои нимкодясьыштны дзоридзнас матысяньджык, дай петіс бипурысь – мöдöдчис видзлань. Му вылын куйлісны увъяс, пожöм кольяс, лыс, и сійö кокниа воöдчис катшасин дорöдз. Би любуйтчис дзоридзöн, гöгöрбок видзöдаліс сійöс, но эз вöрöд, поліс вины. Сэсся коркö бергöдчис, медым мунны бöр бипурас, да чуймис. Вöрыс сотчö! Сотчö ставыс! Звер-пöтка пыйöны! «Мый нö вöчи? Мый?»

Регыд локтісны йöз да звöнитісны кусöдчысьяслы. Асьныс кутісны ваявны ва да кусöдны бисö. Но век жö катшасиныс сотчис... Билы лои зэв яндзим: сійö и вöрсö сотіс, и дзоридзсö виис...

Би век на радейтö отсавны йöзлы, но катшасинсö некор оз вунöд.

Алина ЗЮЗЕВА

Изъя места

«Коркö важöн, паськыд видз пöлöн, тэрыб ю бокын овмöдчис ичöт котыр. Йöз олісны инöн-ладöн, лэптісны керкаяс да перйисны кынöмпöт. Олöм визувтіс шыльыда, и нинöм эз торк тайö серпассö», – татшöм кывъясöн заводитіс ассьыс сёрни менам пöль. Ми пукалім кильчö вылын да любуйтчим арся поводдяöн. Ме локті карысь некымын лун кежлö гöститыштны пöль ордын да отсасьыштны. Сöмын öні, рытнас, ми пуксим шойччыны, и сійö пондіс висьтавны чужан сиктлысь коркöя олöмсö. Ме бура сійöс кывзі. Юрын чужисны быдпöлöс серпасъяс да мöвпъяс. Ывла лöньыс да чуймöдана мичлуныс сöмын ёнджыка пыртісны менö важ нэмся руас. Ме лöсьыдджыка пукси и пöсь тшай юигмоз кывзі пöльлысь тэрмасьтöм сёрнисö.

«Видз вылын чужöм сикт быдмис да дзоридзаліс. Йöзыс пыдди пуктісны ассьныс енъяссö и кыпöдісны сикт шöрын ыджыд из бöлбанъясöс. Мастер киа мужичöйяс сёртісны на вылын ен мыгöръяс, а нывбабаяс мичмöдісны дöраöн да турунöн. Быд тöлысь помын тані пансьыліс гаж: йöз сотісны ыджыд бипур весьтын кöчöс – вöтлісны полöм, кевмысисны енъяслы да корисны лёкторъясысь прöща. Найö эскисны: тадзи енъяс бурасясны, сетасны налы бур урожай да лöнь олöм.

Но эз тай сідзи ло. Кутшöмкö кад мысти воис сиктö тöдтöм морт, пондіс висьтавны выль эскöм йылысь, кöні вöлі сöмын öти ен. Шуис асьсö Епимöн, Перымса Степанлöн велöдчысьöн. Сійö кöсйис быдöнöс пыртны аслас эскöмö. Сикт шызис. Некод эз гöгöрво, мыйла колö тöдтöм ен, кор эмöсь нин бур дорйысьяс. Епим ветлöдліс керкаысь керкаö, сёрнитіс олысьяскöд да корис пыртчыны. Но ре-

гыд сійö вежöртіс: весьшöрö кывсö песö. Сиктсаяс букыша сы вылö видзöдісны, мукöдъяс весиг йöрас эз лэдзны, пинялöмöн вöтлісны.

Епим дыр мöвпаліс, кыдзи дугöдны йöзлысь уна енлы эскöмсö. Локтöмсяньыс нин сылы окота вöлі пасьвартны сикт шöрын кытшöн сулалысь изъяссö. Но Епимлы тайöс вöчны эз позь. Коліс татчöс морт. Дыр корсьны эз и ковмы. Сиктса чукöртчöм дырйи Епим казяліс: öти мужичöй пукалö ставлы паныд да гораа мыйкö висьталö йöзыслы. Кöнкö, юралысьныс. Шуисны мужичöйсö Петырöн. Вель на том, чорыд видзöдласа да крепыд тушаа. Коркö уличаöд мунігöн сійö паныдасис Епимкöд, и Епим смелмöдчис да шуис:

– Лок талун войнас изъяс дорö. Сёрни эм, – сэсся муніс водзö. А Петыр недыр кад сулалыштіс на ылыстчысь Епим бöрся видзöдöмöн.

Изъяс дорö Епим локтіс вой шöр кадö. Мыш саяс кутіс дорччанінысь гусялöм кык шыпурт. Петыр дыр эз лок. Гашкö, сійö повзис либö бергöдіс ставсö шмоньö, и öні узьö нин. Но колис нöшта мыйтакö кад, и Епим кыліс кок шыяс. Сійö бергöдчис. Изъяс дорö матыстчис пемыд мыгöр, коді тшöкыда сувтышталіс да полігтырйи нёджъяліс. Регыд сійö дзикöдз матыстчис, и тöлысь югöр улын Епим тöдіс Петыröс.

Пансис кузь да сьöкыд сёрни. Епим висьталіс Петырлы аслас эскöм йылысь, шуис, кöсъя пö вайны йöзлы сöмын бур. Сійö перйис шыпуртъяс, и Петыр гögöрвоис Епимлысь думсö. Петырлöн сьöлöмас мыйкö вöрзис. Сылы эз вöв окота янöдны юрсö сиктсаяс водзын. Но, гашкö, збыльысь выль эскöмыс бурджык? Сёрнитысьяс костын дыр кежлö пуксьыліс чöв-лöнь; кыліс сöмын Епимлöн сьöкыд лолалöмыс. Петыр мöвпаліс, кадыс муніс. И Епимлы пондіс дышöдны. Сійö тойыштіс öтар шыпуртсö Петырлы киас да скöрпырысь шуис:

– Нинöм виччысьны! Лок пöрöдам изъяссö.

И Петыр быттьö садьмис. Сійö пуктіс сьöкыд шупыртсö веськыд киас, сэсся мöдарнас тшöтш кутчысис да Епимкöд öти здукö мый вынсьыс вартіс ен мыгöрö. Сійö жö здукас мыйкö вежсис. Петыр кыліс, кыдзи морöс пытшкыс виччысьтöг сьöктаммис. А Епим лэдзис кияссö да усис пидзöс вылас. Кытш весьтын енэжыс пемдіс, тупкысис повзьöдчана кымöръясöн. Кыпöдчис ыджыд тöв ныр. Кöнкö матын гораа гымыштіс. Епим горöдіс:

– Эн лэччысь! Эштöдам, енъяссö ог кольöй!

Петыр эз гögöрво, мый вöчö. Сійö отсыштіс Епимлы чеччыны да пондіс нöшта ёнджыка дойдавны изъяссö. Найö потласисны, и регыд öти бöлбан пасьмуніс. Посни изъяс сявмунісны, веськалісны мужичöйяслы вир-яяс да уськöдісны найöс кок йывсьыныс. Поводдя нöшта на лёкмис: кымöръяс сукмисны, лэччисны улöджык и улöджык. Гымалöмысла нинöм гögöрбок эз кыв. Тöв нырыс сэтшöма вынсяліс – весиг чеччыны вöлі сьöкыд. Епим да Петыр куйлісны му вылын да вöрöдчыны эз вермыны. Ки-кокныс пондіс сьöктавны, быттьö найöс став тушанас му пиö гуалöны. Епим эз кöсйы сетчыны. Сійö сьöкыдпырысь чеччис, тшапкысис шыпуртö да лэптіс юр весьтасас, медым нöшта вартны. И друг енэжсö поткöдіс яръюгыд чардби, и улича пасьтала чорыда гымыштіс. Чардби лыйис енъяс кытшö. Изъяс

тратшкакылӧмӧн потласисны да киссисны му вылӧ. Сэсся лыйис нӧшта ӧтчыдысь. Та пӧрйӧ чардбиыс веськаліс мужичӧйясӧ. Епим да Петыр гӧгӧр ыпнитліс дон би да кусіс бӧр. Кык морт пыдди муын колисны изъяс – ӧтиыс водса, а мӧдыс сувтса, енэжлань кыпӧдӧм кияса.

Кор асывнас йӧз петісны ывлаӧ, ёна и шензисны. Быдӧн кывлӧма войнас поводдя бушуйтчӧмсӧ, но абу лысьтӧма петны гортсьыс. Ӧні на водзын воссис повзьӧдлана серпас. Кодъяс тайӧ кык измӧм мортыс? Регыд лои гӧгӧрвоана: сиктсаяс пӧвстын эз тыдавны Петыр да Епим. Йӧз эз тӧдны, мый вӧчны. Юралысьныс шыбитіс найӧс, а енъяс, гашкӧ, скӧрмисны став войтыр вылас. Дыр мӧвпалісны йӧз и шуисны: чукӧртчыны да мунны татысь, корсьны выль оланін да енъяскӧд бурасьны.

Пӧльӧй лӧнис. Сійӧ видзӧдіс кытчӧкӧ ылӧ, быттьӧ век на аддзис шемӧсмӧм войтырсӧ. Висьтсӧ кывзӧм бӧрын меным лои окота аддзывны изъяссӧ ас синмӧн. Кӧть рӧмыд нин вӧлі, тӧлысь мыччысис, ме чеччи лабич вылысь да петі йӧрысь. Бур, мый олім ми юсянь неылын, и мунны дыр эз ковмы. Важ кадсянь ӧніӧдз юыс ёна паськалӧма, и ытваяс понда тані артмӧма кыр. Ме лэччи вадорӧ. Берег пӧлӧн паськыда вольсыштчӧмаӧсь изъяс. А месянь бокынджык вӧрзьывтӧг сулалӧны найӧ, кодъяс коркӧ кӧсйисны пуктыны важ эскӧмлы пом. Юсянь локтысь руыс кытшаліс бӧлбанъясӧс, быттьӧ тупкис кутшӧмкӧ гусятор. Ме пукси му вылӧ. Дыр тадзи пукалі, кывзі чӧв-лӧньсӧ да видзӧді изъяс вылӧ. Босьтлі найӧс киӧ, корси чужӧмъяс. Но, кӧнкӧ, зэрыс да кадыс ставсӧ вуштӧмаӧсь. Кор дзик нин пемыд лоис, понді кынмыны да чеччи, вӧляникысь мӧдӧдчи гортлань. Друг кыліс кутшӧмкӧ шы; эг на удит гӧгӧрвоны, кытысь сійӧ локтӧ, но бергӧдчи юлань. И шемӧсми. Сэні, кӧні ме неважӧн пукалі, кодкӧ сулаліс. Коді нӧ тайӧ? И кытчӧ вошӧма сувтса изйыс?

Тӧлысьыс бура югӧдіс. И ме аддзи, кыдзи морт мыгӧр матыстчис водса из дорӧ, инмӧдчис кыкнан кинас да бӧр вешйис. Дыр виччысьны эз ковмы: бӧлбан вӧрзис, кыпаліс и друг тшӧтш пӧри мортӧ. Сійӧ кутіс киас ыджыд шыпурт.

Повзьӧмла менам ыркмуніс сьӧлӧмӧй. Дзебси матысса бадь сайӧ, медым не явитны ачымӧс. Мый нӧ тайӧ? Изъяс ловзисны? Гашкӧ, ме кыдзкӧ найӧс садьмӧді? Кокӧй тіраліс, но мунны эг вермы. Окота ӧд тӧдны, мый лоас водзӧ. Ме чукӧрті лов пытшкын став повтӧмлунӧс да кольччи.

Кык мужичӧй (тайӧ тӧдчис крепыд туша сертиныс) матыстчисны ю дорӧ да сунгисны шыпуртсӧ кӧдзыд ваӧ – сэні югнитіс лӧз би. А кор мужичӧйяс бӧр перйисны шыпуртсӧ, сійӧ яръюгыда дзирдаліс да пӧртмасис кельыдлӧзӧн. Тайӧ вӧлі сэтшӧм мича! Мужичӧйяс некымынысь воськовтісны бӧрлань, кутчысисны шыпурт воропӧ да лэптісны сійӧс енэжлань, а йывсӧ веськӧдісны тӧлысьлань. Шыасис гӧлӧс; ӧти мужичӧйыс сёрнитіс бура да гораа, но ме эг велав ни ӧти кыв. Сійӧ быттьӧ кодлыкӧ юрбитіс. Сэсся пуксис лӧнь. Енэж востымасис лӧз да кольквиж рӧмъясӧн, чардбилӧн вӧсни сунисъяс инмалісны шыпурт йылӧ. Кык мужичӧй копыртчылісны муӧдз, и бара лоис пемыд. Сэсся найӧ копыртчылісны ӧта-мӧднылы да бӧр мунісны изъяс дорӧ. Ӧтарыс сатшкис шыпуртсӧ муӧ да сувтіс дорас, а мӧдыс водіс изъяс вылӧ. Енэж пасьтала ӧзйис-разаліс нӧшта ӧти востым, и сійӧ вӧлі син чеган югыд – меным ковмис куньтыртчыны. А кор бара верми

видзӧдлыны берег вылӧ, мужичӧйяс пыдди зымвидзисны нин изъяс. И сӧмын юын ворсӧдчысь гыяс пӧвстын кадысь кадӧ век на ӧзйылісны лӧз би киньяс.

А эз-ӧ тайӧ вӧвны Епим да Петыр? Эз-ӧ кӧсйыны шуны: ӧнӧдз на эскӧны ӧти енлы да оз жалитны асланыс вӧчӧмтор йылысь? Ог тӧд, збыль тайӧ ставсӧ аддзылі либӧ вӧталі. Ог помнит весиг, кыдзи бӧрыннас гортӧдз вои.

Вӧр-ва видзысь

Ӧти асылӧ ме садьми зэв водз. Видзӧдлі ӧшиньӧ – шондіа, гажа. Муыс ва. Буракӧ, войнас зэрӧма. Ме дыр эг нюжмась: котӧрӧн чукӧртышті сёян, пасьтаси, босьті пестер да кайи пожӧма ягӧ. Ме радейта ветлывлыны вӧрӧ, торъя нин татшӧм поводдяӧ. Сьӧлӧмӧй кылӧ вӧр-вакӧд йитӧдсӧ. Кӧнкӧ, тадзи жӧ кылісны и пӧрысь пӧль-пӧчӧй.

Некытчӧ ог тэрмась, вӧляысь восьлала вӧрса ордымӧд. Кок улын таляссьӧ нитш, юр весьтын югъялӧ шонді. Быттьӧ нинӧм оз торк тайӧ лӧнь серпассӧ. Но друг ме казялі: пуяс костӧд кодкӧ вуджӧртіс. Сувтыштлі. Гашкӧ, каститчис? Виччысьышті, но некод эз и тыдовтчы. Тайӧ лоӧмторсӧ ме эг ёна пыдди пукты да мӧдӧдчи водзӧ.

Но мый нӧ тайӧ? Эг удит весиг дас воськов вӧчны, бара кодкӧ уйкнитіс, чегис косьмӧм ув. Ӧні ме син пӧлӧн удиті видзӧдлыны вӧр шызьӧдысь вылӧ: еджыд тошка, джуджыд тушаа, визя дӧрӧма. Дзор пӧль ветлӧдлӧ таті, гашкӧ, кыйсьӧ. Меным лоис гажаджык: сідзкӧ, ог ӧтнам нимкодясь вӧрӧн.

Коли кад. Пӧль йылысь ме вунӧді нин. Пестерӧй кутіс тырны быдпӧлӧс тшакнас, и ме шуи шойччыштны да сэсся лэччыны гортӧ. Луныс вӧлі мичасьыс-мича. Вӧр-пу костын ворсӧдчис шонді. Сьылісны лэбачьяс. Сьӧлӧмӧй менам радліс, ӧд татшӧм бур поводдятӧ арся кадӧ тшӧкыда он сулы. Ме шойччӧдышті ветлӧдлӧмысь мудзӧм кокӧс, юи пӧсь чай (вӧрын сійӧ торъя нин чӧскыд), апалышті ыркыд сынӧдсӧ... Лун пондіс катовтчыны рытлань. Ме чукӧртчи да мӧді гортлань.

Вӧрӧ пыранінын эм тешкодь туй: медводз сійӧ паськыд визьӧн кытшовтӧ ты, сэсся юксьӧ куим пельӧ. Кык туйыс веськыдӧсь, а коймӧдыс зэв ёна гартчӧ. Со тані, чукля туй вылас, ме бара паныдаси пӧлькӧд. Кытысь сійӧ петіс? Му пытшкӧссьыс кӧ-а? Виччысьтӧмла джӧм сувті. Пӧль видзӧдіс ме вылӧ дивитан синмӧн. И кымын дырджык ме видзӧді сылань, сымын ёнджыка муткырасис сьӧлӧмӧй. Пельпомыс нӧ мый пасьта, ошлӧн кодь? Ме гӧгӧрвои: абу прӧстӧй пӧль тайӧ. Гашкӧ, багатыр либӧ Яг Морт. Сійӧ вӧрзьӧдчывтӧг сулаліс меным паныд и нинӧм эз шу. Ме тшӧтш жӧ эг лысьт мыйкӧ вӧчны. Абу-ӧ тайӧ вӧр видзысьыс: вотчигӧн тай ӧтарӧ кыйӧдчис ме бӧрся? Тӧдтӧм вын йӧткыштіс менӧ, и муӧдз копыртчи пӧль водзын.

Сэсся ме бӧр веськӧдчи да понді ньӧжйӧ кежны вӧрлань, мед воӧдчыны гортӧ нуӧдысь туйӧдз. Куті нин матыстчыны прӧсекӧдз, дзор пӧльыд бара сувтіс ме водзӧ, синнас шуис: ог пӧ лэдз. Мый нӧ тайӧ татшӧмыс? Мый нӧ лёксӧ вӧчи? Друг

став вöр пасьтала юрöбтіс гора гöлöс. Сійö ставсö шызьöдіс – и му пытшкын, и енэж чуркйын. Весиг пельöй здук кежлö чунавліс. Гöлöсыс стрöга муркнитіс-шуис:

– Он лысьт босьтны менам вöрлысь озырлунсö! Тайö ставыс – звер-пöткалöн, абу мортлöн. Он лысьт тані вотчыны, усйысь!

Ме сэтшöма повзи! Сьöлöмöй коклябöрöдз лэччыліс. Звирк шыбиті мыш сайысь пестерсö да садьтöг гöниті гортлань. Сійö жö здукас вöрын ставыс лöнис, быттьö нинöм эз и вöв. Но балябöжöн ме дыр на кылі дзор пöльлысь сюсь видзöдлассö.

Лера УТЯМЫШЕВА

Гöрд чышъян

Гожся лун. Шондіа. Ме батьöкöд мöді вадорö. Юсяньыс неылын ми казялім гöрд сэтöр. Купайтчöм бöрын шуим вотчыштны. Видзöдам: öти бадь, мöд, коймöд... Сэтöрыс пыр ылöджык и ылöджык кыскö миянöс ю дорысь. Мыйкö дыра мысти ведраясным тырисны. Ме мудзи, колö бöр мунны гортö. Но туйсö öтнамöн ог аддзы. Кöні нö батьö? Неылын öд вöлі ме дінысь. Чукöсті батьöс, а ачым пукси му вылö да мöді виччысьны, кор сійö менö аддзас.

Кыла – кöнкö пу вылын мыйкö ратшмуні. Видзöдлі вывлань – нинöм абу, сöмын гöрд чышъян öшалö. Недыр мысти батьö матыстчис, пуксис мекöд орччöн. Повзьöмла ме юалі: «Пап, а кытысь пу вылын гöрд чышъяныс?» Сійö висьталіс, мый мукöддырйи вотчысьяс öшöдöны пу вылö пакет либö чышъян: юрыд кö бергöдчас, кокни аддзыны петан туйсö. Сöмын мыйла тайö чышъяныс гöрд? Öд татчöс йöз пырджык кöрталöны еджыдöс.

Шойччöм бöрын ми сувтім да мöдöдчим юлань. Мунам-мунам, а юöдзыс некыдз ог воö. Юрын менам бергалö тырыс юалöм: «Ми öд ог жö вошö татчö? Миянöс пöръяліс тайö чышъяныс пу вылас, али мый? Мыйла ми тшöтш эг кольöй кутшöмкö пас?» Дыркодь ми ветлöдлім вöрті. Аддзам: öти пу дорын сулалö морт, тшöтш вотчö. Матыстчим, а юыс нач дінаным. Кыдзи тадзикöн вермас лоны? Ми öд сёысь кытшовтім тайö местасö! Но кутшöм рад ме вöлі аддзыны Вусö!

Гортö воöм бöрын нин батьö висьталіс меным öтитор: «Ме эг кöсйы тэнö повзьöдны ягас, висьтала öні: кöнкö, юрнымöс гудыртіс кутшöмкö вын, а эз гöрд чышъяныс».

Элина ШЛОПОВА

Журналлöн редколлегия:
Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

АРТ ЛАД

www.artlad.ru

2019

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнал «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:
Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести
в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске в торговом центре «Дома быта».

Оформить подписку вы можете во всех отделениях ФГУП «Почта России».
Подписной индекс: П4453

Лыдди «АРТ» и ставыс АРТмас!